

3080 ph.

DAR

W.P. Magnisofa w. Łodzi
po szkołach średn. rosyjskich.
Dla Biblioteki Publicznej
w Łodzi

12/XII-18.

3080

~~3080~~

РАЗСКАЗЫ

ЗАПАДНОЙ РУСИ

П. ЩЕВАЛЬСКАГО.

Petr Kardonic^v

(Издание второе).

Dublet
3799

МОСКВА.

Въ типографіи П. Бахметева, на Малой Дмитровкѣ № 14.

1866.

Spr. I. W.

358

3080

162112

Дозволено цензурой. Москва, Августа 9-го дня 1866 г.

МОСКОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
1866

РАЗСКАЗЫ

о

ЗАПАДНОЙ РУСИ.

I.

Границы древней Руси. — Раздробление ее на удельы. — Владимир Мономахъ. — Вторжение Татаръ и покорение ими Россіи. — Литва и Литовское княжество. — Завоевание литовскими князьями западныхъ русскихъ княжествъ. — Въ Литву проникаютъ русский языкъ и восточное православіе. — Литовский князь Ягелло дѣлается польскимъ королемъ (1386 г.). — Обращеніе Литвы въ католичество.

Русское государство имѣло весьма давно иочти тѣ же границы, какія оно имѣть теперь, и было почти также обширно. Если сравнить нынѣшнюю Россію съ Россіей временъ Владимира Святаго и Ярослава, то окажется, что старинная Русь, за исключеніемъ Сибири, не владѣла лишь Крымомъ, Кавказомъ да Финляндіей. Поселенія русскія находились однако близко и къ Кавказу, и къ Финляндіи: за Азовскимъ моремъ, на Кубани, княжилъ одинъ изъ сыновей Ярославовыхъ, а съ другой стороны, на самомъ берегу Финского залива, существовали издавна русскія деревни, каковы: Копорье, Ямъ, въ нынѣшней Петербургской губерніи, Калинкина, на томъ самомъ мѣстѣ, где теперь стоитъ Петербургъ, и нѣкоторыя другія.

Эти ямы и деревни были разбросаны посреди населенія, принадлежащаго къ совершенно другому, не славянскому племени, — финскому. Финское племя занимало значительную часть нынѣшней Россіи, отъ Финляндіи до самой Церми, подъ именами: Короловъ, Морды, Чувашей, Вотяковъ и другихъ. Между этими инородцами поселялись новгородские выходцы, пріучая ихъ заниматься тѣми же, какъ и они, промыслами, говорить русскимъ языкомъ, строить русскія избы, молиться по обряду восточной церкви и признавать зависимость отъ русскихъ князей и мосадниковъ.

Въ другія стороны славянское племя тоже распространялось и заводило свои поселенія и городки, напримѣръ, за Чудскимъ озеромъ; нынѣшний городъ Дерптъ былъ построенъ Русскими и назывался Юрьевымъ. Далѣе, по Западной Двинѣ и Нѣману, жило литовское племя, а за За-

паднымъ Бугомъ—польское, по сосѣству съ которыми стояли старинные русскіе городки: Городня, Берестѣа Овручъ, Владиміръ-Волынскій, Туровъ, Кременецъ, Каменецъ-Подольскій, Лодыжинъ (нынѣ селеніе);— все это были, слишкомъ 700 лѣтъ тому назадъ, города русскіе, населеніе русскими людьми и принадлежавшіе къ русской державѣ. Кромѣ того, русскими же людьми была населена, повиновалась русскимъ князьямъ и исповѣдуvalа православную вѣру вся та страна, которая нынѣ причислена къ Австроіи и царству Польскому и въ которой были города: Люблинъ, Холмъ, Галичъ и другіе.

Велика, слѣдовательно, была земля Русская и 700 лѣтъ тому назадъ по порядка въ ней не было, также какъ и въ то время, когда Новгородцы призвали къ себѣ князей изъ-за моря *); неурядица состояла въ томъ, что чуть не въ каждомъ городѣ былъ особый князь, который имѣлъ свою рать и правилъ тѣмъ городомъ, какъ ему приходило на умъ; притомъ же рѣдкій князь не завидовалъ своему сосѣду, полагая, что у него волости богаче или больше слугъ; а какъ отъ зависти до вражды недалеко, то ссоры и войны между князьями были безпрестанныя. Правда, надъ всѣми этими князьями былъ князь великий, которого и удѣльѣ былъ больше и казна богаче другихъ; но по этому случаю все другіе князья ему завидовали и, случалось, соединяли свои рати, чтобы умѣрить его власть. Отъ всѣхъ же этихъ войнъ князей между собою и съ великимъ княземъ страдаль народъ, погорали города и притаптывались луга и нивы.

Немного времени прошло послѣ смерти Ярослава, который былъ единственнымъ государемъ всей земли Русской и правилъ ею мудро и счастливо, а уже внуки его, стало-быть двоюродные между собою братья, рѣзались какъ лютые враги. По счастію, былъ изъ нихъ одинъ, которому дороги были и кровь, и благо Русскаго народа; это былъ Владиміръ, по прозванию Мономахъ. Славный князь этотъ много напоминалъ своего прадѣда, Владимира Святаго, равноапостольнаго: былъ щедръ и ласковъ, и набоженъ, какъ онъ. Кромѣ того, онъ былъ храбрый витязь, много и храбро бился съ кочевыми народами, которые изъ степей ири-донскихъ нападали часто на кievскія земли; когда же не было враговъ, отъ которыхъ бы оборонять Россію, то бодрый князь этотъ выѣзжалъ на звѣря и упражнялъ свою удаль на вепряхъ и медвѣдяхъ. Народъ любилъ Владимира за эту его удаль, за ласковость, за щедрость, за набожность, и еще болѣе за то, что онъ былъ истинный радѣтель земли Русской. До свѣта поднимался онъ съ постели, слушалъ обѣдню, потомъ думалъ, т. е. судилъ съ дружиною своею о дѣлахъ правленія, разбиралъ людей, которые приходили къ нему съ жалобами; самъ ихъ выслушивалъ, самъ и рѣшенія давалъ; спалъ по отцовскому обычаю нѣсколько времени послѣ обѣда, а потомъ опять принималъ тѣхъ, которымъ было до него дѣло, и такъ трудился до вечера. Видя, что князья только скорятся между со-

* О) томъ, какъ Новгородцы призвали князей изъ-за моря, смотри: «Начало Руси» сочиненіе П. Щебальскаго.

бою и потѣшаютъ тѣмъ враговъ отечества, Владимира уговорилъ ихъ всѣхъ сѣхаться вмѣстѣ, разобрать на общемъ совѣтѣ, кто противъ кого имѣть какія жалобы, и оправить правыхъ, а неправымъ заказать чинить неправду. Князья послушались Владимира, сѣхались, чтобы разобраться между собою по совѣсти, и цѣловали на томъ крестъ. «Если теперь кто-нибудь изъ насъ поднимется на другаго, говорили они, то мы всѣ встанемъ на зачинщика, и крестъ честной будетъ на него же, и вся земля Русская.»

За это народъ назвалъ Владимира «братолюбцемъ». Когда умеръ киевский великий князь, то Киевляне послали къ Владимиру, хотя онъ былъ и не старшій изъ князей, сказать ему: «Ступай, князь, на престоль отцовскій и дѣдовскій».

Но недолго сидѣлъ на велико-княжескомъ престолѣ Владимира,—всего 12 лѣтъ, и умеръ въ Киевѣ (1123 г.), оплаканный народомъ. «Слава его прошла, говорили о немъ, но всѣмъ странамъ; былъ онъ братолюбивъ и ищелюбивъ и добрый радѣтель за Русскую землю».

Каковъ человѣкъ былъ этотъ князь, видно изъ завѣщанія, которое онъ написалъ сыновьямъ своимъ: «Имѣйте страхъ Божій въ сердцѣ и милостыню творите неоскудную, писаль онъ. Не забывайте убогихъ; но сколько можете, по силѣ, кормите; больше другихъ подавайте сиротѣ; сами оправляйте вдовѣ, и не позволяйте спльнымъ погубить человѣка. Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, и не приказывайте убивать. Когда придется вамъ крестъ цѣловать, цѣлуйте, подумавши, — можете ли сдержать клятву, и разъ цѣловавши крестъ, берегитесь, чтобы не погубить души своей. Пуще всего не имѣйте гордости въ сердцѣ и умѣ; говорите: «всѣ мы смертны, нынѣ живы, а завтра въ гробѣ». Старшихъ чтите какъ отцовъ, младшихъ какъ братію. Остерегайтесь лжи, пьянства, блуда: въ этихъ порокахъ и душа, и тѣло погибаютъ. Что знаете добра, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь. Не лѣнитесь ни на что доброе, а пуще всего не лѣнитесь ходить въ церковь: да не застанетъ васъ солнце въ постели.»

Сильно завѣщалъ также умный и добрый князь сыновьямъ, да и всѣмъ русскимъ князьямъ, какъ людамъ одной семьи, жить въ дружбѣ между собою и уважать старшаго между ними великаго князя. Но они худо исполнили завѣщаніе Мономахово, и снова послѣ его смерти пошли ссоры и усобицы. Князь вставалъ противъ князя, городъ противъ города, область противъ области. Земля Русская отъ этихъ смутъ и рѣзни слабѣла, и не могла уже дать сильнаго отпора врагамъ, а враги, п враги страшные, были близко. Они назывались Татары и Литва.

Татары были народъ кочевой, бродячий; не было у него ни городовъ, ни селеній, ни даже собственной земли, а переходилъ онъ съ места на место, гоня передъ собою несчетные табуны коней, верблюдовъ и барановъ. Такъ приковчевалъ онъ лѣтъ за 650 передъ нынѣшимъ временемъ къ Азовскому морю, имѣлъ бой съ русскими князьями на рекѣ

Калкѣ, жестоко порубилъ ихъ войско, но затѣмъ вдругъ исчезъ такъ же неожиданно, какъ явился.

Но онъ исчезъ не надолго. Черезъ 12 лѣтъ, а именно, въ 1237 году по Рождествѣ Христовомъ, Татары снова появились изъ-за Каспійскаго моря и Волги, ворвались въ землю рязанскую, все выжгли, все опустошили въ ней, и какъ моровая язва прошли по землѣ владимирской, московской, тверской, кинулись было къ Новгороду, но вдругъ повернули въ другую сторону, разорили черниговскій удѣль и подстутили къ Кіеву.

Что же дѣлали въ это время князья наши? Зачѣмъ не отстаивали свое отечество? Они только прецирались и ссорились между собою. Въ чей удѣль врывались Татары, — тамъ князь, по большей части, давалъ храбрый отпоръ, но сосѣдніе смотрѣли и не двигались. Не было уже Мономаха, чтобы скликнуть всѣхъ князей земли Русской, заставить ихъ обняться по-братьски и поцѣловать крестъ на честное служеніе землѣ!

Ханомъ татарскимъ былъ въ это время Батый. Его имя и теперь съ ужасомъ вспоминаетъ народъ Русскій. Когда онъ подступалъ къ Кіеву, князь убѣжалъ изъ города, но жители рѣшились защищаться; бились до смерти, но сила татарская одолѣла. Паль Кіевъ, — колыбель городовъ русскихъ, былъ выжженъ до тла и много вѣковъ потомъ не могъ подняться.

Изъ-подъ Кіева Батый прошелъ съ огнемъ и мечомъ земли волынскую, подольскую и галицкую, побилъ Венгровъ и Поляковъ и потомъ, поворотя назадъ, расположился со всею ордою своею на Волгѣ, повыше теперешней Астрахани.

Отсюда онъ потребовалъ, чтобы великие князья являлись къ нему съ данью, чтобы они не смѣли управлять Русью безъ его согласія; судиль, рядилъ ихъ и давалъ старшинство, которому хотѣль.

Такимъ образомъ славное государство Ярослава и Владимира стало зависимымъ отъ дикаго Татарина. Но это было не все. Еще до нашествія Татаръ великие князья перенесли свое жительство изъ Кіева въ Сузdalъ, а потомъ во Владиміръ. Оттуда и бодрому князю трудно было бы управлять такими отдаленными землями, какъ подольская и галицкая, или даже волынская. Случилось притомъ, что въ это время на Волыни княжили одицъ за другимъ два сильные и храбрые князя: Романъ и сынъ его Даниилъ. Романъ присоединилъ къ своему княжеству Подоль и землю Галицкую, сынъ же его, переставъ бояться великаго князя и породнившись съ сосѣдними государями, польскимъ и венгерскимъ, сталъ именоваться королемъ галицкимъ, и государство его вовсе отдѣлилось отъ остальной Руси.

Даниилъ надѣялся чрезъ это отдѣлаться отъ власти Татаръ, но разсчетъ его оказался невѣрнымъ. Русь, хотя и нескоро, но отдѣлалась отъ татарскаго ига, а его владѣнія подали подъ другую, хотя и менѣе тяжелую сначала власть, но которую было гораздо труднѣе свергнуть, — власть Литвы.

Уже было сказано о Литве. Народъ этот жилъ по рѣкамъ Западной Двинѣ, Нѣману и далѣе вдоль береговъ Балтійского моря, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ Прусское королевство. Литовцы были народъ бѣдный, а въ началѣ и миролюбивый. Тѣ изъ нихъ, которые жили къ нынѣшней Пруссіи, завоеваны были Нѣмцами, а тѣ, которые жили въ сосѣдствѣ Славянъ, платили первымъ князьямъ нашимъ дань, и какъ въ землѣ литовской не было ни серебра, ни золота, то дань эта состояла изъ вѣниковъ.

Литвины были язычники и въ стариныхъ ихъ повѣрьяхъ есть много сходнаго съ нашими. Такжѣ какъ и древніе Славяне, они думали, что есть дни счастливые, въ которые все удастся, и несчастливые, въ которыес не должно начинать никакого дѣла. Если человѣкъ, выѣхавъ въ дорогу, встрѣчалъ овцу, —это значило, что поѣздка совершиится благополучно; если же встрѣчалъ зайца или лисицу, то надо было ожидать неудачи. Если сорока принималась стрекотать на дворѣ, хозяинъ ожидалъ гостей.

Вѣря въ примѣты, Литовцы вѣрили и въ гаданье, и многія гаданья ихъ похожи на русскія: дѣвицы у нихъ лили воскъ, перекидывали черезъ себя башмакъ или лацоть; точно также какъ Русскіе, Литовцы боялись глаза, вынимали слѣдъ у человѣка. По селеніямъ литовскимъ бродили гадальщики и гадальщицы, и народъ угощалъ ихъ и ласкалъ, прося предсказывать будущее.

Также какъ у Славянъ, у Литовцевъ богослуженіе рѣдко совершалось въ храмахъ, но были особыя священные рощи, куда они сходились для отправленія своихъ обрядовъ. Въ рощахъ этихъ горѣль огонь, который жрецы, или вайделоты, должны были поддерживать неугасимо. Огонь былъ главнымъ божествомъ Литовцевъ, и каждый хозяинъ заботился, чтобы онъ горѣль въ его печи днемъ и ночью, не угасая.

Кромѣ огня, они обожали различныхъ животныхъ. Аистъ была у нихъ священная птица, и разорить его гнѣздо никто не осмѣшивался; напротивъ, считалось счастіемъ, если возлѣ чьего-нибудь двора поселялись аисты; это довѣрье и теперь еще сохраняется въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Литовцы обожали также ужей. Кромѣ того, они имѣли множество боговъ и духовъ, изъ которыхъ одни считались покровителями пчелъ, другие—стадъ, третьи—садовъ; лошади, овцы, свиньи—имѣли каждыя особаго покровителя. Литовцы обожали также громъ и молнию. Литвинъ, услышавъ громъ, посѣщено снималъ шапку и предлагалъ гремящему божеству пищу.

Богослуженіе Литовцевъ состояло главнѣйше въ жертвоприношеніяхъ; чаще всего приносились въ жертву козлы; это дѣлалось съ различными приговорами и пришѣвами; убивши козла, его пачинали поджаривать и потомъ съѣдали во славу боговъ, запивая пивомъ и медомъ, при чемъ обычай требовалъ есть до отвалу и пить до опьяненія.

Страна литовская была скучная, болотистая и лѣсистая селенія были малыя и состояли изъ двухъ-трехъ дворовъ, а нерѣдко и одно жилье

составляло все селеніе. Управлялись они своими князьями, и князья эти, подобно русскимъ, часто враждовали между собою и помогали общимъ недругамъ Литвы.

Главнейшимъ изъ такихъ недруговъ были Нѣмцы, которые поселились сначала въ Пруссіи, а потомъ близъ впаденія Двины въ море, гдѣ построили городъ Ригу. Они прибыли сюда, чтобы обращать язычниковъ въ христіанство и дѣлать ихъ католиками, но дѣлали это не посредствомъ проповѣди, согласно духу христіанскому, а мечомъ и насижемъ. Какова ни была вѣра Литовцевъ, но они были къ ней привязаны и не хотѣли дозволить постороннимъ людямъ рубить ихъ священные рощи и ругаться надъ ихъ божествами. Началась между ними и Нѣмцами отчаянная война, продолжавшаяся почти безпрестанно двѣстѣ лѣтъ. Нѣмцы были гораздо искуснѣе Литовцевъ въ военномъ дѣлѣ, вступали въ бой не иначе, какъ прикрытые крѣпкими щитами, жѣлѣзными панцырями, и потому вообще побѣждали Литовцевъ; но и Литовцы съ своей стороны, изъ мирныхъ поселеній и звѣролововъ, становились бодрыми воинами, и храбрѣйшіе изъ ихъ князей, тѣ, которые счастливѣе и искуснѣе воевали противъ Нѣмцевъ, начинали брать верхъ надъ прочими князьями, принуждать ихъ къ новиновѣю и такимъ образомъ утверждать между Литовцами верховную и единую власть.

Это происходило именно въ то время, когда въ Россіи, наоборотъ, верховная власть дробилась и расходилась по рукамъ князей удѣльныхъ. Литовцы не только перестали платить намъ дань, но начали мало-по-малу захватывать русскіе города, какъ напримѣръ: Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ и даже Смоленскъ и Черниговъ.

Между тѣмъ, верховнымъ княземъ и правителемъ Литвы сдѣлался человѣкъ очень замѣчательный, по имени Гедиминъ. Это случилось около ста лѣтъ послѣ первого появленія Татаръ (1320). Отбиваясь отъ Нѣмцевъ, Гедиминъ въ то же время распространилъ мало-по-малу свои завоеванія въ Россіи, овладѣвъ княжествомъ инскими (въ нынѣшней Минской губерніи), Владіміромъ, Луцкомъ, Овручемъ, всею землею волынскою и подступами къ самому Кіеву. Кіевляне встрѣтили Литовцевъ въ полѣ, но были разбиты; засѣли потомъ за городскими стѣнами, но видя, что отсидѣться и тамъ не могутъ, рѣшились покориться. Духовенство выступило изъ воротъ съ крестами и хоругвями, умоляя грознаго завоевателя не нарушать вѣры православной и прадѣловскихъ обычаевъ. Гедиминъ обѣщалъ и сдерживалъ обѣщаніе; потомъ онъ повериулъ отъ Дицира вглубь Россіи и прошелъ до Путівля и Брянска, вездѣ сажая своихъ князей и намѣстниковъ, обѣщаючи при этомъ оставлять жителей при ихъ вѣрѣ и обычаяхъ и защищать ихъ отъ Татаръ.

Около этого же времени Галиція была присоединена къ Польшѣ. Такимъ образомъ поль-Россіи отдѣлилось отъ другой половины: отъ Витебска, Смоленска, Брянска и Путівля до самой польской и венгерской границы Русь подчинилась Литвѣ и отчасти Польшѣ. Остальная половина Россіи платила дань Татарамъ.

Замѣтимъ однakoжъ, что зависимость отъ Литвы была легче татарской. Гедиминъ былъ человѣкъ большаго ума, строгій, но справедливый, и напрасныхъ притѣсненій не дѣлалъ, требовалъ отъ русскихъ своихъ подданныхъ только повиновенія и не мѣшалъ имъ управляться по прежнимъ ихъ порядкамъ и обычаямъ; вѣры же православной не только не утѣснялъ, но оказывалъ ей уваженіе, никому изъ своихъ подданныхъ не мѣшалъ креститься и женилъ сыновей своихъ на русскихъ князьяхъ.

Князья же эти, пріѣзжая намѣстниками въ русскіе удѣлы, скоро приѣвили говорить по-русски, и иринимая святое крещеніе, принимали и русскія имена, и дѣлались вполнѣ Русскими, такъ что нѣкоторые изъ славнѣйшихъ родовъ нашихъ, которые лѣтъ по 400 и больше считаются чистыми Русскими, происходятъ отъ литовскихъ князей, какъ напримѣръ Голицыны, Хованскіе и Курачины. Притомъ столько литовскихъ князей женилось на русскихъ князьяхъ, и русскихъ князей на князьяхъ литовскихъ, что народъ привыкъ думать, будто оба княжескіе рода,—Гедиминовъ и Владимировъ,—происходятъ отъ одного корня. Сами князья литовскіе мало различали Русь отъ своей родины; одинъ изъ нихъ храбро бился противъ Татаръ вмѣсть съ Дмитріемъ Донскимъ въ знаменитой битвѣ Куликовской; другой, еще ранѣе, славно защищалъ Псковъ противъ Нѣмцевъ и за благочестіе свое причтено нашою церковью къ лицу святыхъ: всякий Псковичъ вѣрно поклонялся мощамъ князя Довмонта и видѣлъ его богатырскій мечъ въ старинномъ псковскомъ соборѣ.

Съ княжнами русскими, выхodившими замужъ въ Литву, пріѣзжали ихъ духовники и свободно отправляли богослуженіе въ самомъ дворцѣ велиокняжескомъ. Въ столицахъ Литзы, Вильнѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Новѣ-городкѣ (нынѣшней Гродненской губерніи) воздвиглись церкви и монастыри православные; нѣкоторые знатные Литовцы начинали принимать православіе, которое, въ противность латинству, распространялось безъ насилия и угрозъ; съ вѣрою русскою начиналъ входить въ Литву и русскій языкъ, потому что у Литовцевъ не было своей грамоты; вообще народъ этотъ долженъ былъ, казалось, подобно финскимъ племенамъ (Мерѣ, Муромѣ и др.) сливаться съ Русью, съ которой, какъ уже замѣчено, онъ имѣлъ много сходнаго. Но все это вдругъ перемѣнилось при внукахъ Гедиминовъ, Ягеллѣ.

Ягелло далеко не имѣлъ способностей своего дѣда и отца (Ольгерда), но его называютъ счастливымъ,—и точно, счастье ласкало его съ самой колыбели. Матерью его была тверская княжна, послѣдняя жена Ольгердова, уважаемая мужемъ и которая нѣжно любила Ягелла. Она устроила, что старый князь, умирая, оставилъ ему свое наслѣдіе, помимо другихъ сыновей, старшихъ, родившихся отъ другихъ женъ. Но это было не все. Счастье привело его сдѣлаться государемъ обширнаго и славнаго въ свое время королевства Польскаго.

Польскій королевскій родъ въ это время вымеръ; осталась отъ него одна малолѣтнія королевна, по имени Ядвиги. Знатные польскіе паны стали пріескивать ей жениха и обратили вниманіе на великаго князя

литовского; Ягелло былъ радъ такому браку и сулилъ щедрыя награды тѣмъ, которые взялись ему помочь; онъ обѣщалъ, кроме того, обратить въ католическую вѣру весь народъ свой и окреститься самъ; государство же Литовское связать воедино съ Польскимъ.

Нѣсколько лѣтъ однakoжъ шли обо всемъ этомъ переговоры. Многіе изъ Поляковъ не хотѣли допустить, чтобы ихъ молодая прекрасная королевна сдѣлалась женою дикаря, какимъ былъ Ягелло, и чтобы онъ надъ ними властвовалъ. Сама Ядвиги пришла въ ужасъ, когда ей сказали объ этомъ. Литовцы были извѣстны въ Польшѣ только по набѣгамъ, которые дѣлали на польскія земли, при чёмъ они грабили села и города, уводили плѣнныхъ, и какъ язычники, раздраженные католическими проповѣдниками, ругались надъ польскими храмами. Ядвиги воображала при томъ, что и самъ суженый ея мало похожъ на человѣка, но какъ звѣрь лѣсной, покрытъ съ ногъ до головы шерстью.

Но католическому духовенству очень понравилась мысль связать Польшу съ Литвою. Уже около 200 лѣтъ Нѣмцы старались сдѣлать страну эту католическою, но не могли; теперь же самъ великий князь обѣщалъ помочь въ этомъ и подать примѣръ своему народу. При томъ между подданными Ягеллы были цѣлые миллионы христіанъ, не придававшихъ пана (православныхъ): теперь представлялся случай поворотить ихъ въ латинство.

Все это было представлено набожной Ядвигѣ; ей твердили, что слава апостольская ее ожидаетъ, если она поможетъ обратить столько язычниковъ и схизматиковъ (православныхъ) въ латинство — и она согласилась. Ягелло прибылъ въ Польшу, принялъ крещеніе по католическому обряду и обвѣничался съ Ядвигою, послѣ чего онъ былъ признанъ королемъ Польши. Это происходило въ 1386 году. Польские вельможи торжествовали; торжествовалъ и Ягелло, вѣнчаясь королевскимъ вѣнцомъ въ старинномъ городѣ Краковѣ. Онъ далъ обѣдь, на которомъ было болѣе тысячи гостей; вокругъ же столовъ пѣли пѣсенники, плясали плясуны, фокусники показывали фокусы, и люди въ странныхъ нарядахъ и маскахъ расхаживали по заламъ; а вечеромъ начались танцы, конскія скачки и примѣрные бои, называемые турнирами.

Пированье и увеселенія эти были однakoжъ омрачены однимъ происшествиемъ. Когда Ягелло объявилъ о намѣреніи своемъ принять латинскую вѣру, то нѣкоторые изъ его братьевъ, бывшіе съ нимъ въ Краковѣ, и нѣсколько знатныхъ Литовцевъ язычниковъ согласились послѣдовать его примѣру. Но когда онъ потребовалъ того же отъ бывшихъ съ нимъ двухъ Русскихъ, то они съ негодованіемъ отказались, за что и были имъ отрублены головы.

На это впрочемъ не обратили большаго вниманія посреди шума и ликованій; но изъ Бѣлоруссии пришла вѣсть, что тамъ неспокойно. Бѣлоруссы съ неудовольствіемъ видѣли, что ихъ великій князь дѣдается Полякомъ и католикомъ. Одинъ изъ братьевъ Ягеллы, Андрей, принявший крещеніе по православному обряду, объявлялъ себя противъ такого

отступничества, и земли полоцкая и смоленская, которыми онъ управлялъ, взволновались.

Это смущило Ягеллу; но латинские монахи, которые его окружали, стали доказывать ему, что онъ самъ обѣщался обратить свое княжество въ римской законъ и что на сопротивленіе схизматиковъ смотрѣть не слѣдуетъ. Справедливо ли это—всякій можетъ самъ разсудить. Надо не забывать при этомъ, что католиковъ въ Литвѣ тогда почти не было вовсе; что народъ литовскій зналъ ихъ только по тѣмъ притѣсненіямъ, которыхъ терпѣлъ отъ Нѣмцевъ; что латинские монахи, зашедши въ Литву для проповѣди, были однажды, еще до Ягеллы, перебиты народомъ. Надо подумать и о томъ, что Литва была небольшое, слабое племя и что чистыхъ Литвиновъ было гораздо меньше въ княжествѣ чѣмъ Русскихъ, которыхъ и вѣра, и языкъ распространялись по всей странѣ такъ что ужъ если слѣдовало дать этой странѣ, простирающейся отъ Западной Двины до Днѣстра, одно наименованіе, то ее справедливѣе было бы назвать Русью, нежели Литвою.

Въ концѣ 1386 года Ягелло выѣхалъ изъ Кракова въ Литву, въ сопровожденіи множества царедворцевъ и еще большаго числа латинскихъ монаховъ; вслѣдъ за королевскимъ поѣздомъ тянулся обозъ съ золотыми, серебряными и мѣдными образками, сукнами, ожерельями, головными уборами, и другими гостинцами, которые предполагалось выдавать новокрещенцамъ. Зима стояла, когда Ягелло выѣхалъ въ Литву: болота были прикрыты снѣгомъ, и длинный рядъ саней королевского поѣзда быстро подвигался къ Вильнѣ. Народъ сбѣгался смотрѣть на своего князя радуясь, что видѣть его снять посреди лѣсовъ и пустынь родимой Литвы. Ягелло прибылъ въ Вильну посѣдѣ новаго года. Остановившись во дворѣ своего отца и дѣда, онъ выдалъ указъ, которымъ объявлялъ, что пріѣхалъ для приведенія народа литовскаго въ христіанскую вѣру по обряду латинской церкви. Потомъ объявлено было, что все добровольно принявши св. крещеніе получать право владѣть недвижимо собственностию и будутъ сравнены во всѣхъ правахъ съ польскою шляхтою (дворянствомъ), а кто осмѣлитя сопротивляться волѣ великаго князя, тотъ подвергнется тѣлесному наказанію. И вотъ, въ назначенный день, велико было людямъ изъ окрестныхъ селеній собраться въ Вильну; въ нихъ присутствіи католические монахи зажгли священный огонь, стали рубить священныя рощи, пстреблять священыхъ ужей и ящерицъ... Народъ возоціль и взвылъ; по видя, что громы небесные не разятъ пстребителей святыни, усомнился въ силѣ своихъ боговъ и по приказанію князя пошелъ креститься тѣмъ охотнѣ, что за припятіе крещенія были обѣщаны права и преимущества людямъ значительнымъ, а бѣднымъ и темнымъ—свитки изъ бѣлаго сукна, бусы и головные уборы... Не понимая ни важности дѣла, къ которому онъ приступалъ, ни значенія проповѣди христіанской, бѣдные Литвины бѣжалы на предложенную имъ приманку и цѣльми толпами подставляли свои головы нодъ латинское обливанье; цѣлую голову вводили въ рѣку, поливали водою со знаменіемъ

креста, нарекали сегодня Войцехами, а завтра Янами, выдавали бѣлые свитки и мѣдные образки, и отпускали.

Если мы сравнимъ крещеніе, совершенное въ Киевѣ княземъ Влади-міромъ, съ тѣмъ, которое производилось въ Вильнѣ, то замѣтимъ между ними и нѣкоторое сходство, но и чувствительную разницу. И у насъ, и въ Литвѣ простой народъ не понималъ хорошенъко Христова ученія и крестился по приказанію князя; но у насъ по крайней мѣрѣ не соблазняли его мірскими приманками, и темные люди разсуждали, что новая вѣра должна быть лучше старой, потому что премудрая Ольга и многие знатные люди ее прияли; Литовцевъ же привлекали главнѣйше свитки и бусы. Поэтому многіе приходили креститься по нѣсколько разъ, разсчитывая получить по нѣсколько гостинцевъ.

Притомъ Владиславъ крестилъ только язычниковъ, а Ягелло хотѣлъ крестить и православныхъ, называя ихъ схизматиками, то есть еретиками. Но православныхъ было очень много между подданными литовскаго князя; ихъ было несравненно больше нежели язычниковъ; многіе изъ родныхъ братьевъ Ягеллы и другихъ князей были уже христіанами восточного исповѣданія. Они рѣшительно объявили, что крестились разъ и вновь креститься не станутъ. Чтобы не довести ихъ до бунта, какой уже былъ въ Бѣлоруссіи, католическое духовенство сказали имъ: сохраните свои церковные обряды и свой языкъ въ богослуженіи: признайте только главою церкви своей святѣйшаго папу. Однако и этого не прияли Русскіе.

Тогда подъ нихъ стали подказываться стороною и тѣснить, не объясняя причины. Уже въ самомъ началѣ объявлено было, что со шляхетствомъ польскимъ уравнены будутъ лишь тѣ, которые примутъ латинство. Одинъ изъ братьевъ Ягеллы, Скригелло, покровитель православныхъ въ Литвѣ и западной Руси, былъ лишенъ своего уѣзла и принужденъ бѣжать къ московскому князю со многими изъ литовской знати и русского духовенства. По городамъ русскимъ и литовскимъ стали сажать воеводъ изъ Поляковъ, что не нравилось Литовцамъ, также какъ и Русскимъ. Между Поляками и Литовцами начались ссоры и вооруженные схватки, потому что Литва замѣчала, что Польша хочетъ ее подчинить себѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ коронованія Ягелла въ Краковѣ, онъ отдалъ женѣ своей все свое великое княжество въ вѣно, какъ собственную деревушку. Королева потребовала, чтобы для нея собирали особую дань и присыпали ее въ Краковѣ.

— Мы не подданные Польши, сказали на это Русскіе и Литовцы; мы всегда были вольными людьми, наши предки никогда Полякамъ дани не платили; не будемъ платить и мы!

Такимъ образомъ многое соединилось, чтобы раздражать какъ Литовцевъ, такъ и Русскихъ. Литовцы стали сожалѣть, что крестились, и многіе упорно стояли за свою старую вѣру, считая отступникомъ и безбожникомъ своего князя, дозволившаго рубить священные рощи. Самые упорные язычники были въ Жмуди, около Ковна. Они явно возстали

противъ Поляковъ, ксендзовъ и Ягелла, и имъ иногда тайно, иногда явно поилогалъ родной его братъ, Витовтъ,—князь умный и храбрый, но честолюбивый и беспокойный, замышлявший сдѣлаться независимымъ княземъ западной Руси и Литвы. Междуусобная война продолжалась несколько лѣтъ. Жмудиновъ однакожь силою приводили отказаться отъ язычества и обѣщали прислать новыхъ и больше прежняго проповѣдниковъ христіанства.

—Не мало у насъ ксендзовъ и монаховъ, которые обираютъ у насъ шерсть и молоко, а въ учениіи христіанскомъ не наставляютъ, угрюмо отвѣчали на это обѣщаніе Жмудяны.

Но не со стороны Жмуди, малочисленного и слабаго племени, должны были произойти главныя затрудненія, а со стороны русскаго и право-славнаго народа, многочисленнаго, сильнаго своимъ народнымъ чувствомъ и преданностью въ вѣрѣ отцовъ своихъ. Опъ быль сиденъ еще и тѣмъ, что въ то самое время, какъ съ одной стороны его начинали утѣшнять литовскіе князья, сдѣлавшіеся польскими королями, съ другой усиливались московскіе князья и начинали собирать вокругъ Москвы всю раздробленную Русь. Съ этою московскою, восточною Русью Русь западная никогда не разрывала связи,—да и какъ было разорвать ее, когда люди одного рода, иногда кровные, жили—одни по одну сторону рубежа, а другіе по другую! Это, напротивъ, нерѣдко ихъ соединяло: такъ, напримѣръ, если какому-нибудь боярину случалось заслужить тяжелую опалу великаго князя московскаго, онъ отѣзжалъ за литовскую границу къ своимъ землякамъ, и точно также уроженецъ западной Руси бояринъ какой-нибудь, разссорившись съ польскимъ королемъ, забиралъ свое добро и съ слугами своими отходилъ подъ державу князя московскаго. Случалось, что такимъ же образомъ уходили въ Россію и знатные люди изъ Литовцевъ, а еще чаще переходили простые люди: ихъ и чаще притѣсняли, и уходить имъ было легче, точно такъ какъ легче плотовъ проскользнуть сквозь сѣть, въ которую она попалась, чѣмъ жирному карасю или щукѣ.

Русь западная тянула, слѣдовательно, къ Руси восточной, а восточная Русь тянула къ западной, какъ двѣ половины одного тѣла; но у той и у другой были особые государи, которые не хотѣли одинъ другому уступать ни людей своихъ, ни отчинъ: весь вопросъ состоялъ въ томъ,—который изъ двухъ государей перетянеть и собереть около себя всю Русь, весь русскій народъ?

II.

Русь восточная собирается вторично вокругъ Москвы.—Полыши старается тѣснѣе присоединить къ себѣ Литовско-русское в. княжество.—Городельскій сѣездъ.—Іоаннъ III Московскій.—Наставленіе его своей дочери.—Московская партия въ Литовско-русскомъ в. княжествѣ.—Люблиński сеймъ и унія политическая. (1569 г.)

Около Москвы начинала уже собираться вся восточная половина Руси. Великій князь московскій Іоаннъ III отказался платить Татарамъ старин-

ную дань и тревожилъ самую орду, а одинъ изъ хановъ татарскихъ, правившій Крымомъ, былъ его вѣрнымъ союзникомъ и подручникомъ: кто былъ другомъ московскому князю, тотъ былъ другомъ и хану крымскому, а кому случалось разладить съ Ioannomъ, тому слѣдовало ожидать набѣговъ отъ крымскихъ Татаръ, разоренія своихъ земель и увода въ плѣнъ людей своихъ. У себя дома, на Руси, Ioannъ былъ полнымъ хозяиномъ и жаловалъ или наказывалъ князей по своему государеву усмотрѣнію; если же кто изъ князей этихъ, по неудовольствию на новые порядки, отъѣзжалъ въ Литву, то Ioannъ бралъ на себя, въ казну, земли такого отѣздутика. Новгородъ, не желая подчиняться Москвѣ и принимать къ себѣ государевыхъ воеводъ и бояръ, повелъ было переговоры по старинѣ съ литовскимъ княземъ, чтобы тотъ принялъ его подъ свою руку; но въ Москвѣ узнали обѣ этомъ; полки московские выступили противъ непокорного города, разбили новгородскую рать, и изъ числа знатныхъ Новгородцевъ, которые замышляли союзъ съ Литвою, одни были казнены смертю, а другіе переселены въ московскія земли; простой же народъ охотно принялъ воевода великоніжескихъ, потому что онъ крѣпко держался православія русскаго и не хотѣлъ поддаваться Литвѣ.

Получая подать со всей Руси восточной, казна московскаго государя сдѣлалась богата; часть ея шла на умноженіе величія великокняжескаго двора, который сталъ отличаться небывалымъ великолѣпіемъ, часть—на содержаніе рати и подарки союзникамъ, а еще часть на украшеніе и возведеніе церквей. Въ Москвѣ построено было нѣсколько храмовъ каменныхъ и богато расписанныхъ, которые не только не уступали старииннымъ церквамъ кіевскимъ и новгородскимъ, но превосходили ихъ; въ эти храмы были свезены изъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ чудотворныя иконы; въ нихъ же покоялись моши великихъ русскихъ богомольцевъ, причтенныхыхъ къ лицу святыхъ, такъ что уже не къ Кіеву, находившемуся подъ чужою властью, а къ Москвѣ стали направляться толпы молельщиковъ, и каждый изъ нихъ, завидѣвъ издали бѣлые колокольни и золотые кресты московскихъ церквей, набожно снималъ шапку и творилъ молитву и поклоны.

Что касается до Руси западной, то ее старались прятануть въ другую сторону. Введеніе латинства въ наслѣдственныхъ земляхъ Ягелла производило въ нихъ раздраженіе; чтобы противодѣйствовать этому, положено было привлекать какъ Русскихъ, такъ и Литовцевъ къ Польшѣ приманками мірскими. Въ 1413 году въ городѣ Городлѣ составленъ былъ съѣздъ значительнѣйшихъ лицъ польского, литовскаго и русскаго происхожденія, причемъ первые приняли прочихъ въ свой союзъ *шляхетскаго братства*: лучшіе люди изъ всѣхъ трехъ народовъ должны были составить одно сословіе,— *рыцарство*, которое безраздѣльно господствовало бы надъ прочими сословіями въ Польшѣ, Литвѣ и Руси (западной). . . .

Этотъ городельскій съѣздъ былъ дѣломъ очень важнымъ; отсюда начинается стремленіе наиболѣе богатыхъ между Русскими и Литви-

нами выдѣляться изъ среды своихъ собратовъ, подражать Полякамъ и принимать католичество, что было поставлено условiemъ для вступленія въ рыцарское или шляхетское братство, единственно допускавшееся на сеймы или сѣзды, где рѣшалось—быть войнѣ или миру, постановлялись для всей страны законы и распоряженія, касавшіеся управлія страною.

Но такія права имѣли, какъ сказано, одни дворянѣ или шляхта, и при томъ православныхъ старались не допускать на эти сеймы; а что касается до простаго народа, то ему и похуже было за литовскими князьями чѣмъ за русскими. Крестьянинъ въ Московскому княжествѣ былъ вольный человѣкъ и могъ владѣть землею; а если у него не было своей, то онъ жилъ на землѣ какого-нибудь вотчина, по договору, и свободно могъ переходить къ другому, для чего и назначенъ былъ осеній Юрьевъ день. Литовскіе же князья нерѣдко дарили своихъ вельможъ землями вмѣстѣ съ поселенными на нихъ людьми, и воленъ былъ получившій такія земли и такихъ людей, продавать, дарить, промѣнивать ихъ и вообще распоряжаться ими какъ своею собственностию. Къ этому надо еще прибавить, что латинское духовенство постоянно и неотступно заботилось о стѣсненіи православія и затрудняло построеніе православныхъ церквей. Видя такія преимущества католиковъ предъ людьми греческаго исповѣданія, бояре и князья русскіе заднѣпровской Руси стали иногда измѣнять вѣрѣ своихъ отцовъ и переходить къ латинянамъ; другіе же, предпочтая оставаться твердыми въ вѣрѣ, терпѣли притѣсненія, или уходили къ московскому князю. Такимъ образомъ, хотя связь Руси западной съ восточною была ноколеблена городельскимъ соглашеніемъ, но она была еще сильна, и московскіе цари еще долго потомъ имѣли за Днѣпромъ сильную и преданную партію.

Какъ скоро великий князь Иоаннъ III пересталъ быть дашникомъ Татаръ и подчинилъ себѣ князей удѣльныхъ, онъ задумалъ добывать города и земли, въ разное время отобранные литовскими князьями. Литовскій князь Александръ сталъ сватать его дочь; Иоаннъ согласился, по прежде всего потребованію, чтобъ его признали государемъ *Всѧ-Руси* и написаль въ Литву грамоту, въ которой именовалъ себя такимъ типуломъ.

—Господарь вашъ, замѣтили на это вельможи литовскіе русскимъ боярамъ,—къ его милости, нашему господарю, имя себѣ высоко написаль, не по старинѣ.

—Ничего высокаго не написаль нашъ князь, отвѣчали имъ бояре — и новизны никакой не выставлялъ: писаль онъ то, что ему Богъ даровалъ отъ дѣдовъ и прадѣловъ, ибо онъ цравый, урожденный Государь всѧ Руси.

Поспоривъ, литовскіе цари согласились. Потомъ потребовалъ Иоаннъ, чтобы книжнѣй, которую сватали въ Литву, не было принужденія въ ея православной вѣрѣ. Литовцы сказали, что принужденія не будетъ, а если она сама пожелаетъ перемѣнить законъ, то ея воля. Но наши на это не согласились, говоря, что когда книжна попадетъ на чужую сто-

рону, да въ чужую семью, то немудрено будетъ ее и принудить, а въ Москвѣ о томъ никто не узнаетъ. Наши требовали, кроме того, чтобы съ ней было дозволено отправить попа изъ Москвы, чтобы въ ея хоромахъ построили для нея церковь и чтобы приставлены къ ней были бояре и боярыни, хотя и изъ подданныхъ литовского князя, но православные. Литовцы согласились принять съ княжною попа, но отъ построения церкви отказались, говоря, что у нихъ законъ запрещаетъ вновь строить православный церкви и что, впрочемъ, въ Вильнѣ, близь княжескаго двора, есть греческаго закопа церковь.

Иоаннъ III не сталъ изъ-за этого спорить и повелъ рѣчь о границахъ между московскими и литовскими землями. Ему хотѣлось воротить въ свою сторону нѣкоторые изъ литовскихъ захватовъ. Но зная, что на это Литовцы добромъ не согласятся, онъ послалъ сказать своему другу и подручнику, крымскому хану, чтобы онъ кормилъ коней, оттачивалъ сабли и былъ готовъ къ походу на Литву, а при этомъ послалъ ему и подарки. Тотъ велѣлъ отвѣтить, что онъ всегда готовъ воевать недруговъ Иоанновыхъ: «Твоя, брата моего, любовь, почю и днемъ съ сердца у меня не сходитъ. Серебряную чару меду за твою, брата моего, любовь, всегда полную пьемъ!»

Изготовивъ такимъ образомъ рать, которая при томъ ничего Россіи не стоила, Иоаннъ велѣлъ своимъ боярамъ стать въ отвѣтъ съ литовскими послами, т. е. начать съ ними переговоры. Много помогло ему и то, что въ это самое время нѣкоторые изъ знатныхъ князей русскихъ отѣхали съ литовской стороны въ московскую и поступились ему своими вотчинаами: Черниговскимъ, Любечемъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ, Стародубомъ, Гомелемъ, Рыльскомъ и нѣкоторыми другими. Наши бояре потребовали, чтобы эти города и вотчины были утверждены за Москвою; чтобы кроме того уступлены были: Брянскъ, Мценскъ, Мосальскъ, Дорогобужъ, Бѣлынъ. Торопецъ и еще нѣсколько городовъ и волостей. Литовцы и слушать этого не хотѣли. Тогда Иоаннъ велѣлъ сказать имъ, что князь Александръ требованій его не исполняетъ и тѣснить въ своемъ государствѣ русскихъ людей, а когда литовские послы стали говорить, что это неправда, онъ приказалъ имъ сказать: «государь вашъ къ дочери нашей, къ русскимъ князьямъ, панамъ и ко всей Руси (зацадной) подсылаеть, чтобы приступили къ римскому закону. Сколько велѣлъ поставить римскихъ божницъ въ русскихъ городахъ! Женъ отъ мужей и дѣтей отъ отцовъ съ имѣніемъ отнимаютъ, да крестятъ въ римскій законъ: такъ-то зять нашъ не привлѣкаетъ Русь къ римскому закону!»

Въ то же время онъ писалъ дочери своей въ Вильну: «Дочка, памятуй Бога да наше родство, да нашъ наказъ. Держи свой греческій законъ во всемъ крѣпко, а къ римскому закону не приступай ни кото-рымъ дѣломъ; церкви римской и папѣ ни въ чемъ послушна не будь, въ церковь римскую не ходи, душою никому не ворови, мнѣ и всему нашему роду безчестія не учини, и хотя бы тебѣ за вѣру до крови пострадать, и ты-бъ пострадала.»

Также твердо, какъ въ дѣлахъ вѣры, стоялъ московскій князь и въ спорѣ о земляхъ, которая онъ требовалъ отъ Литвы; не подавался ни на шагъ,—а между тѣмъ Крымцы садились на коней. Нечего дѣлать, при-
нуждѣнъ былъ литовскій князь уступить и отдать въ московскую сто-
рону 19 городовъ, 70 волостей. 22 городища и 13 сель; сынъ же Иоан-
новъ. Василій, прибавилъ къ этому Смоленскъ.

Затѣмъ царствовалъ въ Москвѣ Иоаннъ IV, прозванный Грозыи и. Грозенъ этотъ государь былъ и для своихъ подданныхъ, но въ началѣ своего царствованія онъ былъ грозою сосѣдей и давнихъ обидчиковъ Рос-
сіи. Онъ завоевалъ два царства, которыхъ Татары имѣли на Волгѣ,—Ка-
занское и Астраханское, сталъ именоваться царемъ и затѣмъ, по примѣ-
ру отца и дѣда, началь думать о возвращеніи другихъ городовъ и зе-
мель, занятыхъ въ разное время литовскими князьями.

«За королемъ польскимъ, говорилъ онъ однажды посламъ, пріѣхав-
шимъ изъ Вильны, наша вотчина извѣтная — Киевъ, волынская земля,
Витебскъ и многие другіе города русскіе.» Въ другой разъ бояре Иоан-
новы говорили литовскимъ посламъ: «Только вспомнить старину, какимъ
образомъ гетманы литовскіе Рогволодовичей (князей полоцкихъ) на Ли-
товское княжество взяли и какимъ образомъ прежде Киеву дань давали,
то не только что русская земля вся, но и литовская земля вся — вотчи-
на государя нашего.» Еще лучше объяснялъ дѣла эти самъ царь въ раз-
говорѣ къ литовскими панами, пріѣзжавшими въ Москву пѣзъ-за споровъ
о пограничныхъ городахъ. «Вы говорите, сказалъ онъ, что мы припоми-
наемъ тѣ города, которые въ Польшѣ; но мы припоминаемъ не новое
дѣло. Киевъ былъ прародителя пашего, великаго князя Владимира, и всѣ
тѣ города были къ Киеву. Отъ великаго князя Владимира, великие князья,
государи русскіе, тѣми городами и землями владѣли, а зашли эти зем-
ли и города за предковъ государя вашего невзгодою прародителей на-
шихъ какъ приходилъ Батый на русскую землю».

Не хуже царя и его бояръ знали все это и люди Литовскаго княже-
ства, и многие изъ нихъ держали руку московского государя, какъ сво-
его державца единокровного и природного; они желали быть у него въ
подданствѣ.—а еще государь этотъ, Иоаннъ IV, былъ строптивъ и крутъ
и къ знатнымъ людямъ немилостивъ. Не взирая на это, онъ имѣлъ и
между Русскими и даже между Литвинами Литовскаго княжества много
доброхотовъ, которые къ нему гасылали сказывать, чтобы онъ искалъ
для себя или для сына своего кропу литовскую и польскую.

Такъ доброхотствовали Иоанну литовскіе и русскіе люди. Но самъ онъ
не очень желалъ иного престола, кромѣ московскаго, зная, что польскіе
и литовскіе паны потребуютъ, чтобы онъ обязался соблюдать ихъ права
и вольности, а Иоаннъ и въ своемъ государствѣ всю жизнь свою при-
давливавъ князей и вельможъ, опасаясь, чтобы они не затѣяли прежнихъ
крамолъ и усобицъ. Не желала московскаго царя и Польша, опасаясь,
чтобы Литва и Русь зачадная, присоединившись къ восточной, не отошли
отъ нея; напротивъ, польскіе совѣтники королей и сами короли стре-

мились къ тому, чтобы и Литву и Русь обратить въ настоящихъ Поляковъ.

Это оказалось, однажде, не такъ-то легко. Литовскаго племени люди не считали себя Поляками и не желали подчиняться Польшѣ. Между ними было много и такихъ, которые не желали подчиняться и Москвѣ, но быть особымъ государствомъ—какъ было до Ягеллы. Не задолго до того времени, о которомъ теперь говорится, во время дѣтства Иоанна IV, литовскіе вельможи представляли своему великому князю (королю польскому), что ему слѣдовало постараться обратить свои родовыя земли въ особое королевство. «Поляки хотятъ, говорили они, чтобы панство вашей милости, великое княжество Литовское было всегда въ унаженіи и присоединилось бы къ коронѣ польской, о чёмъ постоянно хлоочуть. Покорно просимъ вашу милость не допускать, чтобы прирожденные слуги ваши стали подданными короны польской. Объ этомъ ваша милость должны стараться для потомковъ своихъ: имъ будетъ лучше, если наследственное панство ваше будетъ отдалено отъ короны польской.»

Такъ говорили многіе литовскіе вельможи. Тѣ же, которые думали иначе, болѣе наклоняясь къ Россіи, чѣмъ къ Польшѣ. Вѣра приближалася ихъ къ Польшѣ, но старыя обычаи и порядки—болѣе наклоняли къ Россіи. Въ Литвѣ, какъ и на Руси, большая часть знатныхъ людей происходила отъ царскаго корня. Литовскіе князья были Гедиминовичи, какъ русскіе—Рюриковичи. Правда, въ Литвѣ, какъ на Руси, они уже не имѣли удѣловъ, но все-таки они свысока смотрѣли на польскую шляхту, которая не имѣла титловъ, да не имѣла и такихъ богатствъ, какъ Радзивиллы (Гедиминовичи) или Острожскіе (Рюриковичи).

Но такихъ знатныхъ родовъ становилось мало; одни отѣзжали къ московскимъ князьямъ, другіе, принявъ латинство, начинали обращаться въ настоящихъ Поляковъ и помогали имъ утѣшить православный народъ. Какъ уже было замѣчено, сеймы польско-литовскіе не позволяли строить русскому народу церквей. Начиналь между знатными людьми забываться и языкъ русскій. Одинъ посолъ отъ литовскаго короля, вѣроятно Русскій по рождению, просилъ у царя Иоанна позволенія говорить съ нимъ черезъ переводчика, потому что, сказывалъ онъ, «я ростъ при государѣ своемъ, королѣ, съ малыхъ лѣтъ, и языкъ мой русскій помѣшался въ присловьяхъ съ польскимъ языкомъ...». Так же говорили и другіе литовскіе послы Иоанну въ отвѣтъ на его рѣчи, что они иныхъ русскихъ словъ не выразумѣли. Даже и въ простомъ народѣ, который твердо продолжалъ держаться природнаго говора, говоръ этотъ замѣтно измѣнился: прежде была одна рѣчь въ Киевѣ, Москвѣ и Новгородѣ, во всей Руси, но мало-по-малу рѣчь украинская и белорусская стала отличаться отъ великорусской, что осталось и до сего времени.

Такъ терялось все русское за Днѣпромъ, и уже некоторые изъ природныхъ русскихъ князей, потомковъ Владимира Мономаха, не стыдились водить польскія дружины противъ Россіи.

Между тѣмъ король польскій и великий князь русско-литовскій, Сигиз-

мундъ-Августъ, приближался къ смерти, а дѣтей у него не было. Надо было, следовательно, решить — кому быть государемъ въ великомъ княжествѣ? Еслибы спросить тамошній народъ по голосамъ, то коронѣ великокняжеской быть бы за московскимъ царемъ. Уже сказано, что изъ Литвы къ нему засыпали обѣ этомъ. «Кого выберемъ королемъ и великимъ княземъ?» разсуждали литовскіе и русскіе бояре. Бусурманскихъ князей и отъ иныхъ земель государей брасть не хотимъ а вотъ царя московскаго взять намъ любо: онъ же и въ родствѣ со старымъ королемъ.»

Не все однако думали такъ. Многіе боялись суроваго нрава московскаго царя; иные наклонялись къ Польшѣ, другіе, какъ сказано, желали чтобы Литва съ западною Русью была особливымъ государствомъ; по все-таки огромное большинство было за московскаго царя и за соединеніе Литвы и Руси западной съ Московскимъ Царствомъ. Къ несчастью, самъ царь остался равнодушнымъ къ этому великому дѣлу, не поддерживалъ своихъ приверженцевъ, не присыпалъ подарковъ и даже не ласкалъ тѣхъ, которые вызывались ему служить.

Между тѣмъ, въ 1563 году, на сеймѣ, бывшемъ въ Варшавѣ король Сигизмундъ-Августъ отказался отъ своего права царствовать по прямому преемству отъ Гедимина; подобно тому, какъ въ Польшѣ послѣ смерти государя происходило всякий разъ избрание, постановлено было дѣлать на будущее время и въ Литвѣ съ Русью (западною). Это постановленіе было принято вопреки желанію пословъ или депутатовъ, отъ княжества во главѣ которыхъ находился одинъ изъ первыхъ вельможъ, и родственникъ королевскій, Николай Радзивилль. Люди этой партіи, къ которой принадлежало почти безъ исключенія все шляхетство литовское и русское, требовали, чтобы ихъ отечество было управляемо по прежнему, своимъ великимъ княземъ, а если Польша пожелаетъ выбрать своимъ королемъ этого великаго князя, то ей не препятствовать; однакожь и въ этомъ случаѣ они требовали, чтобы въ Литвѣ и въ Польшѣ былъ особый сеймъ въ каждой, особые законы и особое управление. Притомъ послы отъ княжества говорили, что Польша неизвѣстно владѣеть многими землями русскими (западными), которыхъ отъ княжества отрывать не слѣдуетъ.

Всѣ эти споры продолжались нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ могущественный Николай Радзивилль умеръ, и польскимъ вельможамъ, желавшимъ подчиненія Литвы и Руси Польшѣ, стало легче достигнуть своей цѣли. Въ 1569 году собрался сеймъ въ Люблинѣ, на которомъ Поляки рѣшились во что бы ни стало добиться того, чтобы у нихъ и у Литовцо-Руссовъ былъ общий государь, чтобы эти отдѣльные государства составляли на будущее время одно, чтобы у нихъ были общіе сеймы и чтобы законы великаго княжества были переведены на польскій языкъ. Прошла молва, что тѣ, которые вздумали бы этому противиться, будутъ вырѣзаны; многіе изъ Русскихъ и Литовцевъ, страшась опасности, уѣхали съ сейма; но того-то и надобно было Полякамъ: ихъ оказалось теперь болѣе, нежели ихъ противниковъ; а какъ на сеймахъ та сторона поста-

новляеть, на которой больше голосовъ, то остававшіеся въ Либлииъ Русскіе и Литовцы увидѣли, что имъ не удастся поставить на свое мѣсто. Тогда они рѣшились отдать свою судьбу на волю короля, своего великаго князя; разсуждая, что такъ какъ онъ Литвинъ родомъ и природный ихъ государь, то вѣрно не захочетъ допустить ихъ обидѣть. Они явились къ королю, и одинъ изъ нихъ сказалъ ему: «Свѣтлый, милостивѣйший король, исполняя желаніе вашего величества, мы согласились уже на многія уступки, которыя должны причинить ущербъ великому княжеству Литовскому. Но мы свидѣтельствуемся вашимъ королевскимъ величествомъ и цѣльмъ этими собраніемъ, что мы это отечество наше, которое сохранили цѣльмъ своею кровью и жизнью, защищали здѣсь сколько могли. И если не могли довершить этой защиты, то пусть будетъ это приписано препятствіямъ, судѣбѣ и временамъ; намъ приходится уступить, но мы уступаемъ не какому бы то ни было декрету (постановленію сейма), а милости вашего королевского величества. Не можемъ скрыть однако, что замыслы Поляковъ приносятъ намъ порабощеніе. Было бы очень больно намъ или внукамъ нашимъ, еслибы пришлось смотрѣть на эти сегодняшнія дѣла, вместо радости, съ большимъ сожалѣніемъ, или обвинять насъ въ томъ, что мы не видѣли такой своей неволи. Мы видимъ эту угрожающую намъ неволю и, передавая себя и страну нашу на ваше рѣшеніе, умоляемъ васъ ради самого Бога: благоволите припомнить нашу службу, нашу чистую вѣрность и кровь нашу, которую мы проливали для вашей государевой славы; благоволите такъ насъ устроить, чтобы это было для насъ съ честью, а не съ униженіемъ.»

Послѣднія слова были произнесены посломъ на колѣнахъ; всѣ бывшіе съ нимъ тоже упали на колѣни; всѣ плакали. Они надѣялись, что король, не согласится отдать ихъ въ сбиду Поляковъ; но эта надежда обманула ихъ; король былъ на сторонѣ Поляковъ и отдалъ свою Литву, а съ нею и Русь западную, въ руки Польши. Съ его согласія было постановлено: что Литовское княжество (вмѣстѣ съ Русью) составитъ неразрывный союзъ съ Польшой; что избирать короля они будутъ сообща; что сеймъ и сенатъ будутъ у нихъ общіе; что законы будутъ писаться и для Литвы и Руси, вмѣсто русскаго языка, на польскомъ. Наконецъ постановлено было, чтобы земли: кievская, волынская и подольская, вопреки справедливости, были отдѣлены отъ Литовского княжества и присоединены къ Польшѣ.

Такъ совершился этотъ союзъ Польши съ литовско-русскимъ княжествомъ. Какъ Русскіе, такъ и Литовцы; противились ему, сколько могли, но дѣло было поведено такъ хитро, что успѣхъ Поляковъ былъ полный. Къ великому унынію Русскихъ и Литовцевъ, тѣ и другое очень хорошо понимали, что Польша хочетъ господствовать надъ ними. Не успѣвшіи отстоять свою независимость на люблинскомъ сеймѣ, Русь и Литва задумали тѣснѣе примкнуть къ Московскому царству и опереться на него: съ этою цѣлью они послали къ Ioanni IV предлагать ему, чтобы онъ добывалъ корону польско-литовскую. Но Ioанъ, какъ сказано, не горячо

добивался этой короны, да и безъ сомнінїя, много помѣшали бы его избранію слухи о жестокостяхъ, которыемъ онъ предавался. За тѣмъ настутили въ Московскомъ царствѣ долгія и тяжелыя смуты; Русь западная еще разъ, какъ во время Татаръ, могла, по видимому радоваться, что ие соединилась съ восточную; но скоро на нее обрушились такія бѣды, которыя наконецъ принудили ее искать защиты у восточной Руси и молить о возсоединеніи съ нею.

III.

Попытки Римскихъ папъ ввести латинство въ Россіи. — Церковная братства въ Западной Руси. и Литвѣ. — Иезуиты и ихъ тайный уставъ. — Установленіе православныхъ въ велик. княжествѣ Литовско-Русскомъ. — Конфедерация православныхъ и лютеранъ. — Безпорядки въ православной церкви. — Мысли о церковной Уції. — Измѣна епископовъ. — Брестский соборъ и провозглашеніе упіи церковной. (1596.)

Весьма давно, еще до нашествія Батыева, римскій папа дѣжалъ попытки обратить Русь въ латинство или католичество. Для переговоровъ обѣ этомъ пріѣзжалъ къ славному князю галицкому Роману посолъ изъ Рима и сказывалъ ему, что пана есть царь надъ царями, владыко всѣхъ христіанъ, и что онъ сдѣлаетъ его, Романа, королемъ изъ простыхъ удѣльныхъ князей, если князь приметъ католическую вѣру. Романъ не перебивалъ велерѣчиваго монаха; но когда тотъ кончилъ, то показалъ ему свой мечъ и спросилъ:

— Есъ ли у твоего папы такой мечъ?... Пока ношу его, нѣть мнѣ надобности ни въ чьей помощи; мечомъ этимъ добываю города и области, какъ добывали ихъ отцы и дѣды.

О томъ-же самомъ присыпалъ папа къ сыну Романову, Данилу, обѣща ему велѣть Полякамъ и Венгерцамъ помочь ему противъ Татаръ, самого же его признать королемъ. Данилъ согласился принять титулъ королевскій; но какъ ни Поляки, ни Венгерцы не явились къ нему на помощь противъ Батыевыхъ воеводъ, то онъ не захотѣлъ болѣе слушать льстивыхъ латинскія рѣчи.

Такимъ образомъ православіе было крѣпко въ западной Руси, пока она было подъ властью русскихъ князей; когда же овладѣли ею литовскіе князья. и когда они сдѣлялись польскими королями, то, мало-по-малу, стали тѣснить православныхъ и переманивать ихъ въ католичество. Одни соблазнялись и дѣлались отступниками, по за то для другихъ вѣра становилась еще дороже прежняго. Люди одного прихода собирались не только чтобы помолиться по обряду предковъ, а чтобы погоревать обѣ общемъ горѣ и подумать о дѣлѣ общемъ. Если въ числѣ прихожанъ бывали знатные и богатые люди, они становились защитниками и ходатаями своего прихода и своей церкви передъ сенатомъ, сеймомъ, королемъ; если же такихъ прихожанъ не случалось, тогда дѣлались складчины для под-

держанія церковнаго благолѣпія; въ дни храмовыхъ праздниковъ варили медъ на общія деньги и приготавляли братскую трапезу, за которую садились и имущіе и убогіе.

Такъ образовались въ городахъ и селеніяхъ западной Руси и даже въ самой Литвѣ церковныя братства, которыя въ иѣкоторыхъ мѣстахъ удержались долгое время. Съ помощью этихъ общихъ складчинъ и этихъ знатныхъ покровителей, православная вѣра поддерживалась, и хотя издавались законы, которые запрещали строить новыя церкви и даже чинить старыя, но сильные люди не очень исправно исполняли королевскіе указы, когда они имъ не нравились.

Междудѣньемъ явилось въ Европѣ новое учение, лютеранское, которое очень распространялось въ Литвѣ; самые знатные ливонскіе вельможи и даже епископы католическіе стали переходить въ лютеранство, такъ что латинству грозила большая опасность во всемъ великомъ княжествѣ Русско-Литовскомъ. Это случилось въ то время, когда въ Россіи царствовалъ Иоаннъ IV, а въ Польшѣ Сигизмундъ-Августъ. Сигизмундъ и главные изъ его пановъ были католики; ихъ ужаснула опасность, которая угрожала латинству; они призвали іезуитовъ,—католическихъ монаховъ, которые славились преданностью латинству и своимъ искусствомъ защищать его. Монахи эти считали притомъ всякое средство годнымъ, чтобы достичнуть своей цѣли и возвеличить славу папскаго престола.

У нихъ было два устава: одинъ, похожій вообще на всѣ уставы монашескіе, другой тайный, въ которомъ и заключалась истинная сила іезуитства. Этимъ тайнымъ уставомъ предписывалось, прибывъ въ такое мѣсто, гдѣ считалось полезнымъ іезуитамъ поселиться, начинать съ того, чтобы отправлять самыя иизкія должности въ богадѣльняхъ, посѣщать бѣдныхъ, больныхъ и заключенныхъ, въ исполненіи же церковныхъ требъ никому ни подъ какимъ предлогомъ не отказывать, «дабы, сказано въ тайномъ уставѣ, наиболѣе важныя между жителями лица, видя въ такой необыкновенной любви ко всѣмъ нѣчто новое, удивлялись нашимъ и полюбили ихъ».

«Удививъ» такимъ образомъ «важныя лица», надлежало, по правиламъ іезуитовъ, войти въ ихъ милость и довѣренность Для этого тайный іезуитскій уставъ указываетъ различныя средства. Прежде всего и важнѣе всего было подвести значительному человѣку, или даже и государю духовника изъ іезуитовъ. Для этого избирался человѣкъ самый ловкій и искусный. Онъ долженъ быть, смотря по надобности, или быть очень снисходительнымъ къ согрѣшеніямъ своего духовнаго чада, чтобы заслужить его милость, или такъ застрашать его адскими муками, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ, подчинивъ его себѣ, выманивать богатыя даянія въ пользу іезуитскихъ монастырей и располагать его къ людямъ, преданнымъ іезуитамъ, отъ другихъ же отвращать.

Точно также должно было поступать и въ отношеніи вельможъ и знатныхъ людей. іезуитскій уставъсовѣтовалъ ссорить ихъ иногда между собою, а послоривъ изподтишка, явно и съ шумомъ стараться

ся о ихъ примиренії. Главное внимание приказывалось обращать на женщины и особенно на вдовъ. Духовнику ихъ предписывалось сдѣлаться полнымъ господиномъ въ домѣ такихъ особъ; пріучить ихъ исповѣдываться каждую недѣлю, а на этихъ исповѣдахъ заставлять ихъ рассказывать не только всю свою жизнь, но и жизнь всѣхъ своихъ знакомыхъ. Эти показанія служили іезуитамъ наиболѣшимъ средствомъ узнавать, кто ихъ друзья и кто враги, и за кого какимъ способомъ слѣдовало приняться: кого приласкать, кого остерегаться, про кого пустить въ свѣтъ хорошую молву, кого оклеветать и опозорить, но все это тайно и осторожно, чтобы концы были склонены.

Духовнику, поставлялось въ обязанность, смогря по разсчетамъ, устраивать или разстроивать свадьбы въ тѣхъ семействахъ, которыми имъ удавалось овладѣть. Вообще, однажды, почиталось болѣе выгоднымъ не допускать богатыхъ молодыхъ людей до браковъ, а увлекать ихъ въ мошество: для этого надлежало внушать ихъ родителямъ большую строгость къ дѣтямъ, для того, чтобы дѣтямъ стало невыносимо жить въ отцовскомъ домѣ; духовникъ же обязанъ былъ въ то же время, напротивъ, ласкать сына или дочь, выражать сожалѣніе объ излишней строгости отца или матери, а между тѣмъ представлять ему или ей, что стоитъ только вступить въ іезуиты, чтобы тяжкая его судьба мгновенно перемѣнилась.

Разумѣется, всѣ эти старанія надо было употреблять только въ отношеніи тѣхъ, отъ которыхъ можно было надѣяться или сильного покровительства или щедрыхъ даяній. Пріобрѣтать богатство считалось даже выгоднѣе нежели пріобрѣтать покровителей; для того, чтобы доставить ордену щедрое даяніе, дозволялось, напримѣръ, уговаривать жену украсть что-нибудь у мужа и отдать въ іезуитскую церковь.

Таковы были люди, которыхъ католическое духовенство вызывало на помощь противъ православія и лютеранства. Все, что говорилось объ іезуитахъ выше сего, не выдумано, и дѣйствительно заключается въ тайномъ ихъ уставѣ или наказѣ, который нѣсколько разъ уже былъ напечатанъ и въ Россіи, и за границею. Къ сожалѣнію, въ то время, о которомъ здѣсь говорится, этотъ тайный уставъ еще не былъ извѣстенъ, и іезуиты, прибывъ въ Вильну во время бывшей тамъ чумы, принялись такъ усердно ухаживать за больными и помогать пострадавшимъ семействамъ, что не только «важные лица», но и весь народъ дивился ихъ святости. Они поспѣшили также завести училище, и всѣ должны были сознаться, что во всемъ kraѣ не было училища равнаго ему,—а между тѣмъ они забирали въ руки всѣхъ людей со значеніемъ, и такъ обвели добра го короля, ослабѣвшаго отъ старости и беспорядочной жизни, что онъ слушалъ ихъ ушами и видѣлъ ихъ глазами. Въ короткое время не только усилились прежнія притѣженія противъ православныхъ, но какъ противъ нихъ, такъ и противъ лютеранъ воздвиглось настоящее гоненіе: «Мы всѣ, написано въ одномъ договорѣ того времени, такія привязки и угнетенія терпимъ, что уже ни свободою, ни безопасностью здравія, имѣ-

нія и достатковъ своихъ прямо похвалиться не можемъ. Уже по большей части наши церкви, монастыри, храмы, соборы, иные постыдныи разграбленіемъ, великии мучительствомъ, пролитіемъ крови, человѣкоубийствомъ и неслыханымъ поруганіемъ не только падъ живыми, но и надъ мертвими, завладѣны, разорены и опустошены» Вмѣеть съ церквами стали подвергаться насилиямъ и погязаніямъ православныхъ и лютеранскія духовныи лица, городскіе и сельскіе обыватели.

Видя это, дворянство, какъ православное, такъ и лютерансое, съѣхавшись въ Вильнѣ, заключило между собою конфедерацию. «Сей пожаръ, писали они, мало-по малу усиливаясь, уже касается и насъ, людей благороднаго сословія. Хотя мы въ одинаковой и равной свободѣ рождены какъ и люди римскаго исповѣданія, несмотря на сie, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе за то одпо, что твердо стоимъ въ вѣрѣ своей, хитрыми дѣйствіями римскаго духовенства и отъ мѣстъ, и отъ пропитанія насъ отлучаютъ, къ сенаторскимъ засѣданіямъ, чинамъ, урядамъ, староствамъ, управительствамъ и другимъ выгоднымъ званіямъ и даже къ услугамъ республики такого доступа. какъ другіе, имѣть мы не можемъ; а когда жалуемся на оскорблениія и обиды и со слезами испрашиваемъ справедливости, защиты и помощи, то вмѣсто утѣшенія какого-нибудь получаемъ наемщики и презрѣніе. Даже въ церковныхъ проповѣдяхъ оказуются сильныи выклики и возбужденія на насъ народа, съ показаниемъ удобности истребить насъ и съ обѣщаніемъ за то благословеній и наградъ»

Заявивши объ этомъ, дворяне православнаго и лютеранскаго исповѣданія заключили, какъ сказано, конфедерацию и договорились отстаивать свои права и свою вѣру, помогая другъ другу. Для этого они назначили въ каждомъ воеводствѣ и уѣздѣ по нѣскольку довѣренныхъ лицъ, къ которымъ каждый, потерпѣвшій отъ насилия католиковъ, могъ бы обратиться и просить защиты; а для общаго вспоможенія назначено было собираться отъ времени до времени на сѣѣзы или синоды.

Эту знаменитую конфедерацию, которая состоялось за нѣсколько десятковъ лѣтъ до вышеописаннаго люблинскаго сейма, подписали знатѣйшія изъ лицъ не-римскаго исповѣданія (или, какъ ихъ называли католики, изъ диссидентовъ), напримѣръ, со стороны православныхъ: князья Острожскіе, Вишневецкіе, Корецкіе, Пузины Друцкіе, Понѣмъ, Корсаки, Сангушки, Сапѣги, Колонтаи и многіе другіе, а со стороны лютеранъ: Радзивиллы, Фирлеи, Гнѣвошъ, Нарушевичъ, Заремба и пр.— Конфедерация эта однажды ни къ чему не привела: людей, которые были въ ней главными, мало-по-малу переманивали на свою сторону король и польскіе паны, застрашивали и приуждали отстать отъ начатаго дѣла, а между тѣмъ ксендзы и іезуиты возобновили рѣчь о подчиненіи православной западно-русской церкви папѣ. Оставайтесь, говорили они, при вашихъ греческихъ обрядахъ, признайте только своимъ главою святѣйшаго папу Хороша-ли ваша жизнь теперь? Васъ преслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ,— пана не дастъ васъ въ обиду.

Казалось бы, почему-жъ и впрямь не принять такого сильного покровителя, если онъ обѣщаетъ не измѣнить ни вѣры, ни обрядовъ? Въ это время былъ изъ числа знатныхъ русскихъ людей одинъ всѣми уважаемый за свой славный родъ, происходившій отъ русскихъ великихъ князей, за свое усердное православіе, за свою ученость, заслуги и богатство,—князь Острожскій Онъ съ горестю видѣлъ, что послѣ отдѣленія западно-русской церкви отъ восточной, въ нее вкрадись многие беспорядки, что нѣкоторые обряды и соборныя постановленія не строго исполняются и что всѣ эти неустройства могутъ привести ее къ конечному паденію. Онъ видѣлъ, что народъ во многихъ мѣстахъ недоволенъ своими священниками и даже епископами и что нѣкоторые изъ епископовъ сами колеблятся, видя выгоды, которыя предоставлены ихъ латинской братіи. Епископы эти, въ свою очередь, жаловались, что міряне вмѣшиваются въ церковный дѣла и ограничиваютъ власть святительскую. Казалось бы, всего проще соединиться какъ можно тѣснѣ съ церковью московскою; по кievскій митрополитъ не хотѣлъ подчиниться московскому, и князь Острожскій былъ личнымъ врагомъ царю Іоанну Грозному. Тогда рѣшились обратиться къ константинопольскому патріарху и просить его, чтобы онъ прибылъ самъ и прекратилъ нестроенія западно-русской церкви. Это было весьма естественно, потому что западно-русская церковь признавала надъ собою власть цареградскаго патріарха. Патріархъ прибылъ, замѣтилъ большие беспорядки, смынилъ нѣсколькоихъ епископовъ, даль нѣсколько наставлений, но зло въ кориѣ его, дрестьче не могъ, потому что пробылъ мало времени и не зналъ ни края, ни людей, ни языка. Посыщеніе его сдѣлало еще едва ли не болѣе вреда, чѣмъ пользы, потому что раздражило противъ него множество священниковъ и нѣсколькихъ епископовъ.

Но если одинъ изъ восточныхъ патріарховъ не могъ ввести устройства въ литовско-русскую церковь, разсуждали знатные міряне и духовные, къ кому же обратиться?—Обратитесь къ папѣ, подсказывали католики. И это казалось точно единственнымъ спасеніемъ, тѣмъ болѣе, что всѣ беспорядки западно-русскоаго духовенства, особенно высшаго, открытые и оглашенные патріархомъ, сильно раздражили противъ нихъ народъ. Такимъ образомъ и въ церковныхъ дѣлахъ случилось то же, что и въ свѣтскихъ: знать духовная и мірская, вопреки простому народу, начинала склоняться къ латинамъ и Полякамъ.

Уже нѣкоторые епископы рѣшились открыто осуждать распоряженія патріарха. Болѣе всѣхъ жаловался львовскій епископъ. Гедеонъ Болобанъ, который имѣлъ ссору со львовскимъ братствомъ и котораго патріархъ призналъ виновнымъ; наконецъ тайно подрывался подъ вліяніе патріарха воспитанникъ и другъ іезуитовъ, епископъ луцкій, Кириллъ Терлецкій. Эти строптивые епископы тайно спосиились между собою, и въ своихъ бесѣдахъ и письмахъ положили подчинить западно-русскую церковь папѣ, устроить ея соединеніе съ латинскою или, какъ говорилось тогда, ввести въ западной Руси унию.

Къ нимъ скоро присоединился еще одинъ весьма умный и деятельный человѣкъ, Ипатій Поцѣй, епископъ брестскій. Онъ и Терлецкій начали увиваться около тогдашняго митрополита западной Руси, Михаила Рагозы, трусливаго и слабаго человѣка, которымъ были недовольны и патріархъ, и епископы, и міряне. Склонить его на унію они не успѣли, но сильно поколебали. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обратились и къ князю Острожскому, великому ревнителю православія и покровителю западно-русского народа. Князь, какъ выше сказано, уже нѣсколько времени тому назадъ сталъ думать, что и впрямь не выгоднѣе-ли будетъ русской церкви стать подъ защиту папы, оговоривъ вирочемъ и утвердивъ самыми сильными клятвами и самыми строгими обѣщаніями чистоту православнаго ученія и стародавнихъ обрядовъ.

Всѣ эти переговоры и переписки велись хотя и тайно, но отъ молвы не могли укрыться; народъ вознегодовалъ и сталъ говорить, что главы церкви ей измѣняютъ; братства зашевелились, стали между собою пересылаться граматами, предупреждая другъ друга объ опасности, и положили на первомъ соборѣ обличить двоедушныхъ епископовъ. По стащиному обычаяу, соборы имѣли мѣсто ежегодно; сюда съѣзжались, кроме духовенства, и міряне для обсужденія церковныхъ дѣлъ. Соборъ открылся. Мірянъ собралось большое множество. Они требовали, чтобы церковь ихъ вошла въ тѣсную связь съ цареградскимъ патріархомъ и просили, чтобы онъ присыпалъ своего экзарха для управлениія русскою церковью, горько жаловались на высшихъ пастырей своихъ и настаивали, чтобы Гедеонъ Болобанъ былъ отрѣшенъ за притѣсненія, чинимыя имъ львовскому братству. Митрополитъ Рагоза первенствовалъ на этомъ соборѣ по своему сану, но неудовольствіе народное относилось и къ нему. Въ тоже время онъ получилъ отъ патріарха строгій выговоръ и даже временное запрещеніе за слабое его управлениѣ церковью. Тогда, не видя себѣ поддержки въ народѣ, перессорившись съ большою частью епископовъ и лишившись милости патріарха, рѣшился и онъ пристать къ тѣмъ, которые тайно, покамѣстъ, склонились къ унії; а львовскій епископъ Болобанъ, негодуя на рѣшенія брестскаго собора, созвалъ своею собственною властію другой соборъ изъ своихъ друзей и единомышленниковъ и принялъ на немъ торжественно унію, отъ которой вирочемъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отступилъ. Поступокъ Болобана взволновалъ весь православный народъ; даже тѣ, которые были не противъ унії, стали говорить, что принять ее можно только на общемъ соборѣ всего народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали усиливаться слухи объ измѣнѣ Терлецкаго, Поцѣя и нѣкоторыхъ другихъ епископовъ. Князь Острожскій написалъ грамату, въ которой съ негодованіемъ говорилъ объ отступничествѣ и отступникахъ. Онъ и приятель его князь Скуминъ обратились къ митрополиту Рагозѣ, упрекая его въ слабости и предупреждая, что и про него ходятъ слухи, будто онъ колеблется въ православіи. Народъ требовалъ собора и суда надъ недостойными пастырями, ожидая съ нетерпѣніемъ прибытія обѣщаанаго въ цареградѣ патріаршаго экзарха.

Поцью и Терлецкому грозила, следовательно, явная бѣда. Они кинулись въ Krakovъ къ королю польскому, которымъ былъ въ это время Сигизмундъ III, душевно преданный іезуитамъ. Онъ взялъ подъ свою защиту и ихъ, и затѣмнное ими дѣло. Запретилъ пропускать экзарха въ свои владѣнія и объявилъ, что всякий, принявшій унію, будетъ уравненъ въ правахъ съ католиками, которые, какъ уже известно, одни были допускаемы получать шляхетское достоинство. Съ своей стороны епископы-отступники поспѣшили объявить, что они принимаютъ унію не иначе, какъ съ условіемъ сохраненія ученія и обрядовъ восточной церкви, становясь только подъ защиту папы, дабы доставить русской церкви безопасность и устройство. Это была однажды чистая ложь, потому что они рѣшили между собою предоставить на папское разрешеніе спорный мѣста ученія восточного съ ученіемъ западнымъ или латинскимъ; затѣмъ они поспѣшили въ Римъ. Это случилось въ 1595 году. Поцѣй и Терлецкій представали предъ папу и, какъ чистые католики, облобызали его ногу; затѣмъ, передъ собраніемъ высшихъ сановниковъ латинской церкви, прочитали Символъ Вѣры по учению католическому. Еслибы русскіе западнаго края могли знать, какъ поступить въ Римъ два прибывшіе туда епископа, то не только народъ, крѣко стоявшій за православіе, не только князья Острожскій и Скуминъ, или митрополитъ, склонявшійся къ подчиненію папѣ, но даже тѣ, которые дальше ихъ заходили въ готовности сблизиться съ латинствомъ, и тѣ отказались бы отъ всякаго соучастія съ Терлецкимъ и Поцѣемъ. Но эти два отступника говорили въ Римѣ отъ имени всего русскаго народа и русской церкви, а потому радость въ Римѣ была велика; по этому случаю даже выбита была медаль съ надписью: «на возсоединеніе Русскихъ».

Когда обо всемъ этомъ узнали на Руси, то гневу и негодованію не было предѣловъ. Обвиненія и проклятія посыпались на владыкъ-предателей; не щадили и митрополита. Особенною ревностью и силой отличался одинъ молодой проповѣдникъ въ Вильнѣ, Стефанъ Зизаній, который насказалъ митрополиту много горькой правды; а какъ между тѣмъ приближался срокъ ежегоднаго собора, то на соборѣ этомъ можно было ожидать большихъ соблазновъ и волненій.

Онъ былъ назначенъ въ октябрѣ 1596 года, въ литовскомъ Брестѣ. Къ определенному времени туда сѣхалось множество свѣтскихъ и духовныхъ лицъ; изъ Греціи, съ Афонской горы прибыли два архимандрита и изъ Цареграда два патріаршіе экзарха; прѣѣхали и два главные заводчики смуты, Поцѣй и Терлецкій. Главою собранія былъ, какъ всегда, митрополитъ, но сильно раздраженный укорами православныхъ, и особенно Зизанія, онъ съ первого же раза сталъ на этомъ соборѣ на сторону уніатовъ, и даже избѣгалъ показываться народу. Экзархи потребовали его къ суду; онъ отказался явиться; тогда составили о немъ и объ уніи соборное постановленіе; духовенство совѣщалось особо, а міряне особо, но рѣшенія тѣхъ и другихъ были одинаковы: духовенство

опровергло унію, какъ несогласную съ постановленіями церкви и безъ установленного порядка введенную, міряне единогласно объявили, что не желали и не желаютъ ея. Тогда написанъ быль, на имя короля, общий приговоръ, въ которомъ заявлялось о твердомъ намѣреніи не принимать унію и о желаніи, чтобы тѣ, которые ее самовольно затѣяли, были подвергнуты наказанію: «тотъ ихъ поступокъ, написано въ приговорѣ, за неслушный бачачи (видя) и разумѣющи, ему не только подлегати (подчиняться), но за помочею Божею, всѣми силами боронити и противъ-ему быти (противиться) обѣзумо, а свой противко имъ (епископамъ) учиненный поступокъ иоцне (сильно) утвержжати и всякимъ коштомъ подпирати и помогати будемо.» Уніяты въ своей стороны, будучи въ весьма маломъ числѣ и состоя только изъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, не могли возражать противъ постановленій собора, и даже не являлись на совѣщаніе; опасаясь грозы, они явились только, чтобы прочесть папскую буллу (указъ) объ учрежденіи уніи; а какъ противиться волѣ римского владыки, по латинскимъ понятіямъ, есть грѣхъ и святотатство, то они написали королю, прося его обратить свой гнѣвъ на всѣхъ противящихся уніи.

Это случилось въ 1596 году. Такимъ образомъ въ теченіи двадцати трехъ лѣтъ, между великимъ княжествомъ Русско-Литовскимъ и королевствомъ Польскимъ произошло два соединенія, или двѣ уніи: унія церковная, о которой сейчасъ разсказано, и унія люблинская, по дѣламъ мірскимъ, гражданскимъ. Поляки считаютъ эти двѣ уніи двумя славными и счастливыми днями въ своей исторіи. И точно, люблинская унія увеличила государство польскихъ королей, вдвое или даже втрое, а унія брестская подавала Полякамъ надежду слить съ собою народы Русскій и Литовскій такъ, чтобы было едино стадо и единъ пастырь.

Но надеждѣ этой не суждено было сбыться, и съ той самой минуты, которую Поляки полагали началомъ новаго величія для ихъ отечества, начинается въ немъ разладъ, приведшій его къ паденію.

IV.

Казаки Донскіе, Українскіе и Запорожскіе. — Утѣсненіе Україны. — Наливайко. — Новыя утѣсненія. — Упіл распространяется. — Смуты въ Московскомъ царствѣ. — Самозванецъ. — Запись, которую онъ далъ чтобы получить помощь отъ Польши. — Самозванецъ вступаетъ въ Россію. — Москва его принимаетъ. — Низложеніе и смерть Самозванца. — Покушеніе короля Сигизмунда на Московскій престолъ. — Возстаніе противъ Поляковъ. — Освобожденіе Москвы.

Послѣ Батыева разгрома, многіе жители разоренныхъ имъ областей покинули свои пепелища и разбрѣжались въ разныя стороны, отыскавая такія мѣста, гдѣ они были бы въ безопасности отъ татарскихъ набѣговъ. Нѣкоторые изъ этихъ бѣглецовъ поселились, между прочимъ по низовьямъ Дона и Днѣпра. Въ этихъ мѣстахъ, тогда еще совершенно пустынныхъ,

они не боялись ни татарской, ни московской, ни польской силы, и считали себя вполнѣ людьми вольными. Они оправились, освѣли, оглядѣлись; ихъ оказалось много. Они завели у себя правленіе. Для всѣхъ важныхъ общихъ дѣлъ собиралась рада, или кругъ, — то же, что мірская сходка, — и тутъ дѣла эти решались. На сходкахъ же выбирали они себѣ атамана или гетмана. Такъ образовалось и управлялось казачество.

Когда Татары поселились въ Крыму, донскіе и днѣпровскіе казаки очутились ихъ союзами. Они стали наѣзжать на ближайшіе юрты Крымцевъ, но не съ хлѣбомъ-солью, а съ копьями и пищалями и, какъ нѣкогда Литовцы отъ союзства съ Нѣмцами, такъ и казаки отъ союзства съ Татарами, начали быть людьми воинственными и отважными. Ихъ вольная жизнь, богатая добыча, которую нерѣдко случалось имъ захватывать, и удалые ихъ подвиги привлекали къ нимъ много народа. Громче другихъ была слава днѣпровскихъ казаковъ, и потому охотниковъ приходило къ нимъ столько, что уже имъ стало тѣсно на островахъ Днѣпра, на которыхъ они первоначально поселялись; они стали селиться по берегамъ этой реки, на прилегающихъ къ ней равнинахъ, и ко времени царствованія Іоанна Грознаго, пынѣшня Полтавская и Киевская губерніи, и далѣе по обѣ стороны Днѣпра до пороговъ, даже за порогами, были населены казаками.

Часть этихъ казаковъ жила въ деревняхъ и селеніяхъ занимаясь хлѣбопашествомъ, а еще болѣе наѣздами на крымскія земли; другая же часть, кроме войны и наѣздовъ, ничѣмъ инымъ не занималась. Эта послѣдняя часть днѣпровскихъ или украинскихъ казаковъ состояла сплошь изъ людей бездомныхъ и безсемейныхъ. Главный притонъ ихъ былъ на Хортицкомъ островѣ, за днѣпровскими порогами. Ни одинъ казакъ не смѣлъ, подъ смертною казнию привести туда женщины, хотя бы то была его мать, жена или сестра. Казаки жили тамъ не домами, а въ общихъ жильяхъ, называемыхъ куренями, по нѣсколько десятковъ человѣкъ вмѣстѣ. У нихъ не было ничего собственнаго, особливаго, кроме платья и оружія; все прочее было общее, принадлежало всему куреню.

Казаки эти назывались Запорожскими, а мѣсто, где они жили — Сѣчью. Это было главное гнѣзда украинскаго казачества. Туда собирались удалцы со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, и всѣхъ тамъ принимали, не спрашивая кто онъ, откуда, какъ прежде жилъ, лишь бы онъ не былъ Жидомъ или католикомъ. Туда же приходили, наскучивъ осѣдлою жизнью, и семейные казаки попирать, повеселиться, достать славы и добычи.

Главные наѣзды свои казаки совершали моремъ въ открытыхъ безпалубныхъ лодкахъ, которая назывались чайками и которая въ самомъ дѣлѣ носились по волнамъ, какъ морскія птицы. Чтобъ онъ не опрокидывались волнениемъ, къ бокамъ ихъ привязывались фашини; борты же ихъ возвышались надъ водою не болѣе полуаршина. Въ нихъ садилось человѣкъ 50 — 70, изъ которыхъ третья часть работала веслами. Во время похода онъ держались какъ можно ближе другъ къ другу и высматривали, не встрѣтится ли гдѣ турецкій корабль. За-

видѣвъ его издали, они останавливались и оставались на такомъ разстояніи, чтобы ихъ нельзя было различить за морскою зыбью, а когда наступала темнота, они быстро подплывали, окружали корабль со всѣхъ сторонъ и вскачивали на него, прежде чѣмъ матросы успѣвали приготовиться къ бою.

По возвращеніи казаковъ съ добычею, начиналось въ Сѣчи пирование. Горѣлка лилась рѣкою; пьяный казакъ запускалъ руку въ свои шаровары и бросалъ горсть червонцевъ какому-нибудь бандуристу, отдавалъ кусокъ парчи за ведро вина.

Такова была удалая жизнь Запорожцевъ. Много добычи перепадало и семейнымъ казакамъ, такъ что казачья жизнь все больше и больше привлекала народъ, и все больше приставало народа къ казачеству, и уходило въ Украину *) особенно когда начались гонения на православныхъ.

Такъ какъ Украина находилась въ сосѣствѣ земель русскихъ, бывшихъ подъ властью польскихъ государей, то государи эти пожелали казачью землю присоединить къ себѣ. Они сначала прilаскали казаковъ, потомъ ловко подставляли имъ въ гетманы знатныхъ людей изъ западной Руси, преданныхъ однакожъ Польшѣ, стали давать казакамъ жалованье, но за то и требовать отъ нихъ службы и повиновенія, опредѣлили, какому числу казаковъ быть въ казачьемъ войску **), и наконецъ начали раздавать земли на Украинѣ польскимъ царамъ и Русскимъ, предавшимся Польшѣ, обращая въ крестьянъ всѣхъ тѣхъ Украинцевъ, которые не вошли въ списокъ служащихъ казаковъ, и заставляя ихъ отбывать барщину этимъ вновь прибывшимъ помѣщикамъ.

Все это не нравилось Украинцамъ, которые по старинѣ желали быть вольными людьми и казаками. Когда же провозглашена была унія, казаки были изъ числа тѣхъ, которые наиболѣе ей сопротивлялись. Гетманъ Наливайко распорядился, чтобы силою изгнать изъ русскихъ земель всѣхъ принявшихъ унію и католиковъ. Двѣ огромныя партіи казаковъ были направлены съ этой цѣлію вдоль Днѣпра и Днѣстра. Они действительно и очистили край. Но Наливайко былъ взятъ въ плѣнъ Полякамъ и изжаренъ въ мѣдномъ быкѣ. Королевское войско вступило въ Украину и исходило ее вдоль и ширегть съ огнемъ и мечомъ. Вмѣстѣ съ войскомъ явились и ксендзы. Они стали приводить простой народъ въ унію подъ страхомъ смерти; помѣщиковъ же привлекали обѣщаніемъ королевской милости и другими мірскими выгодами. Простой народъ умирался, сколько могъ, противъ этого насилия, но помѣщики поддавались соблазну. За то они, принявши унію, или прямо католичество, переставали быть Русскими и становились Поляками, какъ было, напримѣръ, съ сыномъ славнаго князя Острожского, или съ потомкомъ князя Вишневецкаго, одного

*) Украиной вообще называлась пограничная, у края находящаяся страна; но имъ это присвоено преимущественно Украинѣ днѣпровской.

**) Около времени введенія уніи, на Украинѣ считалось 20 округовъ, называвшихся полками, которые всѣ вмѣстѣ могли выставить до 40 тысячъ казаковъ.

изъ первыхъ казачьихъ гетмановъ. Многіе изъ нихъ доходили до того, что перемѣняли свои фамиліи, прибавляя къ своему природному прозвищу польскія окончанія: Чаплинъ сталъ называться Чаплинскимъ, Бурка — Бурковскимъ. Такіе люди начинали крестьянъ своихъ называть прозрительнымъ словомъ *хлопъ*, языкомъ ихъ — хлопскимъ языкомъ, вѣру ихъ — хлопскою вѣрою. Презирая крестьянъ, они пуще прежняго стали утѣшать ихъ. Для постройки огромныхъ своихъ замковъ, изъ которыхъ многіе существуютъ и донынѣ, для разведенія садовъ на нѣсколькихъ десятинахъ, для содержанія музыки, охоты и для роскошного угощенія своихъ пріятелей, польскихъ пановъ, королевскихъ старостъ и каштеляновъ, они обкладывали крестьянъ новыми податями. Крестьянинъ долженъ былъ не только работать на своего помѣщика, но отдавать ему лесную часть со всего своего имущества, съ быковъ, лошадей, мелкой живности. Меда, овощей. Ульи, рыбные ловли были обложены пошлиными. Но какъ въсѣхъ этихъ поборовъ бывало недостаточно для насыщенія панской роскоши, то экономы и арендаторы иногда прибѣгали къ неслыханнымъ мѣрамъ: принуждали крестьянина платить за то, чтобы окрестить ребенка, обвенчать парня на дѣвкѣ, похоронить отца или мать. Часто случалось, что паны, сдѣлавшись католиками или униатами, отдавали православныя церкви, бывшія въ ихъ владѣніяхъ, на аренду евреямъ, а тѣ требовали съ прихожанъ платы за каждое богослуженіе. Нерѣдко бывало и то, что панъ, отступившій отъ своей вѣры, отбиралъ у церкви дарованную ей землю и тѣмъ лишалъ причетъ пропитанія. Священникъ, церковники принуждены бывали взять сумму и отправляться по миру. Тогда заявляли, что священникъ бросилъ свою паству, и церковь обращали въ упію. Случалось, что буйная шляхта, процъяствовавъ нѣсколько сутокъ, садилась на коней и врывалась въ монастыри, била и увѣчила монаховъ, безчинствовала съ монахинями, разгоняла тѣхъ и другихъ, и потомъ, монастырь, какъ запустѣвшій и оставленный братію, отдавался униатамъ.

Подобные случаи бывали нерѣдко во всей западной Руси, отъ Вильны и Витебска до Львова и Галича. Бывали они и на Украинѣ. Но здѣсь жили люди, которые сами, или которыхъ отцы и дѣды ушли отъ подобныхъ насилий, потому что хотѣли быть вольными; грабительства и притѣшненія казались имъ, слѣдовательно, несноснѣе, чѣмъ другимъ; примѣромъ же Сѣчь Запорожская была недалеко, а тамъ сильно сохранилось преданіе о старинной волѣ казачьей. Она готова была сдѣлаться для ополячившихся пановъ и для ксендзовъ латинскихъ и уніатскихъ столь же грозною, какою была для Татаръ.

Она дѣйствительно и сдѣлалась такою: казачье возстаніе при Наливайкѣ было первымъ большимъ возстаніемъ, а за пять скоро послѣдовали другія, еще болѣе страшныя, о которыхъ въ свое время будетъ разсказано.

Въ то время, какъ на Украинѣ скоплялось неудовольствіе противъ Наливайковъ, католиковъ и уніатовъ и поднималась прогибъ нихъ явная борьба, въ другихъ мѣстахъ тоже шла противъ нихъ борьба, только иная. При

многихъ церковныхъ братствахъ существовали въ то время школы, и въ школахъ этихъ обучались вмѣстѣ дѣти мірянъ и духовныхъ; лучшія изъ такихъ школъ были въ Кіевѣ, Вильнѣ и Львовѣ. Нерѣдко выходили изъ нихъ люди хорошо обученные церковному писанію; они лучше другихъ понимали, что унія была дѣломъ неправымъ и учреждена была не-правильно. Поэтому они стали горячо писать и прощовѣдывать противъ нея. Таковы были, между прочимъ, извѣстные уже намъ Стефанъ Зизаній, епископъ Болобанъ, отрекшійся отъ унії, и иѣкоторые другіе. Грамотные люди съ жадностью читали такія писанія; мѣщане и другіе городскіе жители толпами собирались въ церкви, слушать прощовѣдниковъ; всѣ православныя братства зашевелились, а больше всѣхъ виленское, какъ самое сильное, богатое и многочисленное.

Оно состояло при виленскомъ Троицкомъ монастырѣ. Епископъ Попѣцкій, сдѣланный теперь митрополитомъ, вздумалъ назначить туда новаго архимандрита изъ уніятовъ же. Братство возстало и отказалось его принять. Дѣло вышло серьезное. Пріѣхалъ въ Вильну самъ Попѣцкій; убѣждалъ, грозилъ, но не могъ ничего сдѣлать. Тогда онъ выхлоноталъ у короля указъ о ссылкѣ прежняго архимандрита. Изъ Варшавы присланъ былъ особый судъ. Судья признали братчиковъ виленскихъ бунтовщиками и ослушниками закона; иѣкоторыхъ изъ нихъ казнили, отобрали у православныхъ и отдали уніятамъ не только Троицкій монастырь, но и почти всѣ церкви въ Вильнѣ. Народъ смирился передъ властью и силой; по нашелся человѣкъ, который, встрѣтивъ однажды на улицѣ Попѣцкія, кинулся на него съ ножомъ и напесъ ему яѣсколько ранъ; православное же братство перешло въ одну изъ оставшихся церквей.

Вотъ какъ происходило возвращеніе унії въ западной Руси. Явно, что ее навязывали противъ воли. Православная братства, особенно по городамъ, где они были сильнѣе, отбивались отъ нихъ, отставали себѣ, не-реставрали ходить въ церкви, въ которыхъ опредѣляли что-въ-уніятовъ, писали книги противъ унії, позорили и безчестили отступниковъ а между собою сдѣгались еще плотище. Но по деревнямъ противиться унії было труднѣе. Мы уже видѣли, какъ легко бывало какому-нибудь богатому пану обратить въ унію церковь, стоящую на его землѣ; а что было дѣлать крестьянамъ, когда они, собравшись въ воскресенье къ обѣдѣ, находили въ церкви уніатского папа, вмѣсто православнаго? Что было дѣлать имъ, когда, кроме этого папа, не было другаго, чтобы отшѣть покойника, окрестить дитя, обвенчать жениха съ невѣстой?

Такимъ образомъ мало-по-малу унія распространялась. Слабѣе другихъ мѣстностей вводилась она въ областяхъ Минской и Витебской, а также въ Полѣсіи и на Украинѣ. Полѣсіе и Украина были защищены, первое—своими лѣсами и болотами, второе—свою отдаленностью, стойкостью своего населенія и сосѣдствомъ Запорожья, котораго боялись на-ны и кеенды.

Между тѣмъ случилось происшествіе страшное и почти неслыханное, которое смутило всю Русь, и восточную, и западную.

Въ началѣ 1598-го года, слѣдовательно вскорѣ послѣ Брестскаго собора, скончался сынъ Иоанна Грознаго, Феодоръ, и какъ у него не было сыновей, то со смертію его прекращалось цлемя Рюрика и Владимира Равноапостольшаго. Москва избрала въ цари зятя Феодора Иоанновича, его любимца и первого боярина, Бориса Годунова. Во все продолженіе 14-тилѣтнаго правленія послѣд资料о царя, Борисъ завѣдывалъ всѣми дѣлами и заслужилъ общее уваженіе; еще раньше, при Грозномъ, онъ былъ у царя на виду и въ милости, но держалъ себя въ сторонѣ отъ лютыхъ казней, а на престолѣ, нерѣдко смягчалъ страшный гнѣвъ государя. Народъ приписывалъ ему все добро, которое дѣжалось при Феодорѣ и въ послѣднее время Иоаннова царствованія; духовенство любило его за щедрость и набожность, и за то что онъ возвысилъ церковную іерархію учрежденіемъ въ Москвѣ патріаршаго достоинства.

Но были два дѣла, въ которыхъ горько упрекали Бориса: первое изъ нихъ было прикрѣпленіе крестьянъ, случившееся въ царствованіе Феодора Иоанновича; до того времени крестьяне на Руси, какъ сказано, были свободными людьми, и если не имѣли своихъ земель, то поступали на земли помѣщиковъ и вотчинниковъ по условію, а когда условіе это становилось имъ невыгоднымъ, то, отживъ условное время, имѣли право отходить. Теперь это право у нихъ было отнято, и съ того времени крестьяне сдѣлялись крѣпостными. Новый законъ былъ выгоденъ для большей части помѣщиковъ и вотчинниковъ, но онъ стѣснилъ простой народъ, который, будучи лишены возможности переходить съ мѣста на мѣсто въ Россіи, началъ убѣгать въ вольныя степи мѣста за Волгу, на Куму, на Тerekъ и къ казакамъ на Донъ и на Днѣпръ, куда уже и прежде была пробита тропа.

Другое дѣло, въ которомъ у рекали Годунова, была смерть младшаго брата царскаго царевича Дмитрія Иоанновича. Не доказано и до сего времени, чтобы царевичъ былъ умерщвленъ по повелѣнію Годунова, но такъ вообще думали въ то время, да это и очень вѣроятно. Духовенство и патріархъ однако его оправдывали и много помогали ему въ избраніи послѣ смерти царя слѣдующаго изъ Рюриковичей.

Изображеніе это было неспрѣятно князьямъ и боярамъ русскимъ, изъ которыхъ многие, происходя отъ одного корня, — отъ Рюрика и Ярослава, считали себя ближе чѣмъ онъ къ царскому дому. Новому царю это не было неизвѣстно, и потому онъ сталъ за ними присматривать, сталъ подкупать ихъ холопей, чтобы они подслушивали и подглядывали за своими господами и ему бы, царю, о томъ доносили. Служить такую службу за хорошия деньги нашлось много охотниковъ; донощикамъ царь давалъ волю, а иногда дарилъ и земли; тѣхъ же, на которыхъ было донесено, подвергалъ опалѣ, высыпалъ въ дальние города или постригалъ неволею и заключалъ въ отдаленные монастыри. Что же произошло? Князья и бояре стали только опасливѣе передъ своими слугами, но не перестали умышлять зла противъ царя; думаютъ, что они-то подставили самозванца, который смутить надолго русскую землю.

Въ первые годы Борисова царствованія находился въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ молодой монахъ, по имени Григорій Отрепьевъ, человѣкъ книжный. Будучи здѣсь, онъ проговорился, что могъ бы быть царемъ на Москвѣ. Слова эти дошли до патріарха и до самого царя. Григорія выслали въ отдаленный монастырь, но онъ ушелъ оттуда, явился опять въ Москвѣ, и подговоривъ двухъ другихъ монаховъ отправился на богомолье въ Кіевъ, бывшій тогда въ польской власти, покинулъ своихъ товарищѣй какъ скоро перешелъ за рубежъ, поступилъ въ одну латинскую школу, пробрался въ Запорожье, и наконецъ пошелъ въ услуженіе къ одному изъ русскихъ отступниковъ, князю Вишневецкому. Здѣсь, будучи однажды боленъ, онъ, какъ бы на духу, передъ смертію открылся, что онъ никто иной, какъ московскій царевичъ, Дмитрій Иоанновичъ, чудесно спасенный отъ убійцъ Борисовыхъ Князь Вишневецкий, удивленный этимъ открытиемъ, сказалъ о немъ своему родственнику, Минишку, и оба они стали думать, что имъ дѣлать съ человѣкомъ, который называетъ себя царевичемъ. Они сообщили о томъ некоторымъ другимъ лицамъ, своимъ духовникамъ и капелланамъ, которые обыкновенно находятся въ замкѣ каждого знатнаго Поляка.—и вотъ латинское духовенство вмѣшалось въ это дѣло. Іезуиты первые поняли, что можно воспользоваться имъ: они написали Минишку, у которого между тѣмъ проживалъ Отрепьевъ, уже въ качествѣ дорогаго и почетнаго гостя, чтобы онъ поспѣшилъ съ нимъ въ Краковъ, главный городъ Польши. Въ Краковѣ между знатными Поляками, въ высшемъ духовенствѣ, при дворѣ, уже ходили слухи о чудесномъ спасеніи московскаго царевича. Латинскіе еписконы поспѣшили съ нимъ увидѣться, и когда онъ сталъ просить помочь ему отыскивать прародительскій престолъ, они ему обѣщали всевозможную помощь, если онъ приметъ латинство. Григорій согласился и принялъ въ духовники іезуита. Затѣмъ пожелалъ его видѣть и самъ король. Сигизмундъ согласился признать его истиннымъ царевичемъ и назначить денежнное содержаніе; но, не желая ссориться съ Россіей, отказалъ ему въ войскахъ, обѣщавъ однакожъ не запрещать шанамъ, шляхтѣ и другимъ вольнымъ людямъ помогать ему и идти съ нимъ противъ Россіи.

Тогда Минишекъ поѣхалъ съ нимъ изъ Кракова обратно въ свой замокъ Самборъ; тамъ онъ принялъся помогать самозванцу, набирать ратныхъ людей, но предварительно потребовалъ отъ него особой записи. Этю записью Григорій Отрепьевъ облазывался: 1) По завладѣніи московскимъ престоломъ жениться на дочери Минишека и дать ей въ вѣно Новгородъ и Псковъ съ ихъ землями и волостями и съ правомъ собирать съ нихъ доходы, судить, законы издавать, пролавывать и отдавать и строить католическія церкви. 2) Тестю своему Минишку, выдать изъ московской казны миллионъ золотыхъ и уступить въ потомственное владѣніе часть княжествъ Сѣверского и Смоленскаго. 3) Уступить королю остальную часть этихъ княжествъ, и наконецъ, 4) Приложить всѣ старанія, чтобы обратить народъ московскій въ католичество.

Получивъ такую запись, Минишекъ принялъ за дѣло. Немедленно

разосланы были во все концы государства универсалы, приглашавшие вольных шляхтичей на славное дело — помогать законному царевичу добить отеческий престолъ, а между тѣмъ пріобрѣсть рыцарскую славу, поживиться русскимъ серебромъ и золотомъ и утвердить между схизматиками католическую вѣру. Въ короткое время набралось съ разныхъ мѣстъ тысячи двѣ всякой вольницы, столько же пришло съ Дона тамошихъ гультаевъ, а чрезъ нѣсколько времени къ нимъ примкнуло болѣе 10,000 украинскихъ казаковъ.

Что же между тѣмъ дѣлалъ царь Борисъ? Онъ дѣйствовалъ слабо и нерѣшительно, посыпалъ письма и гонцовъ къ королю польскому, объясняя ему, что человѣкъ, котораго онъ поддерживаетъ, никто иной, какъ бѣглый монахъ; отправлялъ въ Польшу людей, знавшихъ младенца царевича, знавшихъ и самого Отрешевъ; эти люди обличали его въ глаза, но онъ или смѣялся имъ или отдавалъ ихъ на волю собравшагося около него сброда, а между тѣмъ подвигался къ русскому рубежу и перешелъ его осенью 1604-го года въ Сѣверской землѣ (нынѣшней Черниговской губерніи).

Слухъ о чудномъ появленіи царевича Дмитрія взволновалъ русскую землю. Нѣкоторые предполагали въ этомъ обманъ, но большею частію вѣрили, что Божій промыселъ спасъ младенца и ведетъ его на престоль отцовскій. Стали вспоминать обстоятельства его смерти и обвинять въ ней Бориса. Иметь царемъ цареубійцу казалось ужаснымъ. Черниговцы связали своего воеводу, который хотѣлъ дать отпоръ Лжедмитрію; другие воеводы, выступая въ походъ, сами говорили: «Трудно противъ природного государя воевать». При встрѣчахъ съ вольницею самозванца, у Русскихъ не было руки для сѣчи. Къ этому присоединялась иногда измена, или робость и неискусство: такъ воевода князь Мстиславскій съ 50,000 ратниковъ не рѣшался ударить на самозванца, а рѣшившись наконецъ, былъ разбитъ. Въ короткое время Лжедмитрію сдались Путівль, Сѣвскъ и нѣсколько другихъ городовъ.

Въ началѣ слѣдующей весны умеръ царь Борисъ. Онъ скончалъ за столомъ; вдругъ кровь хлынула у него изо рта, изъ носа, изъ ушей и чрезъ два часа его уже не было въ живыхъ. Эта внезапная, неожиданная смерть, упавшая на него какъ Божья кара, еще болѣе усилила подозрѣнія въ томъ, что онъ умышлялъ на жизнь царевича. Народъ цѣловалъ крестъ его сыну, но дѣла были таковы, что съ ними невозможно было справиться этому юношѣ: они были, какъ мы видѣли, не подъ силу и самому его отцу. Вельможи, которыхъ еще сдерживалъ страхъ Борисова имени, стали измѣнять его сыну одинъ за другимъ: двое Голицыныхъ, Салтыковъ, Шереметевъ передались самозванцу; наконецъ передался ему и главный воевода царскій, Басмановъ, со всѣмъ войскомъ. Лжедмитрій потребовалъ, чтобы Москва отворила ему ворота; грамота его была прочитана на лбномъ мѣстѣ. Народъ взволновался, и подстрекаемый нѣкоторыми лукавыми боярами, а особенно княземъ Василиемъ Шуйскимъ, кинулся въ Кремль, и схвативъ все семейство Годуновыхъ, съ безчес-

ствіемъ выгнали его изъ царскихъ палатъ. Царица вдова и молодой царь были задушены тѣло Бориса вырыто изъ царской усыпальницы и вмѣстѣ съ тѣлами царицы и ихъ сына зарыто въ простомъ гробѣ, въ Варсонофьевомъ монастырѣ, на Срѣтенкѣ. Джедимитрій вступилъ въ Москву при звонѣ колоколовъ и при кликахъ обманутаго народа: «Дай Господи тебѣ, господарь, здоровъ!» кричали ему, «ты наше солнышко праведное!» Немедленно Москва цѣловала крестъ ему, и бѣглый монахъ занялъ царскіе чертоги.

Но не долго и не спокойно довелось ему проживать въ нихъ. Первые разсорились съ нимъ сопровождавшіе его Поляки: онъ выдалъ имъ жалованье и велѣлъ возвратиться во-свои. Они взяли дѣльги, но продолжали жить и буйствовать въ Москвѣ, смѣясь надъ нашими обычаями и оскорбляя гражданъ. Потомъ король польскій сталъ требовать, чтобы были уступлены ему обѣщанныя земли и чтобы приглашено было въ Москву латинское духовенство. Но сдѣлать это самозванецъ не рѣшался, а чрезъ это онъ разладилъ съ польскимъ королемъ и католическимъ духовенствомъ Папа, узнавъ о его вступленіи въ Москву, радостно поздравлялъ его, и напомнивъ его обѣщаніе, писалъ: «Сади, сѣй, пожинай, цвѣту проводи посточинки благочестія». Совѣтуя ему поскорѣе вступить въ бракъ съ дочерью воеводы Мишкѣ, усердно католичкой, онъ продолжалъ: «Мы не сомнѣваемся, что такъ какъ ты хочешь имѣть сыновей отъ этой превосходной женщины, рожденной и воспитанной въ благочестивомъ католическомъ домѣ, то хочешь также привести въ лоно римской церкви и народъ московскій.» Но Дмитрий, какъ мы видѣли, не торопился приглашать въ Москву кенцзовъ и строить костелы.

Хуже всего для самозванца было то что имъ начинали быть педовольны и Русскіе: ихъ раздражало буйное и скорбительное поведеніе Поляковъ; необычнымъ притомъ казалось имъ, что царь не ходить въ баню, что у него во время стола играетъ музыка, что онъ иногда одинъ, безъ всякой свиты, выходитъ изъ дворца и съ иностранными своимъ тѣлохранителями упражняется въ воинскихъ поѣздахъ. Когда же вѣдь за его певѣстой прибыли новыя толпы Поляковъ съ новыми латинскими монахами, народъ возропталъ, по городу стали ходить о немъ дурные слухи: сначала шепотомъ, а потомъ и громко говорить начали, что онъ не царской крови, а еретикъ и самозванецъ. Одинъ дѣякъ, знавшій его прежде, рѣшился гласно обличить его; онъ причастился Св. Таинъ, и ворвавшись во дворецъ, сказалъ при всѣхъ ему самому: «ты воистину Гришка Огрешевъ, растряга, а не цесарь непобѣдимый; не царевъ сынъ, Дмитрій, но грѣху рабъ и еретикъ». Ко всему этому присоединился заговоръ бояръ, тѣхъ же самыхъ бояръ, которые измѣнили Борису и погубили его сына. Первыми изъ нихъ были кнѧзь Василій Шуйскій и Голицынъ; они распускали въ народѣ, что Дмитрій не царь истинный, что онъ только иноземцевъ любить, а вѣру святую презираеть и женится на еретичкѣ. Въ назначенный день, вскорѣ послѣ свадь-

бы его, бояре съ толпою народа вступили въ Кремль и вломились во дворецъ, съ крикомъ: «во имя Божие, идите на злого еретика!»

Это было ночью. Лжедмитрій спалъ, но шумъ и крики его разбудили. Онъ былъ человѣкъ отважный: вскочивъ съ постели и выхвативъ саблю, онъ кинулся навстрѣчу врагамъ, говоря: «я вамъ не Годуновъ!» Но видя, что его стража уже обезоружена, и что одному противъ толпы сдѣлать ничего нельзѧ, онъ выпрыгнулъ въ окно, упалъ на бывшія тамъ подмости и переломилъ себѣ ногу. Народъ кинулся къ нему съ крикомъ: «бей его, руби!» Потомъ обезображеніе его тѣло было выставлено на Красной площади, въ маскѣ, съ дудкою и волынкою, а наконецъ сожжено, и перемѣшано будучи съ порохомъ, выстрѣлено изъ пушки и развеяно по воздуху.

Смертю Лжедмитрія смуты не кончились; за первымъ самозванцемъ явился другой, потомъ третій; явилось ихъ нѣсколько вдругъ, въ Астрахани, въ разныхъ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ; одинъ объявлялъ себя сыномъ Грознаго, другой его внукомъ, третій еще какимъ-нибудь царевичемъ: словомъ, наводнилась земля русская самозванцами, смущаясь небывалою еще смutoю. Это время, т. е. восемь лѣтъ послѣдовавшія за появлениемъ первого Лжедмитрія, такъ и называется *Смутнымъ Временемъ*.

Въ Москвѣ былъ избранъ на царство князь Василій Шуйскій. Тѣ города и области, которые желали порядка, держались и совѣтовали другимъ держаться того царя, который будетъ на Москвѣ. Но другія области и города приставали къ самозванцамъ; ихъ поддерживали также казаки донскіе и украинскіе, и Русскіе проливали кровь Русскихъ. Поляки съ своей стороны поддерживали эти смуты: ксендзы и іезуиты хотѣли имѣть подъ рукою человѣка, который помогъ бы имъ ввести въ Россію латинство; шляхта и вся прочая вольница, пришедшая съ Огрѣпьевымъ, находила выгоднымъ продолжать жить на чужой счетъ; король и панъ Минишекъ могли надѣяться получить земли, уступленныя самозванцемъ, только отъ самозванца же. Поэтому они отыскали какого то неизвѣстнаго человѣка, и какъ нѣкоторые думаютъ, Жидовина, котораго уговорили называться московскимъ царемъ, спасшимся будто-бы отъ смерти. Народъ повѣрилъ этой сказкѣ, нѣсколько крамольныхъ бояръ сдѣлали видъ, что ей повѣрили; Сѣверская земля, курская область поднялись противъ царя, избраннаго Москвою, воеводы его были разбиты, и самозванецъ подступилъ къ самой Москвѣ, расположась въ селѣ Тушинѣ. Одни называли его тушинскимъ царемъ, другіе тушинскимъ воромъ.

Но это было не все: польскій король сталъ требовать удовлетворенія за умерщвленіе многихъ Поляковъ во время возмущенія противъ Отреѣва, хотя они были такие же самозванные пришельцы въ Русскую землю, какъ и царь, котораго они привели. Этимъ требованіемъ король прикрывалъ истинную свою мысль: ему хотѣлось сдѣлаться царемъ московскимъ.

Итакъ, вотъ опять является мысль о соединеніи Россіи, Литвы и

Польши подъ одною короной. Но дѣло не совершилось по различію вѣроисповѣданій. Сигизмундъ не рѣшился искать московской короны для себя собственно: онъ выдвинулъ своего сына, королевича Владислава, и повелъ объ этомъ тайно переговоры съ нѣкоторыми изъ московскихъ бояръ. Царь Василій былъ нелюбимъ; тушинского царька почти вся Россія считала самозванцемъ; его поддерживали только казаки и польская вольница. Русскихъ въ тушинскомъ станѣ было мало, а тѣ, которые и находились тамъ, были по большей части люди бездомные и безродные. Поэтому, когда заброшены были первыя слова о королевичѣ Владиславѣ, они были выслушаны со вниманіемъ; бояре надѣялись, сверхъ того, что при немъ и въ Московское царство войдуть права и вольности, которыми пользовались польские паны.

Между тѣмъ въ Москвѣ произошелъ бунтъ противъ Шуйскаго: его насильно постригли. За тѣмъ оставалось выбирать между королевичемъ польскимъ и тушинскимъ царькомъ. Патріархъ и духовенство были противъ того и другаго. Митрополитъ ростовскій Филаретъ, изъ рода Романовыхъ, выѣзжалъ на лобное мѣсто и говорилъ народу, чтобы избрали въ цари кого-нибудь изъ своей братіи, православныхъ князей или бояръ. «Не прельщайтесь, говорилъ онъ мнѣ подлинно извѣстно королевское злое умыщеніе вадъ Московскими государствомъ: хотеть онъ имъ завладѣть и нашу истинную христіанскую вѣру разорить, а латинскую утвердить.» Патріархъ Гермогенъ сказывалъ боярамъ, которые прѣѣзжали къ нему совѣтоваться о принятіи королевича: «если крестится и будетъ въ православной вѣрѣ, то я вѣсь благословляю; если же не крестится, то неѣтъ вамъ нашего благословенія».

Бояре понимали, что народъ никогда не согласится признать царемъ своимъ инонѣца, а потому они объявили, что будутъ настаивать на принятіи королевичемъ православной вѣры, требуя, между тѣмъ, чтобы цѣловали крестъ. Это крестное цѣлованіе было совершено въ Москвѣ, въ концѣ августа 1606 года; за Москвою присягнули и многие другіе города, но ни Сигизмундъ, ни Поляки не хотѣли отпустить въ Москву королевича, а тѣмъ менѣе еще согласиться, чтобы онъ отступилъ отъ латинства: имъ хотѣлось и въ Московскому царствѣ такъ же, какъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, ввести римскую вѣру, или хоть на первое время упію.

Сигизмундъ вступилъ въ Россію и потребовалъ, чтобы Смоленскъ отворилъ ему ворота, какъ отцу московскаго царя: но Смольяне объявили, что они одному только Владиславу присягали, а отца его не знаютъ.

Между тѣмъ въ Москву было впущенено польское войско изъ страха передъ толпами самозванцевъ, которая ее осаждали. Поляки теперь, какъ и во время первого Лжедмитрія буйствовали въ Москвѣ и раздражали жителей; раздражало ихъ и то, что посланные къ королю Сигизмунду не могли добиться ни согласія на принятіе королевичемъ православія, ни того, чтобы его отпустили къ Москвѣ. Проходили мѣсяцы, прошелъ годъ и другой. Польское войско продолжало занимать Москву,

а сеймы польские не отпускали королевича. Патриархъ сталъ говорить явно: «Если королевичъ не крестится и всѣ литовские люди не выйдутъ изъ московской земли, то королевичъ намъ не госуаръ». Сомнѣніе распространялось по всему государству: Смоленскъ, Нижній Новгородъ, Казань, даже отдаленная Пермь стали списываться съ Москвою и между собой, спрашивая другъ у друга совета и убѣждая другъ друга крѣпко стоять за Русь и за домъ Пресвятой Богородицы. «Вижу разореніе святыхъ церквей, провозглашалъ славный Гермогенъ, слышу въ Кремль пѣніе латинское и не могу терпѣть.» Подобныя же слова излетали изъ Троицко-Сергіевской лавры и разносились по всему царству; откликалась на нихъ и отдаленная Соловецкая обитель: «Не хотимъ, объявляла она, никого иновѣрцевъ на Московское государство царемъ, кроме своихъ прирожденныхъ бояръ!»

И вотъ однажды въ Москвѣ, на площади, произошла ссора между Русскими и Поляками; отъ ссоры дѣло дошло до драки; началась сильная свалка; съ одной стороны подошла рота польскихъ жолнеровъ, съ другой сотня русскихъ ратниковъ: грянулъ набатъ, и Москва возстала противъ Поляковъ (1611 г.). Поляки, которые занимали Кремль и Китай городъ защищали Замоскворѣчье и предмѣстія; Москвицы остались безъ кровя, на сѣнгу, но не выпускали враговъ изъ тѣсной осады, а между тѣмъ начинала вставать вся Русская земля. Кличъ кликуль незабвенный Кузьма Мининъ, нижегородскій посадскій человѣкъ. Князь Пожарскій повелъ сильную рать къ Москвѣ, и послѣ долгой осады принудилъ бывшихъ въ ней Поляковъ сдаться. 27 Ноября 1612 года русская рать вступила въ Китай-городъ; впереди ехало духовенство съ крестами и хоругвями; въ то же время изъ Спасскихъ воротъ выходили кресты и хоругви, остававшіеся тамъ во время польского занятія. Оба крестные хода соединились у лобнаго мѣста, и клиръ церковный, цѣлый народъ московскій возгласилъ: «Тебѣ Бога хвалимъ!»

V.

Іосафатъ Кунцевичъ.—Волиція въ Бѣлоруссіи и на Українѣ: Таракъ Трасило, Навлюкъ, Остраница.—Новыи утѣшенія.—Іовъ Борецкій бѣсть челомъ Малороссіей царю Михаилу.—Братства и школы поддерживаютъ чувство народности и преданность православію.—Петръ Могила.—Богданъ Хмельницкій.—Ссора его съ Чаплинскимъ.—Хмельницкій подготавливаетъ восстание.—Желто-Водское побоище.—Пораженіе гетмана Неточкаго.—Гайдамаки.—Возстаніе проиникаетъ въ Бѣлоруссію и Галицкую Русь.—Хмельницкій входитъ въ сношеніе съ союзными государями.—Посольство А. Киселя.—Поляки подъ Зборажемъ.—Битва подъ Зборовыми.—Зборовскій договоръ.

Москва была очищена отъ враговъ, Россія избрала себѣ царя въ лицѣ Михаила Феодоровича Романова, но въ Царльѣ не признавали его царемъ русскимъ и домогались, хотя бы силою, посадить на престолъ московскій Владислава; казаки и вольница польская и литовская опустошили русскія области, доходя даже до сѣвернаго погорья, т. е. до

вынѣшней Архангельской губерніи, Въ это же самое время Шведы, призванные Шуйскимъ, заняли Новгородъ и другія сосѣднія съ ихъ землею области. Молодой царь русскій находился въ крайнемъ положеніи и привужденъ былъ поступиться какъ Швеціи, такъ и Польшѣ, многими своими областями: Польшѣ уступилъ онъ Смоленскую и Сѣверскую земли съ городами Смоленскомъ, Бѣлымъ, Дорогобужемъ, Рославлемъ, Стародубомъ, Черниговомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ, Почепомъ, Трубчевскомъ, Краснымъ, Себежемъ, Невлемъ и Велижемъ.

Казаки во все это время усердно служили Польшѣ и королю Сигизмунду, но немного они этимъ выиграли. Пока былъ у нихъ гетманомъ Конашевичъ Сагайдачный, онъ умелъ кое-какъ отстаивать права русского народа, но послѣ его смерти уніяты и католики начали прежнія притѣсненія. Они начались въ Бѣлоруссіи. Во время войнъ съ Москвою короля Владислава (сдѣлавшагося послѣ смерти отца своего королемъ) возведенъ былъ въ санъ уніатскаго епископа витебскаго Іосафать Кунцевичъ, рьяный уніат и гонитель православія. Еще будучи дьякономъ въ Вильнѣ, онъ ходилъ по улицамъ и останавливавшися на площадяхъ, собирая вокругъ себя народъ и проповѣдуя унію; во время поѣздокъ своихъ, при каждой остановкѣ, на каждомъ постояломъ дворѣ онъ точно также поучалъ, проповѣдавъ и посыпалъ людей на исповѣдь, по чрѣмъ тру католиковъ, которые, какъ извѣстно, исповѣдуются весьма часто. Когда же этотъ ревностный подражатель католичества сдѣланъ былъ епископомъ, то усердію его открылъ большой просторъ. Онъ пустился по своей епархіи обращать и проповѣдывать. Но русская паства встрѣчала его недружелюбно. Полоцкій бургомистръ, встрѣтивъ его у городскихъ воротъ, сказалъ ему, что если онъ пріѣхалъ съ уніей, то пусть лучше веротится; въ Могилевѣ передъ нимъ зацерли ворота и навели на него крѣпостныя пушки; въ Витебскѣ народъ собрался на площадь и формально объявилъ, что не признаетъ Кунцевича своимъ епископомъ; но Кунцевичъ былъ безстрашный изувѣръ; онъ вступилъ въ Полоцкъ и началъ тамъ обращать и проповѣдывать, загоняя народъ въ церкви силой, тянуль въ унію подъ страхомъ смерти; безчестия православныхъ не только живыхъ, но и мертвыхъ: вырывалъ ихъ тѣла изъ могилъ и выбрасывалъ на съѣденіе цесамъ.

То же самое дѣлалъ онъ во всѣхъ другихъ городахъ, но въ Витебскѣ это не прошло ему даромъ. Тамошніе жители долго терпѣли: всѣ православныя церкви были запечатаны, они выстроили шалаши на краю города и тамъ отправляли свое богослуженіе; наконецъ, терпѣть у нихъ не стало болѣе силы. По поводу какой-тоссоры между однимъ уніатомъ и однимъ православнымъ, произошла свалка; на церкви загудѣлъ набатъ, народъ кинулся къ архиерейскому дому, перебилъ прислугу, самого Кунцевича забилъ палками до полусмерти, и вытащивъ на площадь, докончили топорами и пищалами. Нечего и говорить какая за этимъ послѣдовала переборка въ Витебскѣ; безшорадки и убийства нигдѣ впрочемъ не проходили даромъ, но католики поспѣшили воспользоваться

этимъ обстоятельствомъ. Куницевича причли къ лицу святыхъ мучениковъ; православие же придавили еще крѣче.

Таковы были дѣла въ сѣверныхъ областяхъ; то же самое происходило на Волыни и въ Подоліи; да не лучше было и на Украинѣ; но тамъ происходили не отдельные вспышки, какъ въ Витебскѣ, а вставалъ весь народъ разомъ. Начиналось обыкновенно съ Запорожья. Какъ скоро на Украинѣ усиливались гонения, народъ бѣжалъ въ Сѣчь и приносилъ туда горькія жалобы. То же случилось и теперь, послѣ смерти Сагайдачнаго: народъ валилъ толпами, говоря, что по всей Украинѣ житья не стало, что лучшія земли и даже города розданы польскимъ панамъ, которые казаковъ выгоняютъ на панщину и берутъ къ себѣ во дворъ въ псари и холопья, что православныя церкви поворачиваются на унію, а ксендзы грозятъ смертю и мученіями всѣмъ непокоряющимся.

Запорожцы подумали, что надо выручить свою братію, и вступили въ Украину; въ нѣсколько дней къ нимъ присоединилось до 30 тысячъ казаковъ. Противъ нихъ вышло королевское войско; но они воспользовались темъ, что Поляки перепилися и спали мергвымъ сномъ, кинулись ночью на лѣтъ обозъ и учинили страшную рѣзню. Эта ночь памятна на Украинѣ и до сего времени; народъ называлъ ее *Тарасовой ночью*, потому что вождемъ казачьимъ былъ тогда Тарасъ Трясило.

Тѣмъ на этотъ разъ дѣло и кончилось. Польша была занята другими войнами и усмирять казачество ей было нечѣмъ. На противъ того, послы отъ русскихъ земель, прибывъ въ Варшаву на сеймъ, жаловались на угасенія, которыя терпѣть ихъ вѣра, и требовали, чтобы ксендзы и іезуиты, а также и панамъ польскими, не давали повадки. Все это было обѣщано, но ничего не исполнено. Да и нельзѧ было полагаться на обѣщанія ни сейма, ни короля, потому что ни сеймовыхъ постановленій, ни королевскихъ приказаний ни одинъ знатный человѣкъ не слушалъ и знать не хотѣлъ. На противъ того, въ Варшавѣ стали думать какъ бы положить конецъ своею Запорожцевъ. И вотъ однажды, когда они, подъ начальствомъ атамана Сулимы, уходили въ море промышлять па турецкихъ и крымскихъ берегахъ, пришла польская команда и построила крѣпостцу. Возвращаются казаки, подплываютъ къ своимъ островкамъ и видятъ: стоитъ крѣпость, а по стѣнамъ ея расхаживаютъ польские жолнеры. Всѣицѣли казачьи сердца. Сулима далъ знакъ, Запорожцы кинулись на крѣпость, перерѣзали всѣхъ Поляковъ и разметали по камнямъ всю постройку. Всѣль затѣмъ они пошли на Украину, но удачи имъ на этотъ разъ не было. Всѣль ихъ Павлюкъ, человѣкъ нераспорядительный; они были разбиты, и самъ Павлюкъ попался въ пленъ; съ него содрана была кожа, и многимъ другимъ казакамъ отсѣчены головы.

Но въ Варшавѣ видѣли, что этого казнью не будетъ положень конецъ волненіямъ на Украинѣ; казачество становилось слишкомъ сильно. Къ сожалѣнію, вместо того чтобы оказать ему правосудіе и успокоить его, сеймовые чины подумали, что лучше будетъ его придавить. Уже нѣсколько разъ были дѣланы распоряженія о томъ, чтобы ограничить

число казаковъ шестью тысячами, чтобы только реестровыхъ считать казаками, а всѣхъ прочихъ жителей Україны простыми крестьянами. Распоряженія эти однажды плохо исполнялись; Українцы не повиновались своимъ помѣщикамъ, считая себя по старинѣ вольными людьми; когда же случался походъ, то ихъ всегда набиралось гораздо болѣе шести тысячъ. Поэтому въ ильинѣшний разъ было еще строго подтверждено, чтобы казаковъ, служащихъ или реестровыхъ, было не болѣе шести тысячъ, а начальными людьми надъ ними и старшиною были назначены Поляки. Но эти крутыя мѣры повели только къ новому возстанію. Въ слѣдующемъ же году Остраница повелъ Запорожцевъ на Україну и соединилась тамъ со многими тысячами казаковъ. Противъ него вышелъ коронный гетманъ Потоцкій, былъ разбитъ, и боясь совершенного истребленія, вступилъ съ казаками въ переговоры. Вотъ какъ разказывается это дѣло одна старинная лѣтоись: «Казаки на степу надъ рѣкою Старицею Поляковъ побили; Ляхи присягали, что не будуть вольностей ихъ нарушати и не мстити, но потомъ присягу сломили.» Остраница, съ нѣсколькими лицами изъ казачьей старшины, послѣ договора, поѣхалъ на богомолье въ Кашевскій монастырь; Поляки узнали объ этомъ, забѣжали въ монастырь, и когда казаки пріѣхали туда, перевязали ихъ и отправили въ Варшаву, где ихъ постигла злая казнь. «Многихъ храбрыхъ и славныхъ казаковъ различными мукаами погубиша, пишетъ другой лѣтоисьецъ, овыхъ на четверо разсѣкающе, иныхъ на полъ избивающе, другихъ на желѣзные гаки за ребра вѣщающе.»—«Дѣтей въ котлахъ варили, женщинамъ перси деревомъ вытикалывали,» свидѣтельствуютъ со времениники.

И такъ, съ самого введенія уніі, въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ, не прекращались насилия со стороны Поляковъ, а со стороны Русскихъ возстанія то по городамъ, то въ полѣ. Русь приходила въ конечное разореніе. Славный Кіевъ обратился въ это время въ ничтожный городишко; въ немъ было не болѣе 6 тысячъ жигелей (теперь въ немъ болѣе 60 тысячъ). домишкы были всѣ низенькие, крытые соломой, а по вечерамъ освѣщались лучинами; изъ множества церквей, украшавшихъ эту колыбель православія, оставалось только десять: всѣ прочія были или разорены, или обращены въ унію. Что было съ Кіевомъ, то и съ другими городами. Кунцевичъ, какъ сказано, отобралъ на унію большую часть православныхъ храмовъ въ Бѣлоруссіи; на Волыни, въ Острогѣ, гдѣ знаменитый князь Острожскій завелъ школу для русскихъ дѣтей, іезуиты завели свою коллегію; сынъ этого Острожскаго, сынъ Сацѣги, дѣти многихъ другихъ ревнѣстивыхъ православныхъ, стали католиками; Радзивилы, которые были лютеранами, тоже обратились въ латинство. Іезуиты вездѣ торжествовали, и потомки старини хъ князей русскихъ и литовскихъ лѣзались ихъ усердными помощниками, угѣсняя вѣру своихъ предковъ, угѣсняя своихъ братьевъ единоклеменниковъ.

Одна надежда была, казалось, на Россію, на ея защиту и покровительство. Русскіе зачадные стали вспоминать, что они одного племени

съ Русскими восточными, московскими; что они отдалились отъ своей братиі, когда надъ тѣми тяжело лежало татарское иго; но вотъ обѣ игѣ татарскомъ тамъ уже и память прошла; Москва пережила годину самозванцевъ, а западной Руси, которой было сначала легче чѣмъ восточной, теперь съ каждымъ годомъ становилось все тяжелѣе. Видя это, кievскій митрополитъ, Іовъ Борецкій, послалъ въ Москву сказать царю Михаилу: «У Малороссіи одна только дума, какъ бы поступить подъ твою государскую руку; намъ, кроме государя, некуда дѣваться.» Но Московское государство еще не вполнѣ оправилось послѣ Смугнаго Времени: принять Малороссію значило встунать въ тяжелую борьбу съ Польшей, а на это не было еще силъ восточной Руси; сдѣдовательно, должно было надѣяться только на свои собственные силы.

По счастію, силь этихъ еще было много. Письменный споръ обѣ уніи не прекращался и въ немъ принимали самое живое участіе не только дворяне, оставшіеся вѣрными православію, но и купцы, мѣщане и вообще братчики церковныхъ братствъ. Когда появлялась какая-нибудь книга, направленная противъ уніи, ее покупали на-расхватъ, собирались вмѣстѣ читать ее, обсуживали каждое слово, принимали къ сердцу все, что было написано въ пользу восточной церкви, и въ этомъ чтеніи почерпали новыя силы для того, чтобы стоять непоколебимо за свою церковь. Подобныя книги писали не только записные грамотѣи и учешые монахи, но и свѣтскіе люди, потому что дѣло вѣры было у всѣхъ тогда въ сердцѣ. Такъ, напримѣръ, и гетманъ Сагайдачный, хотя онъ и мирволилъ Полякамъ, и дружилъ имъ, писалъ книги въ защиту православія. Но ни чьи сочиненія не читались съ такою жадностью, какъ сочиненія ученаго монаха, Мелетія Смотрицкаго, пока и его, какъ многихъ другихъ, іезуиты не перетянули въ унію. Кромѣ книгъ, сильно поддерживали православныхъ школы, которая хотя и были въ иныхъ мѣстахъ закрываемы по проискамъ латиновъ, но за то въ другихъ мѣстахъ были взамѣнъ того открываемы; ими дорожилъ народъ; на содержаніе ихъ бѣдные люди давали что могли, а богатые нерѣдко, умирая, оставляли имъ все свое имѣніе. Такъ, сдѣлалъ между прочимъ, тотъ же Сагайдачный относительно школы кievской.

Еще болѣе сдѣлалъ бывшій послѣ Іова Борецкаго митрополитомъ въ Киевѣ Петръ Могила. Во время войнъ на Украинѣ, школа, которая состояла при кievопечерской лаврѣ, была разорена. Могила вновь открылъ ее, набралъ хорошихъ учителей, входилъ во всѣ ея нужды, ничего не жалѣлъ для нея и довелъ ее до того, что она сдѣлалась лучшимъ училищемъ въ свое время во всей Руси западной и восточной. При ней же печатались и книги богослужебныя, церковныя и иные.

Такъ отстаивали они восточное православіе и русскій народъ. И надо замѣтить, что имъ приходилось отстаивать себя не противъ Поляковъ собственно, не противъ народа польского, но именно противъ католического духовенства: оно утѣсняло, оно преслѣдовало и истребляло все, что ему не подчинялось. Поляки были недовольны казаками за ихъ

безпокойный духъ, за набѣги, которые тѣ дѣлали на крымскія и турецкія земли и за которые нерѣдко приходилось отвѣтчиать Польшѣ, но на сеймахъ часто и много говорили противъ утѣсненій, чинимыхъ восточной церкви, и осуждали ихъ. Только это ни къ чemu не приводило, потому что ловкие іезуиты всегда умѣли доставить назначеніе въ старости каштеляны, и другія должности въ русскихъ земляхъ горячимъ католикамъ, которые не ставили ни во что распоряженія сейма и дѣлали по-своему. Это, положимъ, было бы еще неудивительно при король Сигизмундѣ, который самъ былъ изувѣръ и негодолаль на постановленія сеймовъ, если они оказывали снисхожденіе *схизматиамъ*; но то же самое продолжалось и при его сыне Владиславѣ, государь вообще очень милостивомъ; народъ русскій не переставали притѣснять; Украина же не переставала возмущаться.

Казакамъ были однажды обѣщаны въ это время иѣкоторыя права, а именно: чтобы въ войсковые реестры вписывать уже не шесть, а двадцать тысячъ казаковъ и по прежнему избирать свою старшину. Король, кроме того, прислалъ имъ, въ знакъ своего благоволенія, булаву. Онъ это дѣлалъ отчасти потому, что точно благоволилъ къ казакамъ, а отчасти потому, что замышлялъ походъ противъ Туровъ. На сказанія яльготы была прислана привилегія, но привилегія эта была передана только двумъ довѣреннымъ казакамъ, гетману Барабашу и войсковому писарю Богдану Хмельницкому, съ тѣмъ притомъ, чтобы они до времени держали ее въ тайнѣ. А какъ война съ Турками не состоялась, то и привилегія королевская такъ и оставалась подъ спудомъ у Барабаша. Объ этомъ зналъ только одинъ Хмельницкій.

Зиновій-Богданъ Хмельницкій есть такое значительное лицо въ истории западной Руси, что съ нимъ надо поближе познакомиться. Онъ былъ природный казакъ; учился въ кievскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ одной изъ школъ, заведенныхъ на Украинѣ іезуитами, и считался между своими земляками очень книжнымъ, ученымъ человѣкомъ. Службу свою онъ началъ при дворѣ одного изъ богатѣйшихъ украинскихъ пановъ, Потоцкаго, у котораго завѣдывались конюшнями. Рассказываютъ, что однажды этотъ Потоцкій, напившись иванъ за обѣдомъ, чуть не отрубилъ голову своему конюшему, такъ, для потѣки. И не такимъ важнымъ панамъ, какъ Потоцкій, подобные потѣхи сходили съ рукъ. Но Хмельницкому была дорога своя голова: онъ убѣжалъ въ Сѣчь, а оттуда перешелъ на Украину и заискался въ казаки, между которыми скоро заслужилъ уваженіе за свою храбрость, смѣлѣвость и расторопность. Онъ дослужился черезъ иѣсколико лѣтъ до званія генеральшаго писаря, одного изъ самыхъ важныхъ между казачьей старшиной. Научившись въ іезуитской школѣ скрытности и лукавству, Хмельницкій вель себя очень искусно: былъ всегда заодно съ казаками, участвовалъ во всѣхъ восстаніяхъ, бывшихъ въ его время, а между тѣмъ ладилъ съ Поляками, которые, видя его образованность и цѣни умѣніе его говорить по-латыни, обращались съ нимъ какъ съ шляхтичемъ. Но вотъ

произошелъ случай, который навсегда разсеорилъ его съ Поляками.

У Хмельницкаго былъ небольшой хуторъ, гдѣ и жилъ онъ съ семимъ семействомъ. Хуторъ этотъ понравился польскому подстаростѣ Чаплинскому, и онъ стаіъ просить его для себя у гетмана, объясняя, что хуторъ этотъ заселенъ, а по закону казакъ не можетъ держать людей на своей землѣ. Кончилось тѣмъ, что Чаплинскій собралъ жандаровъ, напалъ однажды на хуторъ Хмельницкаго и взялъ его себѣ вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ и даже жену Хмельницкаго, а одного изъ его сыновей заѣкъ до смерти. Самому Богдану удалось уйти, захвативъ съ собою только ту королевскую привилегію, которую держалъ подъ спудомъ Барбашъ и которую не задолго передъ тѣмъ Хмельницкій укралъ у него, напоивъ его пьянымъ. Онъ кинулся къ гетману съ жалобой на Чаплинскаго, но удовлетворенія не получилъ; просилъ въ судѣ, но и тамъ отказались защитить его. Тогда озлобленный казакъ вышелъ и сказалъ:

«Маю шаблю въ руци: еще козацька не умерла мати!»

За эти слова онъ былъ посаженъ въ тюрьму. Бывъ оттуда освобожденъ чрезъ иѣсколько времени, онъ поѣхалъ въ Варшаву искать пра-
восудія у сената и наконецъ у самого короля; но и тамъ жалобы его не были уважены.

Тогда уже ничего болѣе не оставалось Хмельницкому, какъ взяться за свою «шаблю»; онъ такъ и рѣшился. Возвращаясь изъ Варшавы, онъ ѻхалъ медленно, останавливаясь въ каждомъ селѣ, заводилъ знакомства, вездѣ раз-
казывалъ о своихъ обидахъ и вывѣдывалъ—готовъ ли шародъ подняться теперь, какъ во времена Наливайки и Остраницы. Эту готовность онъ находилъ вездѣ между всѣми Русскими, особенно между духовными, которые всѣхъ болѣе могли сдѣлать, чтобы поднять народъ. «Ежечасно молимъ мы Бога, говорили ему священники, чтобы Онъ послалъ кого-нибудь для отмщенія за наши несчастія. Принимай оружіе; мы станемъ съ тобою, поднимется вся земля русская, какъ никогда еще не поднималась.»

Пробравшись наконецъ на Украину, Хмельницкій повѣстилъ о томъ своимъ пріятелямъ и просилъ ихъ пріѣхать на свиданіе съ нимъ въ какой то лѣсъ. На зовъ его пріѣхало много старыхъ казаковъ съ сивымъ усомъ и съ рубцами отъ польскихъ сабель на морщинистыхъ лбахъ.. Хмельницкій сталъ имъ говорить, что нѣтъ для казаковъ въ Польшѣ ни суда, ни защиты, что нечего имъ дѣлать другаго, какъ, по примѣру отцовъ, добывать себѣ правду саблями. «Вотъ, говорилъ онъ, показывая украденную привилегію, король хочетъ насть пожаловать, да паны не допускаютъ. Чего ждать? Весь народъ русскій только ждетъ отъ насть примѣра!» Однакожъ для большей осторожности Хмельницкій совѣтовалъ позвать къ себѣ на помощь Татарь. Козаки слушали, иные возражали; кончили однакожъ тѣмъ, что всѣ съ нимъ согласились. «И вирянь чего тутъ ждать? говорили самые нетерпѣlivые; Поляки считаютъ насть хуже собакъ: пусть и отъ насть узнаютъ такую же честь.» Хмельницкаго тутъ же выбрали въ гетманы, чтобы вести казаковъ, когда наступить часъ. Это было въ 1646 году.

Уговорившись такимъ образомъ съ казаками украинскими, Хмельницкій поѣхалъ далѣе въ Сѣчь, чтобы оттуда пробраться въ Крымъ. Но дѣрогѣ онъ заѣхалъ въ Киевъ поклониться святымъ угодникамъ русскимъ. Полагаютъ, что онъ видѣлся также съ митрополитомъ Петромъ Могиллою и получилъ отъ него благословеніе на замышленное дѣло. Прибывъ къ Запорожцамъ, онъ попросилъ, чтобы собралась рада, и ставши посреди казаковъ, изъ которыхъ многіе его знали, поклонился по обычаю на всѣ стороны и сталъ говорить имъ о притѣсеніяхъ, которыя терпить Украина отъ Поляковъ и которая оиъ самъ претерпѣлъ. «Смотрите на меня, сказалъ онъ; вотъ я старый казакъ запорожскій и писарь войсковой: сына у меня Ляхи варварски убили, жену обезчестили, достояніе отняли, лишили даже походнаго коня и осудили на смерть. Нѣть для меня иной награды за кровь, пролитую для ихъ же поѣзы. Ничего не остается для тѣла, покрытаго ранами, кроме смерти отъ плача! Къ вамъ уношу душу и тѣло: укройте меня, старого товарища!» «Примаемо тебе, Хмельницкій пане, хлѣбомъ, солью и щирымъ сердцемъ!» отвѣчали Запорожцы.

Побывши нѣсколько времени въ Сѣчи и условившись съ главными запорожскими коноводами, Хмельницкій направилъ путь къ Татарамъ и скоро воротился оттула съ нѣсколькими тысячами наѣздниковъ. На другой день по прибытіи его опять собралась рада, на которой Хмельницкій объявилъ, что все готово для выступленія въ походъ Рада весело зашумѣла и назначила Хмельницкаго гетманомъ.

Между тѣмъ польское начальство узнало о рѣчахъ Хмельницкаго въ Сѣчи, о поѣздкѣ его въ Крымъ, и начало собирать коронное войско; строгія взысканія были объявлены тѣмъ кто вздумалъ бы уходить въ Запорожье. Но это никого не остановило; Украина начинала уже колыхаться; казаки, крестьяне, вообще русскіе и православные хлопцы толпами кинулись къ Запорожью.

Такъ прошла зима. Въ началѣ 1647 г., какъ только стаяль снѣгъ и Днѣбръ вскрылся, Хмельницкій съ казаками и Татарами переправился черезъ него и сталъ недалеко отъ впаденія въ него рѣки Тисынина. Собрались между тѣмъ и Поляки; командовалъ ими коронный гетманъ Потоцкій. Онъ послалъ противъ Хмельницкаго два войска: одно сухопутнѣмъ, другое Днѣпромъ, на судахъ. Узнавъ, что на судахъ плывутъ все свои же, казаки, Хмельницкій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Какъ только увидѣли они его, замахали шапками, пристали къ берегу и сказали: «веди насъ вмѣстѣ съ другими на Поляковъ!» Барабашъ, который былъ тутъ же на байдакахъ, былъ выброшенъ въ воду.

—Братья, рыцари молодцы, сказалъ имъ Хмельницкій, да будетъ вамъ вѣдомо, что мы взялись за сабли не ради одной славы или добычи, а ради обороны живота женъ и дѣтей нашихъ. Всѣ народы защищаютъ жизнь свою и свободу; звѣри и птицы то же дѣлаютъ; на то имъ Богъ далъ зубы и когти.

Соединивши казаковъ, пришедшихъ на судахъ и прибывшихъ съ нимъ,

Хмельницкій повелъ ихъ противъ польского войска. Оно стояло обозомъ на рѣчкѣ Желтая Вода. Казаки съ гикомъ кинулись на польской обозъ; оттуда навели на нихъ пушки; ядра полетѣли съ громомъ и визгомъ... но въ то же самое время съ тыла раздался другой гикъ: то неслись Татары. Поляки смѣялись было, но скоро оправились, засѣли въ свою обозъ и отсиживались въ немъ слишкомъ сутки. Хмельницкій на конѣ остановилъ бой, и подѣхавъ къ польскому обозу, закричалъ зычнымъ голосомъ, чтобы оттуда выслали переговорщика. Выслали. Хмельницкій обласкалъ его, угостилъ по обычай, но потребовалъ, чтобы Поляки сдали всѣ свои пушки, а сами возвратились съ мпромъ домой. Поляки, ничего дѣлать, согласились и поднялись съ своего обоза. Казаки слѣдовали за ними издали. Но вдругъ, когда Поляки дошли до одного яра, на нихъ бросились Татары и однихъ истребили, другихъ захватили въ плѣнъ; казаки же только стояли поодаль и посмѣивались.

Въ то время какъ на Желтыхъ Водахъ происходила эта рѣзня, коронный гетманъ Потоцкій стоялъ близъ Черкасъ съ остальнымъ войскомъ и проводилъ время въ пирожныи. Однако разѣзды, которые онъ высылалъ отъ времени до времени по сторонамъ, доносили ему, что окрестности пустѣютъ, что народъ выбирается изъ деревень, а по перелѣскамъ и степнымъ курганамъ показываются вооруженные люди.

Смутился Потоцкій и рѣшился подвинуться впередъ. Идетъ: все пусто. Народъ какъ будто вымеръ. Вдругъ разѣзды замѣтили человѣка, который одинъ тащился степью; это былъ шляхтичъ, которому удалось какъ-то, хотя и израненному, спастись отъ желто-водской гибели. Онъ рассказалъ Потоцкому, что и какъ было. «Все погибло, сказывалъ онъ. Казаки и драгуны, не сражаясь, измѣнили намъ; обозъ взятъ Сашѣга, Шембергъ, Чарнецкій въ плѣну; сынъ твой также взятъ чутъ-жвой а теперъ, вѣроятно, разстался со свѣтомъ».

Очиувшись отъ этого страшнаго извѣстія, гетманъ велѣлъ отступать; но казаки были уже близко, вмѣстѣ съ Татарами. Настигнувъ Поляковъ, Хмельницкій пошелъ за ними слѣдомъ, не тревожа ихъ одинакъ, а самъ засадилъ самыхъ доброконныхъ людей впередъ, чтобы испортить дорогу и сдѣлать засаду въ лѣсу, черезъ который надо было проходить. Какъ только Поляки подошли къ этому лѣсу, казаки и Татары кинулись на нихъ, а изъ лѣса открылась перестрѣлка.. Тогда началась рѣзня еще ужаснѣе прежней. Мало кому удалось уйтти съ побоища, да и тѣхъ, кому это удавалось, окрестные крестьяне ловили и привоили въ Хмельницкому.

«О Потоцкій, Потоцкій! у тебе разумъ жиноцкій (женскій)!» Такъ говорили казаки, издѣваясь надъ гетманомъ, который пошелъ въ плѣнъ. Побѣда была чистая. Казаки прежде всего отпѣли благодарственный молебенъ, а потомъ начали шировать. Двадцать пять бочекъ горѣлки было вышито заразъ! Помня, что первые помощники всему дѣлу были Запорожцы, Хмельницкій обдаривъ тѣхъ, которые были съ шимъ, послалъ оставшимся на пиво 1000 талеровъ, да 300 на свѣчу въ сѣчевую церковь.

Какъ только сдѣлалось извѣстно о совершенномъ истребленіи Поляковъ, вся Украина закицѣла и поднялась; зашевелилась и вся Русь западная, и повсюду началъ стекаться народъ въ Бѣлу-Церковь, гдѣ между тѣмъ расположился Хмельницкій, и защищаться въ казаки.

Эти прибылые люди, также какъ и казаки, сговорившись по иѣскольку десятковъ, а иногда и сотень человѣкъ вмѣстѣ, отправлялись, какъ они говорили, очищать Русскую землю отъ Жидовъ и Лаховъ, и очищали ее такъ, что только пепель да кровь оставались тамъ. гдѣ они проходили. Дворяне, ксендзы, уніятскіе священники и Ереи, заслышавъ о приближеніи гайдамаковъ, убегали опрометью, оставляя все свое имущество, лишь бы спасти головы. Но и это имъ удавалось рѣдко, потому что вся прислуга панской состояла изъ Русскихъ, и они сами зазывали гайдамаковъ на своихъ пачовъ.

Духовенство, съ своей стороны, проповѣдывало всеобщее восстание и призывало народъ на защиту православія; все украинское начальство, весь народъ западной Руси или воднился, или готовился подняться; католическіе костелы подвергались поруганію и разграбленію, ксендзовъ вѣшли вмѣстѣ съ Жидами и собаками, латинскихъ иконостасовъ вырывали изъ могилъ и ругались надъ ними; живыхъ же, особенно Ереевъ, истребляли цѣлыми толпами вдругъ, и такъ евирѣствовали на обѣихъ берегахъ Днѣпра, въ Подоліи и въ Сѣверской землѣ.

Что же дѣлала въ это время польская шляхта владѣвшая имѣніями въ русскихъ земляхъ? Она либо разбѣгалась, стараясь пробраться въ Польшу либо, погода собравшись вокругъ какого-нибудь магната, запиралась въ его замкѣ, и случалось, хотя и рѣдко, что успѣвала отбиться отъ страшныхъ гайдамаковъ Между такими панами, которые стыдились уходить отъ казаковъ и крестьянъ замѣчательнѣе всѣхъ былъ князь Вишневецкій. Происходилъ онъ, какъ было сказано, пзъ стариннаго православнаго рода; одинъ изъ его предковъ былъ даже гетманомъ надъ казаками, но самъ онъ перешелъ въ католицтво и съ большими усердіемъ строилъ костелы, утѣнялъ православіе и обращалъ въ унію. Узнавъ о движениіи казаковъ и крестьянъ, онъ собралъ всю свою челядь, иѣсколько сотъ человѣкъ мелкой шляхты, жившей въ его обширныхъ имѣніяхъ, и выступилъ съ ними противъ гайдамаковъ, совершая надъ ними такія же жестокости, какія они совершали надъ Поляками и Ереями. Но это не оставляло возстанія, а напротивъ, только разжигало его: оно проникло на Волынь, перекинулось за Припять до литовскаго Бреста и Орши.

Между тѣмъ царствовавшій въ Польшѣ король Владиславъ умеръ; сдѣловало поэтому приступить къ избранію новаго государя, и неурадица въ польскомъ управлѣніи сдѣлалась хуже прежнаго. Со временемъ пораженія Потоцкаго все собирались и не могли собраться послать новое войско противъ казаковъ. Наконецъ собрались и назначили трехъ начальниковъ Смѣясь надъ ними, Хмельницкій называлъ ихъ однога *перынею*, потому что онъ былъ лѣнивъ, другаго *дѣтынею*, потому что

онъ былъ почти мальчикъ, третьяго латынею, потому что онъ былъ ученикъ человѣкъ. Согласія между ними не было: «у пановъ Богъ умъ отнялъ. говорилъ о нихъ Хмельницкій; каждый хочетъ быть старшимъ, а гдѣ старшихъ много, тамъ войско нездороно» Но паны думали высоко о себѣ и о своемъ войсکѣ. «Противъ такой сволочи, говорили они о казакахъ не стоитъ тратить пуль; мы ихъ плетьми разгонимъ.»

Хмельницкій выступилъ противъ нихъ изъ Бѣлой Церкви, собравъ прежде всѣ гайдамацкія партіи. Такимъ образомъ у него составилось войско тысячу въ полтараста, несравненно больше, чѣмъ у Поляковъ. Къ Полякамъ въ это время примкнулъ князь Вишневецкій съ своимъ собственнымъ войскомъ по онъ стоялъ особо, и не ладилъ съ панами, пришедшими изъ Польши. Хмельницкій встрѣтился съ ними недалеко отъ Константинова и еще разъ жестоко разбилъ ихъ. Затѣмъ они возвратились въ Польшу, гайдамаки опять разсыпались во всѣ стороны, а гетманъ направился въ Галицкую Русь, гдѣ, при его приближеніи, народъ, точно также, какъ и въ остальной Руси, поднялся противъ своихъ пановъ. Изъ Галиціи онъ перешелъ въ восточную часть нынѣшняго царства Польскаго, гдѣ тоже жилъ и живеть народъ русскаго происхожденія. И здѣсь крестьяне его встрѣчали какъ освободителя. Замокъ Замостье должно было прислать ему окунь. Такимъ образомъ, вся земля русская, 250 лѣтъ уже бывшая подъ польскимъ владычествомъ, приступила къ великому казачьему союзу.

Казаки, уже не разъ какъ было сказано, возмущались противъ польской власти, и не разъ тоже крестьяне приставали къ нимъ. Бывало, что цѣлые области поднимались; но такого всеобщаго восстанія еще не было ни разу и ни разу Рѣч Посполитая не находилась въ такой страшной опасности. Татары, которые въ первое время слѣдовали только издали за казаками, послѣ первыхъ успѣховъ сдѣлались горячими ихъ союзниками. Крымскій ханъ, довольно множествомъ пѣнниковъ и богатою добычею, которыми снабжалъ его Хмельницкій, представилъ султану турецкому, что и ему самому, султану, будетъ выгодно тѣснѣ сойтись съ казаками. Къ Хмельницкому прибылъ послъ изъ Константинополя; гетманъ обласкалъ его и обѣщалъ уступить ему часть своихъ завоеваній, съ тѣмъ, чтобы Турки, въ случаѣ надобности, помогли казакамъ отторгнуть Русь отъ Польши. Отъ господарей валахскаго и молдавскаго, отъ князя седмиградскаго точно также пріѣзжали къ Хмельницкому посланники; паконецъ и съ московскимъ царемъ казачій вождь вступилъ въ спошенія, совѣтуя ему воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши и возвратить смоленскую и сѣверскую земли. Посреди всѣхъ этихъ гонцовъ и пословъ получая граматы сильныхъ государей, Хмельницкій имѣлъ видъ какъ бы государя, или незасынаго владѣтеля, хотя въ жизни своей онъ ни на шагъ не отступалъ отъ обыкновенной казачьей простоты и изъ золотыхъ чаръ пилъ простую горѣлку. Въ началѣ 1649 года, возвратившись изъ подъ Львова и Замостья, Хмельницкій вступилъ въ Киевъ при звонѣ колоколовъ; встрѣченный

духовенствомъ самимъ митрополитомъ, окруженный безчисленными толпами народа, онъ ъхалъ подъ войсковымъ знаменемъ, держа въ рукахъ гетманскую булаву.

При этомъ случаѣ, онъ точно имѣлъ видъ «князя малороссійскаго», какъ его величали нѣкоторые изъ окружавшихъ его иностранныхъ посланниковъ.

Междуди тѣмъ избранъ былъ чаконецъ на польскій престолъ новый государь, по имени Янъ Казимиръ. Про него говорили, что онъ ласковъ, снисходителенъ, насилия не терпитъ и готовъ защитить русскую церковь отъ католиковъ и уніатовъ. Говорили также, что онъ обвинялъ самихъ Поляковъ за нынѣшнее казачье восстание и будто бы однажды выразилъся такъ: «не следовало бы у Богдана отнимать его хутора срамить жены и убивать его сына.» Слыша про все это, казаки были довольны.

И точно, первою заботою новаго короля было послать къ казакамъ слово милости и прощенія; выбранъ для этого былъ человѣкъ знатный, русскаго происхожденія и православной вѣры, по имени Адамъ Кисель. Послы выѣхали изъ Варшавы, проѣхали Польшу и вступили въ русскія земли; здѣсь имъ представился видъ страшнаго опустошенія: куда ни взглянуть, — разрушенный костелъ, или обгорѣлія панскія хоромы, или непогребенныя тѣла, вокругъ которыхъ вьются вороны и рыскаютъ волки. Запустѣніе было такъ велико, что въ этихъ изобилльныхъ мѣстахъ едва можно было найти сѣна для корму лошадямъ: за вязанку надо было платить шесть золотыхъ, — а въ тѣ времена все было не въ примѣръ дешевле нынѣшняго.

Хмельницкій принялъ королевскихъ пословъ въ Переяславлѣ. Онъ хотѣлъ показаться имъ во всемъ своемъ величіи и могуществѣ: надъ нимъ держали бунчуки, полковники окружали его, держа въ рукахъ свои полковничіи булавы. Кругомъ толпился народъ, потому что свиданіе было на площади. Когда послы передали грамату королевскую и осѣпанную дорогими камнями булаву, то Кисель началъ было говорить рѣчь; но одинъ изъ полковниковъ перебилъ его:

—Кисель! ты кость отъ костей нашихъ, и ты отщепился отъ насъ и пристаѣшь къ ляхамъ!

Хмельницкій приказалъ не мышать послу, но какъ было заставить молчать цѣлую толпу народа!

—Зачѣмъ вы принесли эти цацы? Хотите обмануть насъ! закричалъ одинъ.

—Не обманете, подхватилъ другой. [Чуть за вами остается ваша Польша, а Украина намъ, казакамъ, чускай остается.]

Хмельницкій былъ въ этотъ разъ спокоенъ и вѣжливъ, но это было только одинъ разъ. Когда начались переговоры, онъ горячился, кричалъ грозиль.

—Либо мнѣ совсѣмъ войскомъ запорожскимъ пронастѣ, либо земль польской со всѣми сенаторами, дуками, корольками и шляхтою сгинуть, — кричалъ гетманъ. Посмотрите, что и теперь дѣлается въ Лигвѣ: Янушъ

Радзивиль сажаетъ русскихъ на коль! Но я ему написаль, что если онъ хотъ одного крестьянина троиетъ, то за это отвѣтять всѣ четыреста Полковъ, которые у меня въ плѣну.—А когда одинъ изъ бывшихъ при этомъ Поляковъ замѣтилъ, что, можетъ быть, слухи про Радзивила невѣрны, то ему чуть не размозжили голову.

—Отрекайтесь-ка вы, добрые православные паны, отъ ляховъ, и останьтесь съ иами! говорилъ не разъ Хмельницкій Кисель. Пусть сглазить ляшская земля, а Русь будетъ тогда пановать!

Такъ уговаривалъ онъ, когда былъ трезвъ: но когда бывалъ пьянъ, а это случалось нерѣдко, то къ нему и подступиться было страшно.

—Выверну васъ всѣхъ кричаль онъ, кверху ногами! Отдамъ васъ въ неволю турецкому султану. Какіе у васъ порядки? Какой законъ? Напы дѣлаютъ что хотятъ, а короля ни во что ставятъ. Нѣтъ, должно бѣть такъ: «согрѣшилъ князь, урѣжь ему шею; согрѣшилъ казакъ, и ему тоже: вотъ тогда будеть правда!»

—Короля мы почитаемъ какъ своего государя, говорилъ въ другой разъ Хмельницкій, но шляхту и пановъ ненавидимъ до смерти и никогда не будемъ друзьями. Не пугайте меня вашимъ войскомъ я отниму у васъ половину Польши. Миѣ поможеть чернь по Люблинъ и по Krakовъ, а я отъ нея не отступлю, потому что она первая порука наша, Хочу, чтобы вся земля русская была вмѣстѣ: Украина, Подолія, Волынь по Холмъ, Львовъ и Галичъ, а въ другую сторону по Горынь и Припять.

Все эти рѣчи говорились съ бранью, крикомъ и угрозами, такъ что договариваться было невозможно. Кисель упрашивалъ Хмельницкаго, чтобы онъ и крайней мѣрѣ написалъ, въ чёмъ состоять его желанія и что, по его мнѣнію, долженъ сдѣлать король, дабы успокоить Русь. На это Хмельницкій написалъ слѣдующія условія:

«Чтобъ и памати и слѣда унії не было на Руси; чтобъ кіевскій митрополитъ былъ первымъ сенаторомъ послѣ примаса (*); чтобъ всѣ воеводы, каштеляны и другіе сановники на Руси были изъ православныхъ; чтобъ казачьему войску были подтверждены его стародовія права; чтобъ во всей Украинѣ не оставалось ни одного жида; чтобъ гетманъ зависѣлъ отъ одного только короля».

Съ этимъ и уѣхало польское посольство, и радо было, что уѣхало цѣлое, потому что народъ злобно смотрѣлъ на него и былъ недоволенъ, что гетманъ которого звали болѣе батькою, разговаривавшъ съ ляхами. Нѣсколько человѣкъ изъ числа слугъ посланическихъ не захотѣли возвращаться съ ними, приставъ къ казакамъ.

Условія Хмельницкаго были отправлены для утвержденія королемъ и сеймомъ, а между тѣмъ положено было, чтобы и съ русской и съпольской стороны быть перемирію. Но перемиріе было плохо соблюдано:

(*) Примасъ былъ старшее католическое духовное лицо во всей Рѣчи-Посполитой.

опять начали бродить шайки гайдамаковъ; опять нѣкоторые паны польскіе съ жолнерами и слугами своими нападали на русскія деревни. Тѣхъ и другихъ трудно было теперь успокоить. Въ Кіевѣ, напримѣръ, Поляки, надѣясь на перемиріе, стали показываться на улицахъ; народу это не понравилось, и однажды онъ побросалъ въ Днѣпъ слишкомъ сто человѣкъ вдругъ. А какъ между тѣмъ срокъ перемирія оканчивался, то Хмельницкій сталъ исподволь подвигаться къ польской границѣ.

Со всѣхъ сторонъ стекался къ нему пародъ: русскіе крестьяне, воловы, сербы, донскіе казаки, даже черкесы пристроивались къ казакамъ: сильная орда татарская къ нимъ тоже примкнула. Между тѣмъ и изъ Польши выступило войско и расположилось близь замка Збаражъ, на Волыни. Войско это было одножъ слабо въ сравненіи съ казачымъ. По счастію присоединился къ нему князь Вишневецкій съ нѣсколькими тысячами своихъ слугъ и пріятелей, а Вишневецкій и даже безъ войска своего, самъ лично былъ уже болѣшою помощью, потому что не было между панами человѣка столь рѣшительного и смѣлаго, какъ онъ, и столько любимаго жолнерами и шляхтою.

Узнавъ о приближеніи несмѣтной казачьей силы, Поляки окончились въ своемъ обозѣ Подстушивъ къ нимъ, Татары и казаки захотѣли овладѣть ими съ налета, но это не удалось. Тогда Хмельницкій обложилъ польский обозъ кругомъ, велѣлъ насыпать валъ и, поставивъ на него пушки, открылъ по Полякамъ сильный огонь. Поляки подняли свои окопы выше; поднялъ и свои Хмельницкій, такъ что не только изъ пушекъ, но и изъ ружей можно было въ польскомъ обозѣ бить на выборъ. Поляки пришли было въ отчаяніе и уже говорили, чтобы сдаться; но Вишневецкій и нѣкоторые другіе начальниче люди удержали ихъ. Внутри окопа стали дѣлать другіе окопы; каждая хоругвь обводила около себя небольшой валикъ, чтобы за нимъ найти защиту, или вырывала въ землѣ для себя логовище. Поляки рылись какъ кроты, но не сдавались. А между тѣмъ положеніе ихъ было отчаянное: отъ множества убитыхъ воздухъ сдѣлался смраднымъ, провинтъ весь вышелъ, такъ что не только простые жолнеры, но и самые знатные паны принуждены были Ѳѣсть крысъ и падаль. Казаки же съ своихъ укрѣшеній подсмѣивались и ругались надъ ними:

«Когда вы, панове, станете на Українѣ собирать чиишъ (оброкъ)?» кричали они имъ, издѣваясь. «Вотъ вамъ аренды, вотъ ставщины, вотъ пересуды, вотъ сухомельщины (разные сборы, которые взыскивали паны съ своихъ крестьянъ)».

Приходилось все это выслушивать Полякамъ, но они все-таки не сдавались. Вишневецкій стыдилъ трусливыхъ, а нѣкоторыхъ изъ своихъ рукъ закалывалъ; обнадеживалъ другихъ на скорую помощь и всегда быть на ногахъ, не знать ни отдыха, ни покоя. «Лучше умремъ вѣдь до единаго, чѣмъ порадуемъ подлое хлопство нашею трусостью», говорилъ онъ.

Пока все это происходило на Волыни, король по всей Польшѣ объя-

виль «посполитое рушеніе», т. е. поголовное вооруженіе шляхетства, и самъ принялъ падъ нимъ начальство. Но шляхта собиралась медлено и неохотно. Погому-то такъ долго и напрасно ожидали помощи подъ Збаражемъ. Наконецъ, король вышелъ изъ Польши и вступилъ въ волынскую землю. Хмельницкій далъ ему приблизиться и, оставивъ противъ Вишневецкаго часть казаковъ, съ остальными, а также и съ Татарами, кинулся на встречу королю. Посланые впередъ разъѣзды извѣстили его, что королевское войско находится подъ городомъ Зборовыми. Оно иереправлялось черезъ рѣчку, когда Хмельницкій приблизился,—и тутъ же, не теряя времени, онъ ударилъ на Поляковъ. Началась страшная рѣзня. Поляковъ было несравненно меньше, но теперь, какъ и всегда, когда они переставали хвастать и скориться между собою, бились они храбро. Король самъ не жалѣлъ своей головы и кидался туда, где было болѣе опасности. Бой продолжался до глубокой ночи. Поляки не дали одолѣть себя, но они были окружены со всѣхъ сторонъ, и держаться долго имъ не было никакой возможности. Когда наступила ночь и сѣча должна была прекратиться, знатѣйшіе паны собрались къ королю и стали убѣждать его, чтобы онъ, спасая свою жизнь, постарался тайно уйти изъ обоза.

«Никогда, отвѣчалъ онъ, не покажу я примѣра гнусной трусости. Я готовъ жить и умереть съ вами».

Онъ приказалъ окапывать обозъ и готовиться на утро къ послѣднему бою.

Дѣйствительно, какъ только засіяль день, началась сѣча. Неоконченные окопы не могли выдержать сильного напора. Казаки ворвались въ польскій обозъ и внутри его рѣзали и истребляли все, что имъ попадалось. Нѣсколько хоругвей собралось вокругъ короля, чтобъ защищать его до послѣдней крайности.. Въ это время неожиданно раздались крики: «згода! згода!» Это Хмельницкій приказалъ остановить бой. Онъ не хотѣлъ, какъ говорилъ и прежде Киселю, воевать противъ своего государя, а истребляя пановъ и ксендзовъ да ихъ пособниковъ, жидовъ, угнетавшихъ Русь.

Когда битва прекратилась, прибыли гонцы отъ Хмельницкаго и отъ хана, предлагая окончить дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ. Нѣсколько времени король и паны не рѣшались было вступить въ переговоры съ возмущившимися хлопцами какъ называли они украинцевъ, по наконецъ рѣшились, и слѣдующія условія были тогда утверждены:

Все случившееся предавалось забвению; казакамъ разрѣшалось быть въ числѣ 40 тысячъ и жить въ нынѣшихъ губерніяхъ: Киевской, Подольской, Полтавской и Черниговской. бѣщано было, что коронныя войска не будуть вступать въ ту часть Руси, где дозволялось жить и селиться казакамъ; евреямъ не дозволено было тамъ жить. Всѣ должности въ этой части Руси положено было раздавать только православнымъ. Относительно унії опредѣлено было сдѣлать особое постановленіе, съ соглашеніемъ киевскаго митрополита; іезуитамъ запрещалось находиться въ тѣхъ

городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ существуютъ русскія школы. Кіевскому митрополиту дано право засѣдатъ въ сенатѣ.

Когда эти условія были подписаны королемъ, Хмельницкій просилъ дозвolenія принести свою и нарова русскаго признательность королю; бывъ къ нему допущенъ, онъ, ставъ на одно колѣно, сказалъ ему:

«Много уже лѣтъ, наꙗснѣйшій и могущественнѣйшій государь, свирѣпая и кровавая ненависть почти всѣхъ польскихъ чиновъ, была обращена на насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ. Всѣми возможными средствами они топтали привилегіи нашихъ старшинъ, считали казаковъ запорожскихъ не войскомъ величества твоего, а своими рабами. Священники наши были для нихъ хуже магометанъ. Захватывть въ государствѣ власть, они не давали намъ свободнаго голоса на сеймахъ; насилия, убийства, крайнія оскорблѣнія всякаго рода мы претерпѣвали отъ ихъ безнаказанно. Прости смилости рѣчи моей, государь милостивый: мы не обманывали тебя, представляя причины, вынудившія насъ защищать жизнь свою. Терпѣніе наше лопнуло, мы принуждены были заключить союзъ съ чужеземцами и употребить ихъ помощь противъ шляхетства. Какъ осуждать насъ за это, когда мы защищали жизнь свою и имущество, что свойственно даже животному? Скотъ, если его мучать, бодается. У меня въ мысли никогда не было поднимать оружіе противъ вашего величества, государя нашего милостиваго и невиннаго въ страданіяхъ нашихъ. Мы возстали противъ тѣхъ только, которые презирали казаковъ, какъ пресмыкающихся, угнетали насъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ!».

VII.

Украинское казачество начало отдѣлиться отъ украинскаго народа. — Сношенія Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ. — Новое восстаніе. — Сраженіе поль Берестечкомъ. — Успѣхи Погоцкаго и Радзивилла. — Бѣлоцерковскій договоръ. — Переговоръ о принятіи Малороссіи подъ державу московскую. — Рѣшениія Московской земской думы и Переяславской рады (1654). — Война между Россіей и Польшей. — Отчаянное положеніе Польши. — Противники Россіи. — Лукавство Хмельницкаго. — Его кончина. — Выговскій. — Партия московская и партия польская. — Гадичскій договоръ. — Измѣна Выговскаго. — Юрій Хмельницкій. — Броховецкій. — Дорошенко. — Аандрусовскій миръ. — Продолженіе неурядицы. — Вторженіе Турокъ. — Дорошенко сдается царскимъ воеводамъ. — Самойловичъ избранъ гетманомъ. — Турція уступаетъ заднѣпровская Украина.

Если сравнить Зборовскій договоръ съ тѣми условіями, которыя были переданы Хмельницкимъ Киселю, и особенно съ тѣмъ, что гетманъ не сколько разъ говорилъ послу королевскому въ Переяславлѣ, то окажется между этимъ договоромъ и прежними условіями и рѣчами большая разница. Въ Переяславлѣ Хмельницкій говорилъ за весь народъ западной Руси, ходатайствовалъ за всю страну отъ Припети до Холма и Львова, а въ Зборовскихъ статьяхъ шла рѣчь только о казакахъ, да о той странѣ, гдѣ имъ разрѣшалось жить, и которую обыкновенно называютъ Украиною. Казачество уже начинало отдѣляться отъ осталь-

наго народонаселенія, которое оно вскорѣ, какъ увидимъ, начнетъ и угнетать. При томъ, положеніе Хмельницкаго, не взирая на его побѣды, было довольно затруднительно: правда, крымцы были его союзниками, но между ними и гетманомъ нерѣдко происходили ссоры; они безпрестанно требовали денегъ и подарковъ, грозя въ противномъ случаѣ уйти въ Крымъ. Для нихъ ничего не значило бы даже вдругъ перейти на сторону Поляковъ, если бы король обѣщалъ больше добычи, чѣмъ казаки. На такихъ союзниковъ положиться, следовательно, было нельзя, а безъ союзниковъ одному Хмельницкому противъ Рѣчи Посполитой устоять было трудно. Поэтому онъ искалъ помощи у сосѣднихъ государей. Султанъ охотно вызывался на союзъ съ нимъ, требуя однако его подданства; но Хмельницкій боялся, что такой союзъ съ бусурманами не понравится народу и особенно духовенству. Московскій царь, которымъ въ это время былъ Алексѣй, сынъ Михаила Феодоровича, не оказалъ ему помощи во время послѣдней войны съ Поляками; но народъ, а особенно чинъ духовный, былъ, не взирая на то, расположено искать у него покровительства и защиты. Посоль царскій, который въ это время прѣѣжалъ къ Хмельницкому, писалъ въ Москву, что народъ вообще склоненъ къ государю православному и желаетъ быть подъ его высокой рукою. Хмельницкій самъ хотѣлъ и досадовалъ на неподаніе царемъ помощи, но разсыпалъ предъ его посланникомъ льстивыя рѣчи. «Я великому государю готовъ служить гдѣ ни прикажеть», говорилъ онъ, и называлъ его свѣтилою русскимъ, а себя его холопомъ и слугою. «Если Богъ наасъ помилуетъ, отъ проклятыхъ лаховъ освободитъ, то я, гетманъ, и войско, иного государя, кроме великаго государя, свѣтила русскаго, имѣть не будемъ».

Такъ говорилъ Богданъ, но на слова лукаваго старика положиться было нельзя. Вѣрно было только то, что онъ безъ союзниковъ и покровителей не надѣялся одолѣть польской силы и предвидѣлъ, что Зборовскому договору существовать недолго. Въ Варшавѣ были этимъ договоромъ очень недовольны. Сеймъ и паны радные едва-едва согласились его утвердить, да и то съ непремѣннымъ намѣреніемъ нарушить его при первомъ случаѣ. Они даже нарушили его немедленно, не допустивши кievскаго митрополита на сеймъ. Недовольны были и жители земель русскихъ, непопавшіе въ число условленныхъ 40 т. казаковъ. «Гдѣ же обѣщанія гетмана? кричали они. Развѣ мы тоже не были казаками? а теперь опять будетъ панщина.»

И точно: паны, которые во время возстанія повыбрались изъ русскихъ земель, стали возвращаться въ свои помѣстья и требовать отъ своихъ крестьянъ прежнихъ работъ и прежнихъ поборовъ. Нѣкоторые начинали дѣлать отмѣтки за разореніе своихъ усадебъ и за понесенные обиды. Народъ съ своей стороны начиналъ разбѣгаться и собираться въ гайдамакія шайки. По всему становилось замѣтно, что тишинѣ не устоять; и действительно, въ началѣ 1651 года началась рѣзня. Кто началъ,—Поляки или казаки,—мудрено решить; и тѣ и другіе плохо соблюдали миръ

и договоры; хлопы не уживались съ цанами, польское войско стало унимать ихъ, крестьяне давали мѣстами отпоръ, а казаки за нихъ вступались—вотъ и начало войны.

Хмельницкій, предвидя, что войнѣ быть неизбѣжно, держалъ Татарь на готовѣ, а чтобы помощь съ ихъ стороны была вѣрна, онъ ласкался къ турецкому султану, отъ котораго Татары зависѣли. Еще въ началѣ года онъ послалъ повѣстить хана, чтобы онъ, не мѣшкавъ, шелъ на помощь. Но ханъ не торопился на этотъ разъ, а безъ него Хмельницкій не рѣшился выступить на встрѣчу королевскому войску, которое было при томъ въ этомъ году особенно многочисленно. Хмельницкій и потому еще не рѣшался идти на короля безъ союзниковъ, что народъ не такъ охотно стекался по его призыву, какъ прежде, недоволенъ будучи за то, что былъ совершенно позабытъ въ Зборовскихъ статьяхъ.

Наконецъ, однажды, прибылъ ханъ; соединившись съ нимъ, казаки двинулись противъ Поляковъ, которыми начальствовалъ Потоцкій гетманъ. Корвній Начался бой близъ рѣки Стыри у Берестечка. Татары не выдержали и побѣжали. Хмельницкій кинулся къ хану убѣждать его, чтобы онъ воротилъ своихъ Татаръ. Но тутъ только пришпоривалъ коня, а когда гетманъ ему надоѣлъ своими прошѣбами и упреками, то онъ велѣлъ захватить и его съ собою. «Ты самъ виноватъ», говорилъ онъ; увѣрилъ меня, что Поляковъ мало. Будешь у меня въ цѣну, пока не заплатишь вмѣсто Поляковъ мнѣ и моимъ мурзамъ».

Между тѣмъ Поляки стали крѣпко напирать на казаковъ. Тѣ, не видя своего старого «батька», мѣшались и путались, однако огородившись, по обычаю, повозками, держались нѣсколько дней; но потерявъ наконецъ надежду, пустились на утекъ топкими болотами, къ которымъ примикаль ихъ обозъ. Множество казаковъ и еще болѣе бывшихъ съ ними крестьянъ при этомъ потонули, другое были настигнуты Поляками; самая большая часть померла съ голоду въ дремучихъ лѣсахъ, которые тянутся по Стыри и Припети. Долго на Украинѣ не было никакихъ вѣстей ни о гетманѣ, ни о казакахъ. Наконецъ одинъ явился, вырвавшись кое-какъ изъ рукъ Татаръ, почти голый; за тѣмъ начали появляться и бѣглецы изъ подъ Берестечка, отощалые, изнуренные, едва волоча ноги. Отъ цѣлыхъ полковъ едва возвращалось по нѣсколько десятковъ человѣкъ. Но это было еще не все. Возстаніе, которое тоже было хоть и не очень сильно, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, было подавлено литовскимъ гетманомъ Радзивилломъ. Гоня передъ собою казаковъ, которые были въ сѣверской странѣ, онъ шелъ вдоль Днѣпра къ Кіеву и овладѣлъ имъ. Потоцкій въ то же время шелъ къ Кіеву же изъ подъ Берестечка.

Противъ соединенныхъ войскъ, польского, или короннаго, и литовскаго, Хмельницкому не съ чѣмъ было стать. Страшное пораженіе, понесенное казаками, хоть и не сломило русскаго народа, который опять началъ собираться въ гайдамацкія партии, нападать на отдельныя командини польскія; но эти партии действовали въ разбродахъ, каждая сама по

себѣ, а у гетмана подъ рукою было очень небольшое войско. Тогда онъ послалъ къ Потоцкому письмо, прося мира и свидѣтельствуясь Богомъ въ своей преданности королю. Потоцкій согласился вступить въ переговоры; но когда казаки заикнулись о подтвержденіи Зборовскихъ статей, то онъ хотѣлъ ихъ перевѣшать. Хмельницкій понималъ, что послѣ неудачи нельзѣ надѣяться на выгодный миръ и рѣшился сдѣлать уступки; онъ пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь съ нѣсколькими полковниками; Потоцкій, Кисель и нѣкоторые другіе паны туда же пріѣхали. Поговоривъ и споривъ, написали договоръ; но когда о немъ узнали простые казаки и крестьяне, составлявшіе войско Хмельницкаго, то чутъ не перебили всѣхъ переговорщиковъ. Польскихъ пановъ едва-едва успѣли выпроводить изъ Бѣлой Церкви; съ Радзивилломъ у казаковъ завязался настоящій бой. Хмельницкій изъ подъ руки поджигалъ казаковъ и крестьянъ, и если бы ихъ сторона одолѣла, то Бѣлоцерковскому договору не состоялось бы. Но что значила небольшая толпа, почти безъ пушекъ, противъ двухъ стройныхъ ратей? Нечего дѣлать, надо было подписать Бѣлоцерковскія статьи.

Число казаковъ должно было не превышать двадцати тысячъ; имъ было дозволено сохранить свои старинныя права, и жить только въ кievскомъ воеводствѣ (Кievской и Полтавской губерніяхъ); все прочіе простолюдины западной Руси и жители кievского воеводства, кроме казаковъ, были признаны крестьянами; имъ было приказано по старому служить своимъ помѣщикамъ; гетманъ казачьяго войска былъ подчиненъ коронному; обѣ унії не было сказано ни слова; о правѣ кievскаго митрополита засѣдать въ сенатѣ—тоже; войску королевскому не дозволялось квартировать только въ казачьихъ мѣстечкахъ; евреямъ разрѣшалось по прежнему вездѣ жить, арендовать имѣнія и пр.

Таковы были тяжелыя Бѣлоцерковскія условія.

Но если Зборовскій договоръ не устоялъ, то не устоить было и Бѣлоцерковскому. Самъ Хмельницкій не думалъ его исполнить а чернь и казаки не хотѣли и знать его. Видя, что прежніе паны возвращаются въ свои помѣстья, они ихъ грабили и сожигали имѣнія, или же, бросивъ свои дома и забравъ съ собою что было полегче, перебирались за Днѣпръ въ московское царство. Многія тысячи перешли такимъ образомъ. Царь Алексѣй принималъ ихъ охотно и отводилъ имъ земли по Ворсклѣ, по Донцу и въ другихъ незаселенныхъ мѣстахъ. Такъ выстроились казачьи слободы, а пынѣ города: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, и многіе другіе. Хмельницкій, видя, что народъ тянетъ къ царству православному и что на Татарь и Турокъ мало надежды, сильнѣе прежняго сталъ упрашивать въ Москвѣ, чтобъ царь принялъ подъ свою руку народъ украинскій.

Долго не рѣшался на это царь, но наконецъ, въ 1653 году, осенью, онъ собралъ земскую думу, чтобы, по общему приговору, принять или отвергнуть ходатайство Хмельницкаго.

Въ самый Покровъ день, отслушавъ обѣдню, которую совершаѣтъ славный патріархъ Никонъ, царь вступилъ въ грановитую палату, гдѣ уже ожидали его выборные люди отъ духовнаго и свѣтскаго чина всего го-

сударства московского. По знаку царя, дьякъ сталъ громко читать, что гетманъ Богданъ Хмельницкій, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, въ и прошедшихъ годахъ многократно извѣщалъ государя объ утѣшненіяхъ, которыя терпяты отъ Поляковъ народъ русскій и церковь православная, и просилъ его принять ихъ подъ свою высокую государеву руку. Прочитавъ это, потребовали мнѣнія: какъ поступить? Патріархъ, митрополиты и прочее духовенство, черное и бѣлое, бояре и окольничіи, дѣти боярскія и посадскіе люди единогласно сказали, чтобы русскій народъ украинскій и литовскій подъ государеву руку принять и войну. Рѣчи Поселитой, если нужно, объявить, при чемъ выразили, что всѣ до единаго готовы жертвовать за это великое и святое дѣло имуществомъ и жизнью.

Тогда царь приказалъ отправить великихъ пословъ къ гетману для принятія присяги на вѣрное подданство отъ него и отъ всего народа русскаго, украинскаго и литовскаго. Главнымъ бояриномъ въ этомъ посольствѣ былъ Бутурлинъ. Въ послѣдній день 1653 года онъ съ товарищами прибылъ въ Переяславль, где была назначена на 8 января великая рада.

Раннимъ утромъ добывши ударили въ лягушки; на городскую площадь повалилъ народъ; потомъ явился туда старый гетманъ подъ бунчуками и войсковой старшина. Поклонясь на всѣ стороны, Хмельницкій сказалъ:

—Панове полковники, эсаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіяне! Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ нась Богъ освободиль изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божію и хотящихъ искоренить нась такъ, чтобы и имя русское не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно, и видно нельзя насть жить болѣе безъ царя. Изберите себѣ государя изъ четырехъ, какого захотите: султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго и царя православнаго Великой Руси. Царь турецкій —бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпяты наши братья православные христіяне, греки, и въ какомъ утѣшненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ: хоть мы по нуждѣ и вели съ нимъ дружбу, однако приняли черезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіянской. Объ утѣшненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что они лучше почитали жида и собаку, чѣмъ нашего брата христіянина. А православный христіанскій царь восточный —одного съ нами греческаго благочестія, единаго закона и исповѣданія; едино мы тѣло церковное съ православiemъ Великой Россіи, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ великий царь христіянскій склонилъ къ намъ теперь свое милостивое христіянское сердце и прислая своиъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то кромѣ его царской высокой руки, благотишающаго пристанища не обрящемъ. Кто же съ нами несогласенъ, —тому вольная дорога: идти куда хочешь».

Вся толпа на площади Переяславской и все тѣ, которые тѣснились вокругъ на заборахъ и на крышахъ, въ одинъ голосъ воскликнули:

—«Волимъ подъ царя восточнаго православнаго!» и

Спросивши еще разъ, все ли такъ желаютъ, гетманъ сказалъ громкимъ голосомъ:

—«Буди тако! Да укрѣпить насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!» а

Народъ воскликнулъ:

—«Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобы мы навѣки все были едино!» и Всѧдъ за тѣмъ были прочитаны казакамъ статьи, по которымъ Украина подчинялась царю. Статьи эти состояли въ слѣдующемъ:

1. Украина будетъ управляться тамошними уроженцами. Они же будуть собирать подати въ царскую казну.

2. Гетманъ будетъ избираться по старинному, вольными голосами.

3. Царь опредѣлить жалованье старшинѣ и казакамъ.

4. Реестровымъ казакамъ быть въ числѣ 60 тысячъ.

5. Гетману предоставлялось право по прежнему принимать иностранныхъ пословъ, кромѣ однакожъ отъ польского короля и турецкаго султана.

Казаки просили, и царь согласился, чтобы въ помощь имъ и для охраненія ихъ границъ было прислано московское войско.

Это происходило въ началѣ 1654 года. Добровольное подчиненіе Украины *) царю Московскому имѣло большой отголосокъ не только во всей Руси восточной и западной, но и между другими славянскими племенами и даже между православными иныхъ племенъ. «Греки Бога молятъ, писали въ это время въ Москву, чтобы Онъ совокупилъ христіянство (православное) воедино и быть бы имъ подъ благочестивымъ христіянскимъ государемъ; только того и дожидаются, какъ государевы ратные люди Дунай—рѣку перейдутъ, и они тотчасъ на Турокъ сами встанутъ и будутъ надъ ними промышлять собща».

Казалось, что надежды православныхъ, находящихся подъ турецкою властью, могутъ скоро исполниться. Между царемъ и польскимъ королемъ началась изъ-за Украины война, и война эта шла весьма счастливо для Россіи. Въ Москвѣ знали, что не только на русскихъ земляхъ польского короля, но и на литовскихъ живеть не малое число право-

*) Этимъ именемъ въ Польшѣ называли вообще страну, въ которой имѣли право жить казаки; по казакамъ, въ разное время дозволалось жить то въ одномъ кievскомъ воеводствѣ, то въ кievскомъ и брацлавскомъ, а иногда, сверхъ того, и въ части волынского, а потому невозможно съ точностью определить границы страны вносившаго название Украины. Въ грамматѣхъ московскихъ название это замѣнялось назнаніемъ Малая Русь; но по разграниченнѣи русскихъ и польскихъ владѣній по договору 1686-го года, название Малой Россіи утвердилось за казачину лѣваго берега Днѣпра. Поэтому въ дальнѣйшемъ разсказѣ нашемъ и будетъ называться 1) Малороссіей — казачина западнаго берега Днѣпра, 2) Украиною — вся казачина вообще по обѣ стороны Днѣпра. 3) Западною Россью — вся страна за Днѣпромъ и Западной Двиною, со включеніемъ Галиціи, населенной русскимъ племенемъ.

славныхъ поэту, начиная войну, царь обратился къ нимъ съ граматою, въ которой говорилъ: отъ многихъ временъ обращались къ намъ православные жители Литвы и русскихъ земель, прося помощи и застушенія «на досадителей святой восточной церкви греческаго закона». И вы-бъ всѣ, заключалъ царь, на сущестатовъ восточнаго благочестія возстали.

Призваніе это было действительно многими услышано. Въ Бѣлоруссіи крестьяне охотно принимали царскія войска, некоторые города защищались только для вида, а иные сами отворяли имъ ворота. Войско же литовское постоянно тѣрпѣло неудачи. Въ иѣсколько мѣсяцевъ русскіе заняли Смоленскъ, Оршу, Минскъ, Могилевъ, Вильну, главный городъ Литвы, доходили до самаго Балтійскаго моря у Риги и овладѣли Дерптомъ; вообще же пріобрѣли болѣе 200 городовъ. Въ то же время Хмельницкій съ своими казаками, и болринъ Бутурлинъ, съ небольшимъ отрядомъ русскихъ войскъ, прошли всю Подолію, проникли въ Галицію, радостно встрѣчаемые крестьянами, и принудили Львовъ уплатить себѣ окупъ.

Польское государство было въ это время въ самомъ отчаянномъ положеніи. Когда казаки и царскія дружины врывались съ востока, шведский король переправившись чрезъ Балтійское море, вступилъ въ Польшу, прошелъ ее съ сѣвера на югъ и занялъ Варшаву и Краковъ. Янъ Казиміръ не оставалось болѣе мѣста въ своемъ королевствѣ: онъ принужденъ былъ уйти за границу.

При этихъ обстоятельствахъ опять появляется мысль о соединеніи всей Руси съ Литвою и Польшею подъ одною державою. Царь Алексѣй, по занятіи Вильны, сталъ себя именовать самодержцемъ литовскимъ, волынскимъ и подольскимъ. Когда же король Янъ Казиміръ прислали къ царю просить мира, то московскіе бояре и вели съ ними рѣчь о томъ, чтобы послать смерти короля Яна, который былъ бездѣтенъ, сеймъ избралъ ему преемникомъ Алексея Михайловича.

Но дѣлу этому трудно было устроиться. Не говоря о католическомъ духовенствѣ, котораго было множество во всѣхъ владѣніяхъ Рѣчи Посполитой и которое было сильно нерасположено къ Россіи, не питала къ ней расположения и большая часть шляхты, не только въ Литвѣ, но даже и въ русскихъ земляхъ, где она успѣла уже сплющо ополачиться. Были противники московскому подчиненію и между казачьей старшиною, потому что, многие изъ этой старшины были шляхтичи, обучавшіеся въ польскихъ и іезуитскихъ школахъ, и привыкшіе къ необузданной свободѣ, которой, какъ они знали, московскія власти не допускали. Такимъ образомъ, когда Украина вѣдѣла за Хмельницкимъ, присягала московскому царю, два казачьихъ полковника отказались присягать ему; одинъ изъ нихъ, Богунъ, скоро принялъ одинакожъ участіе въ войнѣ противъ Поляковъ, а другой, Сѣрко, ушелъ къ запорожцамъ, которые, кому бы ни присягали, служили сегодня одному, а завтра другому.

Не безъ розни было и между высшимъ духовенствомъ украинскимъ.

Попы были на сторонѣ Россіи, но митрополитъ, которымъ былъ въ это время Сильверстъ Коссовъ, природный шляхтичъ, отказался подчиниться московскому патріарху, признаваю надъ собою власть только одного патріарха цареградскаго. Были слухи, что онъ находился въ тайныхъ сношенияхъ съ польскимъ королемъ и засыпалъ къ нему просить, чтобы онъ опять возвратилъ Украину подъ свою державу. Къ этому присоединить надо было еще, что и Хмельницкій хитрилъ и танулъ на обѣ стороны, къ Москвѣ и къ Варшавѣ.

Что было на сердцѣ у Хмельницкаго, знать очень трудно: во времена казачьихъ войнъ онъ завѣрялъ въ своей преданности и польского короля и московскаго цара, и въ то же время переговаривался о подданствѣ съ турецкимъ султаномъ и съ ханомъ крымскимъ. Не онъ, а народъ украинскій наклонилъ дѣло къ союзу съ Россіей; Хмельницкій же сталъ горячо говорить обѣ этомъ союзѣ уже тогда, какъ увидѣлъ, что съ польскимъ королемъ мириться Украина не хочетъ и не можетъ. Въ Москвѣ все это узнали и не слишкомъ довѣрили Хмельницкому; бояринъ Бутурлинъ оказывалъ ему надлежащій почетъ, но зорко за нимъ присматривалъ, и войско московское неотлучно находилось при войскахъ казачьемъ Старому гетману, который уже привыкъ не знать надъ собою никакой власти, ни стѣсненія, не нравилось соглядатайство московскаго боярина; онъ увидѣлъ, что подъ крѣпкою московскою властью ему не удастся быть царькомъ на Украинѣ, а потому и онъ, подобно киевскому митрополиту, сталъ тайно обсыпаться съ польскими панами. Стоя подъ Львовомъ и переговариваясь относительно окупа, онъ выдавалъ себя за вѣрнаго союзника короля польскаго и, между прочимъ, сказалъ: «Постаповляйте какія хотите условія съ москалями, я ихъ оставлю и иду въ свое русское владѣніе».

Быть господаремъ особаго владѣнія, кажется, и было истиннымъ, тайнымъ желаніемъ Хмельницкаго, и желаніе это онъ иногда высказывалъ, впрочемъ очень осторожно. Такъ, однажды, подъ Львовомъ же, разговаривая съ посломъ польского короля о тѣхъ причинахъ, которыми произвели возстаніе казаковъ, онъ разсказалъ ему побасенку: какъ у одного крестьянина жилъ нѣкогда домашній єжъ, а єжъ, какъ известно, приносить дому счастье. Сынъ этого крестьянина, говорилъ Хмельницкій, сталъ однажды хлебать молоко; выползъ єжъ и тоже сталъ хлебать молоко; мальчикъ ударили его ложкой по головѣ, а єжъ его укусилъ. На крикъ ребенка прибѣжалъ отецъ, а єжъ, испугавшись, поползъ подъ печку, но не успѣлъ еще совсѣмъ спрятаться, и хозяинъ отрубилъ ему хвостъ. Съ тѣхъ поръ не было крестьянину ни въ чемъ удачи; стала онъ думать, и наконецъ, понявши въ чемъ дѣло, началъ просить ужа помириться. Тогда єжъ ему сказалъ: мириться я готовъ съ тобою, но прежней дружбы между нами не быть, потому что, какъ посмотрю на себя и увижу, что нѣтъ моего хвоста, невольно беретъ меня досада. Живи въ своемъ домѣ, а я буду жить въ своей порѣ, вотъ и вся наша дружба. То же самое, заключилъ Хмельницкій, произошло между Рѣчью Поспо-

литой и Украиною: прежней дружбы между нами быть не можетъ, между нами только можетъ быть миръ, и вотъ на какихъ условіяхъ: откажитесь отъ Украины, Волыни, Подоліи и уступите ихъ казакамъ. Но этого вы никогда не сделаете. Если бы въ Польшѣ осталось только сто пановъ, они все-таки не согласились бы на это. «А потому, сказать гетманъ вставая, прощайте, кумъ».

Такъ хитрилъ Хмельницкій, надѣясь съ помощью разныхъ своихъ союзниковъ достичнуть своей главной цѣли — быть независимымъ правителемъ Украины. Объ этомъ же онъ договаривался тайно съ королемъ шведскимъ и княземъ седмиліградскимъ, съ которыми у него положено было раздѣлить польское государство. Но все это было известно въ Москвѣ, а потому и не могло исполниться. Притомъ же приближалась и смерть Хмельницкаго. Онъ умеръ 15 августа 1657 года.

Казаки неутѣшно плакали по своемъ старомъ гетману, который вывелъ ихъ изъ новаго плененія вавилонскаго. «То не вѣты осеніе бушевали въ дубровѣ, сказываетъ одна старинная дума, то плакали и вошли казаки, погребая батька своего, стараго Хмельницкаго».

Послѣ смерти Хмельницкаго, гетманомъ былъ избранъ Иванъ Выговскій. Избраніе это было сделано не обославшись съ Москвою, прежде даже, нежели тамъ узнали о смерти Богдана. Это, разумѣется, не понравилось въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что Выговскому тамъ не совсѣмъ довѣрили. Онъ былъ при Хмельницкомъ войсковымъ писаремъ, или какъ сказали бы ныне, начальникомъ его штаба и главнымъ его помощникомъ. Старый Богданъ поступалъ съ нимъ, какъ и со всеми другими, круто. Однажды, разсердившись, онъ приказалъ положить его на столъ и приковать, но ничего совсѣтка однакожъ онъ не слушался такъ, какъ своего писаря. Поэтому и бояре московскіе и самъ царь ласкали его, хоть очень хорошо знали, что Выговскій получаетъ подарки изъ Варшавы и имѣть сношенія съ польскими панами, съ татарскими мурзами, и со всеми тѣми, съ кѣмъ хитрилъ и переговоривался Хмельницкій. Но Хмельницкій былъ природный казакъ и человѣкъ съ русской душою; ему только не нравилось, что Москва не даетъ ему власти, къ которой онъ привыкъ; Поляковъ же онъ не любилъ и съ панами никогда не могъ ужиться; Выговскій, напротивъ, былъ шляхтичъ, и сердце его лежало къ Польшѣ; ему не столько хотѣлось быть независимымъ господаремъ, сколько польскимъ княземъ и сенаторомъ.

Скоро послѣ избранія своего онъ обнаружился: московское войско вступило въ Украину, съ тѣмъ ли, чтобы защищать ее отъ Поляковъ, или чтобы не допускать въ цей самой беспорядковъ — неизвѣстно; но Выговскій собралъ раду и объявилъ, что Москва нарушаетъ Переяславльскія условія и что потому онъ не хочетъ быть гетманомъ. Однако рада упросила его остаться.

Между тѣмъ на Украинѣ было много недовольныхъ избраніемъ Выговскаго, особенно между казаками и жителями лѣваго берега Днѣпра. Они говорили, что избраніе произведено было неправильно, что на из-

бирательной радѣ были почти одни только полковники, да другія лица изъ старшины, а простыхъ казаковъ и крестьянъ почти не было. Недовольны были избраніемъ этимъ и въ Запорожье, откуда никого не было на избирательной радѣ. Выговскій собралъ преданные ему полки, выступилъ съ тѣмъ, чтобы смирить своихъ противниковъ, и требовалъ, чтобы московское войско помогло ему. Но воевода московской, князь Ромадановскій, не рѣшался этого сдѣлать безъ приказанія отъ царя; онъ видѣлъ, что гетманъ хочетъ употребить московское войско для наказанія людей, наиболѣе преданныхъ царю.

Это раздражило Выговскаго; онъ и его приверженцы стали распускать слухъ, что царь хочетъ уменьшить казачье войско до 10 т. человѣкъ, да и тѣхъ обратить въ драгуны, «вѣчными невольниками сдѣлать, а женъ заставить ходить въ лаптяхъ». Съ другой стороны, напротивъ, жаловались, что гетманъ собираетъ поборы не въ войсковой скарбъ, а въ свои собственные сундуки и дѣлится ими съ старшиною, что онъ умышляетъ измѣнить царю и призываетъ хана на Украину.

Въ Москвѣ не знали хорошенъко, кому и чemu вѣрить; послали къ Выговскому гонца, которому поручено было разузнать заподлинно, можно ли положиться на гетмана. Пріѣхалъ гонецъ, привезъ царскую грамату и подалъ ее Выговскому, котораго нашелъ уже на походѣ. Тотъ принялъ ее и велѣлъ читать, а самъ сѣлъ. На это гонецъ московскій замѣтилъ ему, что царскую грамату надлежитъ слушать стоя.

— Все у васъ високо дѣлается, сказалъ Выговскій, однако всталъ. Въ разговорѣ съ гонцомъ онъ прямо жаловался на московскихъ бояръ и на самого царя:

— У короля польского намъ было хорошо, говорилъ онъ: придугъ къ нему, скажутъ о чёмъ надобно, и указъ тутчасъ готовъ. Зачѣмъ вы присылаете московскихъ воеводъ? Зачѣмъ войско прислали? Только народъ бунтуется. А когда отъ меня бѣгутъ къ вамъ за рубежъ, то вы тѣхъ бѣглыхъ людей не выдаете: и я государевыхъ бѣглыхъ людей выдавать не стану.

Такъ говорилъ Выговскій, какъ будто почитая себя не подданнымъ царя русскаго, а равнымъ ему, независимымъ государемъ, и продолжалъ походъ свой противъ казаковъ лѣвобережскихъ и запорожскихъ, которые не хотѣли его признавать и выбрали себѣ особаго гетмана.

Такую смѣость придавало Выговскому то, что онъ получилъ извѣстіе о приближеніи союзныхъ ему Татаръ и пословъ отъ польскаго короля. Но Татары послужили ему не въ пользу, а во вредъ; разсыпавшись по Украинѣ, они грабили жителей и жгли селенія; слухи объ этомъ достигли казаковъ, бывшихъ въ обозѣ съ гетманомъ, и они, то проиниачкѣ, то цѣлыми толпами, стали разбѣгаться, чтобы защитить свои семейства и жилища.

Между тѣмъ пріѣхали польскіе комиссары. Переговоривъ съ ними и условившись, Выговскій собралъ въ Гадячѣ раду, но на радѣ этой, какъ и на той, которая избрала Выговскаго, было много казачьей стар-

шины, а простыхъ казаковъ и черни было мало. Гетманъ явился туда и привелъ польскихъ комиссаровъ. Поклонившись радѣ, онъ сказалъ, комиссарамъ, что войско желаетъ мира и союза съ Рѣчью Посполитой. Тогда выступилъ одинъ изъ комиссаровъ и повелъ такую рѣчь: «зачѣмъ, сказалъ онъ, соединились вы паны рыцари, съ Москвою? У васъ вѣра греческая, а у москалей московская. Москали вѣрятъ, какъ имъ царь прикажеть. Они хотять изъ васъ слѣдѣвать простыхъ мужиковъ, заставить въ лаптяхъ ходить. Они готовы вамъ языкъ отрѣзать, чтобы вы не говорили; глаза выколоть, чтобы вы не смотрѣли. Соединитесь лучше опять съ Польшею. Найасиѣшій панъ (т. е. король) возвратитъ вамъ всѣ ваши вольности и дастъ еще новыя.»

И точно, статьи, на которыхъ согласились польские комиссары, обѣщали очень много. Украина — которой на этотъ разъ даны были болѣе обширные размѣры, а именно нынѣшнія губерніи, Киевская, Полтавская, Черниговская съ частію Подоліи и Волыни,— Украина должна была принести къ польскому королевству на тѣхъ же правахъ, какъ литовское княжество, т. е. высылать на общий сеймъ иѣкоторое число пословъ, имѣть особаго гетмана, маршалковъ, подскарбіевъ и другихъ чиновниковъ и урядниковъ, не иначе какъ изъ Русскихъ, а также свои суды и трибуналы; казаковъ и другихъ обывателей украинскихъ король, по представленію гетмана, обѣщалъ дѣлать шляхтичами; изъ духовенства и шляхетства украинскаго должны были иѣкоторые назначаться въ сенатъ; унію положено было совершенно уничтожить.

Какъ скоро сдѣлалось известнымъ князю Ромадановскому о переговорахъ въ Гадячѣ и о вступленіи въ Украину Татаръ, онъ объявилъ царскую грамату, въ которой Выговскій провозглашался измѣнникомъ и казакамъ повелѣвалось избрать себѣ нового гетмана. Чернь и простые казаки, особенно лѣвобережскіе, толпами повалили къ Ромадановскому, когда къ нимъ дошла эта царская грамата: обозъ гетманскій таялъ какъ сиѣгъ отъ лучей солнца. Выговскій собралъ было раду, чтобы прочесть Гадячскія условія, но рада не стала его слушать; гетмана громко упрекали въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ накликалъ Татаръ на Украину, что онъ ее продаетъ Полякамъ. Началась свалка, и дѣло кончилось тѣмъ, что Выговскій принужденъ былъ бѣжать и отдать свою булаву и печать войсковую казакамъ, которые бросились за нимъ въ догонку.

Такъ кончилась затѣя Выговскаго. Но какъ подобная затѣя была неослѣднею на Украинѣ, то о ней и другихъ ей подобныхъ стоить поразмыслить. Хмельницкій задумывалъ устроить особое владѣніе украинское; но онъ только задумывалъ это, а въ дѣйствіе не приводилъ; умный старикъ видѣлъ, что Украинѣ особымъ владѣніемъ быть невозможно, что у нея иѣть ни горъ, ни рекъ, которыя отдѣляли бы ее отъ Россіи и Польши и могли бы защитить ее въ случаѣ нападенія съ ихъ стороны. Онъ видѣлъ также, что простонародье, рядовые казаки и низшее духовенство сильно тянутъ къ Москвѣ, а часть войсковой старшинъ и шляхта къ Польшѣ; что поэтому, въ случаѣ войны съ Россіей

или Польшей, въ Украинѣ всегда будетъ много людей, готовыхъ передаться и, следовательно, ослабить украинскія силы. Итакъ оставалось решить, куда выгоднѣе было Украинѣ примкнуть: къ Москвѣ или къ Польшѣ. По мнѣнію Хмельницкаго, къ Москвѣ; по мнѣнію Выговскаго, къ Польшѣ. Кто же изъ этихъ двухъ людей смотрѣлъ прямѣе и видѣлъ вѣрнѣе? Это решилъ самъ народъ украинскій: за Польшу были сотни, или, можетъ-быть, тысячи человѣкъ, а за Россію миллионы.

Противники Россіи говорили, что она будетъ ломать казачьи вольности, но следовало бы подумать не о казакахъ, а о цѣломъ народѣ. Въ прежнія времена войны были почти безпрерывны, потому и полезно было такое многочисленное войско, какъ казачье, всегда готовое сѣсть на коней и драгться съ кѣмъ попадало; оно особенно полезно было вблизи Татаръ, тоже удалыѣ наездниковъ, не знавшихъ ничего, кроме войны и набѣговъ. Но времена перемѣняются; Татары уже были, въ царствование Алексея Михайловича, не такъ страшны, какъ прежде, Турки не угрожали русскимъ землямъ: зачѣмъ же было оставаться казачьему войску? и не лучше ли было ему исходить изъ принципа: за косу и за плугъ, оставивъ ружье и саблю? А если ненужны становились казаки, то ненужны становились и ихъ особыя права.

Вотъ, следовательно, чего могла ожидать Украина отъ Москвы. Теперь посмотримъ, чего могла ожидать она отъ Польши. Еслибы удержалася гадячскій договоръ, Рѣчь Посполитая состояла бы изъ трехъ частей: Польши, Литвы и Руси, изъ которыхъ каждая съ особымъ управлениемъ. При этомъ гадячскими статьями было выговорено, что, въ случаѣ войны съ Россіей, Украина можетъ не принимать въ ней участія. Но хорошо ли это было бы для Рѣчи Посполитой? Польскія и литовскія войска встутили бы въ Россію и, положимъ, были бы разбиты: — что сказали бы польскіе и литовскіе люди про украинскихъ людей, — людей того же государства, которые не помогли бы имъ въ ихъ бѣдѣ? Можно думать, что это было бы причиною большой розни въ государствѣ. А какъ скоро въ государствѣ завелась рознь, то мудрено ему устоять противъ сосѣдей, у которыхъ весь народъ дѣйствуетъ, какъ одинъ человѣкъ.

Опасность такой розни очень хорошо понимали и Поляки, и вотъ почему они такъ упрямо и настоятельно добивались въ Литвѣ и на Руси единства вѣры, языка и даже обычаевъ; вотъ почему они вездѣ старались вводить латинство, или по крайней мѣрѣ унію, какъ переходъ къ латинству; вотъ почему они замѣнили русскій языкъ въ судахъ и управленияхъ польскимъ; вотъ почему, наконецъ, они вездѣ заводили шахматство, польскія школы, польскіе нравы, дома на польской ладѣ, польскіе танцы, польскіе кунтуши и т. д. Но какъ же въ такомъ случаѣ польскіе комиссары согласились дать Украинѣ совсѣмъ отдельное устройство и даже уничтожить унію? Этотъ самый вопросъ сдѣлали паны радные комиссарамъ, когда тѣ явились на сеймъ, и комиссары отвѣтили, что статьи хотя они и подписали, но вовсе не думаютъ ихъ исполнять...

Услышавъ такое объясненіе, польскіе паны радные рѣшили, что гадяч-

скій договоръ можно утвердить; но всякий теперь согласится, что казаки хорошо сдѣлали, отказавшись и слушать этотъ договоръ.

Измѣна Выговскаго сильно встревожила Москву. Надо не забывать, что война съ Польшею еще продолжалась, и именно въ это время Русская рати въ Литвѣ потерпѣли большія неудачи. Причиною этихъ неудачъ было отчасти неискусство воеводъ, а еще болѣе, беспорядки и насилия, которыя дозволяли себѣ ратные люди. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Оршѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ царскія войска были встрѣчаемы съ хлѣбомъ-солью, ихъ теперь истребляли сами жители, или наводили на нихъ Поляковъ. Польскому королю удалось притомъ отбиться отъ Шведовъ, а потому онъ могъ обратить всѣ свои силы противъ Русскихъ. Къ довершенню затрудненій Выговскій замутилъ Украину.

Измѣна Украины была однако не всеобщая: почти весь лѣвый берегъ Днѣпра и Запорожье остались вѣрны, но Заднѣпровье сильно бушевало. Московскіе бояре, надѣясь, что имя Хмельницкаго опять соединить казаковъ воедино, отыскали его сына и поставили его гетманомъ. Но Юрий Хмельницкій былъ еще очень молодой человѣкъ, слабый умомъ и характеромъ. Его окружила старшина, но большей части преданная Польшѣ, и увлекла за собою. Тогда началась совершенная неурядица: то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ казаки собирались и избирали себѣ гетмана; эти гетманы называли одинъ другаго измѣнникомъ, вели свои полки другъ противъ друга, и дѣла до такой степени перепутались, что уже трудно было разобрать, кто стоитъ за Москву и кто за Польшу. Къ довершенню всѣхъ бѣдъ появились Татары, принялись жесть и грабить и уводить въ плѣнъ, не разбирая, кто имъ союзникъ и кто врагъ.

Надо было однажды вывестъ страну изъ этого жалкаго состоянія; нужно было выставить знамя, около которого люди могли бы сражаться, нужно было дать Украинѣ гетмана. Но гдѣ было взять человѣка, котораго имя, какъ знамя, собрало бы вокругъ себя украинскій народъ? Такого человѣка не было. Многіе полковники посыпали въ Москву граматы и гонцовъ съ завѣреніями въ преданности, но и Выговскій не переставалъ увѣрять въ ней, даже послѣ гадаческой рады; подобная же увѣренія не переставалъ посыпать и Юрий Хмельницкій: какъ же было положиться на слова такихъ людей? Надежнѣе прочихъ казался кошевою атаманью запорожскій, Иванъ Брюховецкій; вотъ что о немъ писали русскіе воеводы въ Москву: «хотя не учень да умень, и ужастъ какъ воровать исправенъ». Посадя его на границѣ, «можно спать въ Москвѣ безъ тороилности».

Брюховецкій былъ точно не глупый казакъ, но лживый и притомъ злой. Запорожцы любили его, но онъ имѣлъ худую славу на Украинѣ; однако, такъ какъ не было другаго человѣка, на котораго можно было бы положиться, Москва рѣшилась его поддерживать. Избирательная рада собралась въ Нѣжинѣ, и хоть всѣ рады казачьи не обходились безъ шу-

ма, но подобной нѣжинской радѣ врядъ ли когда бывало: Запорожцы силою отбили другихъ кандидатовъ и угрозою заставили признать Брюховецкаго гетманомъ.

Новый гетманъ далеко не оказался человѣкомъ, какой быль нуженъ въ то время Українѣ, человѣкомъ, который могъ бы собрать вокругъ себя разметавшійся на всѣ стороны народъ и успокоить страну. Онъ понималъ и любилъ только крутыя мѣры, производилъ казни, лишая города привилегій, отбиралъ имѣнія у монастырей и корыстовался общественными деньгами. Поэтому ни духовенство, ни горожане не любили его, и назначеніе его въ гетманы не усилило Россіи на Українѣ.

Междудѣмъ, въ Заднѣпровье, Хмельницкій, наскучивъ неурядицей, которая была вокругъ него, п не имѣя силъ съ нею управляться, пошелъ въ монастырь, уступивъ мѣсто человѣку болѣе способному жить и действовать среди всеобщей сумятицы. Человѣкъ этотъ былъ Петръ Дорошенко. Послѣ смерти стараго Богдана никто не пользовался на Українѣ такою известностію и славой, какъ онъ. Извѣстность эта и испепено казацкая удаль привлекали къ нему даже лѣвобережскіхъ казаковъ, недовольныхъ Брюховецкимъ. Онъ опять пробудилъ мысль о независимости Україны и, чтобы отбѣтиться въ одно время и отъ Москвы, и отъ Польши, рѣшился поддаться турецкому султану.

Втянутый противъ воли въ войну съ Турцией, король польскій пожелалъ примириться съ Россіей, чего не менѣе его желалъ и царь. Русскіе и польскіе послы сѣхались въ селеніи Андрусовѣ и, послѣ долгихъ споровъ, постановили переміріе (1667 г.) на тринацдцать лѣтъ, на такихъ условіяхъ: границѣ между Русскимъ и Польскимъ государствами быть по Днѣпру, при чемъ земли смоленская и южнорусская отходили къ Россіи; Кіеву, хотя и находящемуся на правомъ берегу этой рѣки, оставаться за Россіей два года; Запорожью быть въ повиновеніи какъ царю, такъ и королю.

Въ Россіи были очень довольны Андрусовскимъ миромъ и особенно радовались возвращенію Кіева, надѣясь удержать его не на два года, а навсегда; но на Українѣ хотя и были довольны тѣмъ, что старинный православный Кіевъ былъ изъятъ изъ—подъ власти Полякъ въ, однакожъ сильно негодовали на то, что Україна была разорвана на двѣ части. Но чья вина была это? Развѣ царь Алексѣй не желалъ бы удержать за собою всей Україны и даже всей Руси зацадной до Львова и Люблинѣ? Українцы сами разорвали свою Україну. Только лѣвый берегъ Днѣпра оставался большою частию на сторонѣ царской. поэтому лѣвый берегъ и былъдержанъ царемъ, въ надеждѣ, что и Заднѣпровье, одумавшись, примкнетъ со временемъ къ Русской державѣ.

Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ, какъ свергнута была, хотя тяжелая, но законная власть польскихъ королей, между людьми западной Руси и особенно Україны распространилось то, что наши предки называли «шатостію», то есть, нетвердость понятій, нежеланіе ничему подчиниться, отвращеніе отъ всякой власти и отъ всякаго порядка. Буйству и свое-

волю не было предъловъ; всякий заботился не о благѣ всѣхъ, а только о собственной выгодаѣ; а какъ всякая война въ то время обѣщала добычу, то каждый сорви-голова находилъ безъ труда охотниковъ идти противъ кого бы то ни было: противъ царскихъ ли воеводъ, противъ королевскъ ли гетмановъ, противъ Татаръ или Турокъ,—все равно, лишь бы побудить и поживиться. Никакая законная власть ни на кого не могла положиться и понадѣяться. Дорошенко, напримѣръ, считаясь гетманомъ короля польскаго, тайно переговаривался съ Москвой и Цареградомъ и посыпалъ подарки въ Крымъ. Брюх вецкій, будучи гетманомъ царя русскаго, изподтишка приманивалъ Татаръ, обсыпалъ съ Дорошенкомъ, обѣщая ему уступить булаву для соединенія обѣихъ стечь Днѣпра, а на самой дѣлѣ замышлялъ самъ сдѣлаться гетманомъ всей Украины подъ покровительствою султана... Так же дѣлали по-ковники казаччи, лица духовнаго званія, даже епископы. Юрій Хмельницкій, напримѣръ, презрѣлъ бѣты монашества и, уйдя изъ монастыря, принялъ участіе въ смутахъ; запорожскій таманъ Сѣрко отыскалъ какого то польскаго холопа и подговорилъ его вѣдать себя за одного изъ сыновей царя Алексія. Всѣ лгали, всѣ обманывали; никто не вѣрилъ другъ другу; всякий, чтобы доказать свою преданность Москве или Варшавѣ, сыпалъ доносы и обвиненія въ измѣнѣ противъ всѣхъ тѣхъ, которые казались ему опасными. И сколько, во времена этой всеобщей шатости, погибло, или обезчестило себя измѣною людей храбрыхъ, крѣсихъ способныхъ, которые заслужили бы громкую славу въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ!..

Измѣна Дорошенка Польшѣ не замедлила обнаружиться; всѣдѣ замѣть обнаружилась и измѣна Брюховецкаго Россіи. Какъ гетманъ, какъ членъ кѣкъ, имѣвшій постоянную переписку съ Москвой, онъ долженъ былъ хорошо знать, что царь радовался приобрѣтенію Малороссіи и Киева и отъ всей души желалъ укрѣпить ихъ за своею державой; не взирая на это, онъ распустилъ универсалы, въ которыхъ, между прочимъ, писалъ: «послы московскіе съ польскими комиссарами присягнули утвердить се обѣхъ стороны разорять Украину, отчизну нашу милую, истребивъ въ пей всѣхъ жителей большихъ и малыхъ: для этого Москва да а Ляхамъ на наемъ чужеземного войска 14 миллионъ въ денегъ». Говоря такимъ образомъ Брюховецкій не ошибался, а лгалъ, лгалъ завѣдомо. «Праведно ли Москва учинила, продолжалъ онъ, этотъ злостный обманщикъ, что съ древними врагами православнаго христіянства, Ляхами, побратавшимися, постановили, слобожанъ захвативъ, какъ скотъ, въ Сибирь загнать, славное Запорожье и Донъ разорить и въ конецъ истребить, чтобы на тѣхъ мѣстахъ, где православные христіяне отъ кровавыхъ трудовъ пытаются, стали дикия шоля, звѣрамъ обиталища?..»

Мудренъ ли, что слыши или читая такія слова, казаки и крестьяне заволновались? А въ то же самое время Брюх вецкій писалъ въ Москву, призываю Бога въ свидѣтели своей вѣрности. Нѣсколько воеводъ московскихъ было умерщвлено обманутымъ народомъ, нѣсколько русскихъ

отрядовъ перебито. Но торжество лживаго гетмана было кратковременно: изъ-за Днѣпра нагрянулъ Дорошенко съ Татарами и казаками и прислалъ ему сказать, чтобы онъ «поклонился ему булавою». Брюховецкій и хотѣлъ было противиться, но собственныя его казаки схватили его и привели къ Дорошенку, который велѣлъ снять ему голову.

Тогда Дорошенко провозгласилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Но въ то же время явились ему соперники. Король польскій поставилъ другаго гетмана, отъ которого надѣялся болѣе вѣрности; въ Запорожье выбрали еще другаго: Хмельницкій въ то же самое время воевался со стороны Крыма, наконецъ казаки, остававшіеся вѣрными Москвѣ, поставили на гетманство полковника Многогрѣшнаго,—и всѣ эти четыре гетмана укоряли одинъ другаго въ измѣнѣ, полки одного сшибались съ полками другаго, разоряли города и села, стоявшіе за ихъ противниковъ, истребляли или продавали въ цеволю людей. — а между тѣмъ Татары разграбливали по Украинѣ, какъ по завоеванной странѣ, да и рати царскія и королевскія не безъ отягощенія для народа ходили по ту и по другую сторону Днѣпра.

Какъ же было выйтіи изъ всей этой неурядицы? Дорошенко, какъ и Богданъ Хмельницкій, какъ и всѣ другіе гетманы, замышлялъ сдѣлать Украину особымъ государствомъ; но это очевидно не удавалось: Украина была слишкомъ слаба, и, главное, въ ней слишкомъ мало было порядка, чтобы достигнуть этого собственными своими силами, потому что всѣ гетманы, отъ Богдана до Дорошенка, призывали помочь то Россіи, то Польши, то Турціи, почти всегда съ тайнымъ намѣреніемъ обмануть ихъ. Которая же изъ этихъ трехъ державъ восторжествуетъ на Украинѣ? Безъ сомнѣнія, та, которая всего ближе къ украинскому народу по племени, по языку и по вѣрѣ, и на сторонѣ которой, при всей своей шатости, всегда оставались часть казаковъ, большинство горожанъ и почти все крестьянское и духовное сословія. Но необходимо было, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Москва показала, что въ отношеніи ея обѣщаніями не шутить, что она въ состояніи защитить своихъ друзей и покарать своихъ враговъ; необходимо наконецъ было, чтобы она исполнила предѣлъ этой шатости, которая грозила окончательно истребить несчастную Украину.

Въ настоящее время обстоятельства для Москвы были довольно благопріятны: войны ея прекратились, и рати были на готовѣ. Новый гетманъ, Многогрѣшный, по примѣру своихъ предшественниковъ, замыслилъ измѣнить, пустивъ въ ходъ старую сказку о томъ, что Киевъ и Малороссію царь хочетъ уступить Польшѣ, что казакъ въ обратятъ въ драгуны, а крестьянъ обуютъ въ лапти и переселить въ Сибирь. Замыселъ этотъ былъ открытъ; гетманъ съ несколькими своими пособниками взялъ и веревезенъ въ Москву, где ихъ всѣхъ допрашивали съ изѣтки и сослали въ Сибирь; туда же былъ отправленъ (впрочемъ, скоро возвращенъ) и къ шефу атаманъ Сѣрко, выставившій, какъ сказано самозванца, а самъ самозванецъ казненъ въ Москве. Эти строгости, а еще болѣе сильное войско мос-

ковское, вступившее въ Малороссію, отрезвили казаковъ. Немедленно собрана была рада для избранія новаго гетмана. Выборъ про-исходилъ тихо и чинно; города сами просили присылки воеводъ цар-скихъ для защиты отъ своевольныхъ полковниковъ; имъ же, воеводамъ, престяне приносили жалобы на разореніе, чинимое казачью старши-ной; деревенскіе священники встрѣчали ихъ съ колокольнымъ звономъ, а затѣмъ уже войсковой и духовной знати трудно было хитрить и двое-душничать. Отъ новаго гетмана Самойловича было потребовано, чтобы онъ прислалъ въ Москву двоихъ сыновей своихъ, которые тамъ и оста-вались, въ видѣ заложниковъ.

Между тѣмъ изъ-за Днѣстра и Буга появились Турки, призванные Дорошенкомъ. Ихъ было, сказываютъ, до 300 тысячъ. Они взяли нѣ-сколько городовъ въ Подоліи и сильную польскую крѣпость Каменецъ; вездѣ, гдѣ проходили они, церкви были обращаемы въ мечети, а народъ уводимъ въ пленъ. Такой страшной грозы давно не бывало на Украи-нѣ, хотя она и много испытала грозъ въ послѣднее время. Турки бы-стро поднягались къ Днѣпру, и народъ съ ужасомъ бѣжалъ передъ ними, моля о защитѣ и проклиная Дорошенка. Польша, которой по Андрусов-скому договору обѣщана была Россіею помошь противъ Туровъ, потре-бовала этой помоши, и царь послѣшиль ее прислать, тѣмъ болѣе, что боялся, какъ бы не прорвалась турецкая сила и за Днѣпъ. Онъ объявилъ, что въ случаѣ надобности пойдетъ отстаивать Киевъ самъ своею особой.

Королемъ польскимъ былъ въ это время сынъ того самого князя Виш-невецкаго, который отличался въ войнѣ противъ казаковъ при началѣ возстанія; сынъ былъ очень мало похожъ на отца, человѣка хотя же-стокаго, но твердаго и мужественнаго. Нашествіе Туровъ привело коро-ля Михаила Вишневецкаго въ такой ужасъ, что онъ послѣшиль заклю-чить съ ними миръ и уступилъ имъ всю Заднѣпровскую Украину. Эта постыдный миръ развязывалъ руки царю и отнималъ у Польши право требовать възвращенія Киева, какъ это было условлено по Андрусов-скому договору. Царскія войска перешли за Днѣпъ вмѣстѣ съ лѣвобе-режскими казаками, и хотя некоторые города, въ которыхъ сидѣли До-рошенковы подручники, не сдавались, но вообще народъ радостно встрѣ-чалъ царскіе полки. Видя это, главный воевода, князь Ромодановскій и Самойловичъ предложили Заднѣпровцамъ отстать отъ Дорошенка и выбрать себѣ новаго гетмана. Собралась рада и провозгласила Самой-ловича, который такимъ образомъ сдѣлался гетманомъ всей Украины.

Между тѣмъ Михаилъ Вишневецкій умеръ. Преемникомъ его былъ избранъ знаменитый воинъ, гроза Туровъ, Янъ Гобескій. Онъ не хотѣлъ подчиниться договору, которымъ его предшественникъ отказывал-ся отъ Украины и вступилъ въ нее съ войскомъ. Итакъ, въ этой не-счастной странѣ опять сошлись войска русскія, польскія и турецкія (не считая татаръ), притаптывая поля, выжигая города и заливая селенія кровью. Народъ, приведенный въ отчаяніе, переходилъ толпами за Днѣпъ. гдѣ было не въ прамѣрѣ безопасище. По счастію, Турки не могли оставаться

долго на Украинѣ, потому что она была слишкомъ отдалена отъ турецкихъ владѣній; дѣла Польши тоже не позволяли ея храброму королю ратовать противъ Украинцевъ. Все это облегчало успѣхи московскимъ воеводамъ. Они наконецъ обложили Дорошенка въ Чигирии и принудили его сдаться.

Это было началомъ замиренія и усмокенія заднѣпровской Украины, въ которой тридцать лѣтъ почти безпрерывно лилась кровь. Дорошенко былъ вызванъ въ Москву, близъ которой была ему дарована богата волость. Юрій Хмельницкій, который въ послѣднее время сильно мутить Украину, куда-то исчезъ: полагаютъ, что онъ былъ убитъ Турками или Поляками. Около этого же времени умеръ и кошевой атаманъ запорожскій, Сѣрко, отважный казакъ, отчаянныи сорви-голова, которому все равно было за кого и противъ кого воевать, лишь бы воевать. Всѣ эти мутители Украины, «крови заводчики», какъ говорили въ старину, перестали такимъ образомъ мутить и заводить неурядицу. Наступило, казалось, время присоединять и правый берегъ Днѣпра къ Русскому государству; но Россія боялась вступить чрезъ это въ новую войну съ Турцией, а также и съ Польшей, которая, какъ сказано, не признала уступки, сдѣланной королемъ Михаиломъ. Царь Алексѣй скончался вслѣдъ за взятиемъ Дорошенка, а сынъ и преемникъ его, Феодоръ, менѣе думалъ о пріобрѣтеніи новыхъ земель, чѣмъ объ устройствѣ тѣхъ, которыхъ уже Богъ даровалъ ему. Онь пожелалъ заключить миръ съ Турками, и миръ этотъ, подписанный въ 1682 г., постановилъ границею между Россіей и Турцией рѣку Днѣпъ. Украина была такимъ образомъ раздѣлена на двѣ части.

VII.

Положеніе Польского государства въ XVII вѣкѣ.—Избрание королемъ Августа Саксонскаго. — Жалкое положеніе православныхъ въ Западной Руси. — Военное управление въ Малороссіи.—Друзья и недруги Московскіе.—Московскій договоръ 1686 года.—Первый крымскій походъ.—Пожаръ въ степи.—Мазепа.—Низложеніе Самойловича и избрание Мазепы.—Второй крымскій походъ.—Сношенія Мазепы съ Польшей.—Виды Царя Петра на морскія прибрѣзья.—Вѣна со Шведами.—Сношенія Мазепы съ приверженцами Шведскаго короля.—Онь спасается съ Карломъ XII.—Доносы Кочубея и его казнь.—Интриги Мазепы въ Малороссіи.—Онь отѣвѣжается въ шведскій станъ (1709). — Скоропадскій. — Полтавское сраженіе (1709 г. 27 июня).

Теперь намъ надо будетъ пріостановиться въ нашемъ разсказѣ и сообразить все то, къ чему привели восстанія и войны, продолжавшіяся на Украинѣ, и даже не только на Украинѣ, но и въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, почти безпрерывно сто лѣтъ.

Эти восстанія и эти войны были причинены желаніемъ польского правительства и особенно духовенства притеснить православную вѣру и заставить русскій народъ забыть, что онъ русскій. За это несчастное желаніе Польша была жестоко наказана. Съ этого времени начинается

ея паденіе,—паденіе, продолжавшееся двѣстѣ лѣтъ и кончившееся тѣмъ, что сосѣднія государства разобрали ее по частямъ.

Было время, и даже не далѣе какъ при Стефанѣ Баторіѣ, когда Польша была го сударствомъ сильнымъ и славнымъ, она въ это время одолѣвала Московское царство; Полякъ не безъ основанія могъ тогда гордиться передъ Москвичемъ. Но царствованіе Стефана было послѣднее славное царствованіе въ Польшѣ. Вскорѣ послѣ него, и даже отчасти уже при немъ, начали появляться сперва въ самой Польшѣ, а потомъ и въ Литвѣ, и на Руси, іезуиты, которые и подняли всѣ вышеразсказанныя гоненія за вѣру. имѣвшія такія несчастныя для Польскаго государства послѣдствія. Около этого же времени начинаются и другіе беспорядки, приведшия это государство къ паденію. Издавна престолъ польскій не переходилъ отъ отца къ сыну, какъ во всѣхъ другихъ странахъ, а доставался тому, кто былъ избранъ шляхетствомъ. Но пока не прекращался домъ Ягелла, на тронъ польскій избирались только лица принадлежавшія къ этому дому. Послѣ же того, какъ родъ Ягелла прекратился, Поляки стали избирать въ короли принцевъ французскихъ или шведскихъ, кнзей седмиградскихъ или наконецъ природныхъ Поляковъ, требуя при этомъ отъ каждого новаго короля новыхъ льготъ для себя.

Но для кого эти льготы требовались? Только для тѣхъ, кто имѣлъ право избирать короля. А кто имѣлъ право избирать короля? Одно дворянство. Итакъ, дворянство получало все болѣе и болѣе льготъ, правъ и вольностей. Однимъ дворянамъ предоставлена была честь защищать отечество, быть «рыцарями» или воинами, пріобрѣтать славу, почести: они одни также могли владѣть имѣніями, быть судьями, правителами областей, епископами. Итакъ, слава, богатство, власть—все было предоставлено однимъ дворянамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, владѣя необъятными имѣніями, какъ напримѣръ Радзивиллы, Потоцкіе, Вишневецкіе, Сапѣги, Любомирскіе сдѣлались мало-по-малу настоящими государями въ своихъ земляхъ: каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ придворныхъ, свое войско, свои замки, и эти маленькие царьки нерѣдко вели войны между собою, нерѣдко также вели войны и съ самимъ королемъ. Не трудно понять, что они не обращали ни малѣйшаго вниманія на рѣшенія судовъ, на приказанія воеводъ или каштеляновъ, даже на постановленія сеймовъ и повелѣнія королей. Такъ, король Янъ Казимиръ всею душою желалъ защитить православіе, облегчить участъ крестьянъ, оказать снисхожденіе казакамъ; иногда и сеймы постановляли рѣшенія въ такомъ же духѣ, номагнаты не хотѣли знать ни воли короля, ни постановленій сейма, и если какой-нибудь шанъ былъ очень горячій католикъ онъ, вичѣнье не стѣсняясь, обращалъ своихъ крестьянъ въ унію или католичество, прогонялъ православныхъ священниковъ вѣшалъ или затравливаль исами всякаго, кто хоть мало ему противился. Жизнь каждого человѣка, проживавшаго на земляхъ такого шана, вполнѣ отъ него зависѣла хотя, впрочемъ, законъ никому не позволялъ лишать человѣка жизни; но въ томъ-то и дѣло, что законъ въ Польшѣ ничего не значить; мы видѣли, что одинъ изъ

Потоцкихъ хотѣлъ отрубить голову Богдану Хмельницкому, а сколько перевѣшалъ и пересажаль на колъ Украинцевъ князь Вишневецкій при началѣ возстанія, того и счастье невозможно, хотя онъ не былъ ни гетманомъ, ни воеводою, и не имѣлъ вообще никакой законной власти. Обычай даваль каждому пану на его собственныхъ земляхъ несравненно болѣе власти, нежели королю въ короевствѣ. Власть королевская постепенно стѣснялась, а власть панская постепенно расширялась: это было совершенно противно тому, что происходило во всѣхъ другихъ странахъ. Поэтому все дворянство Европы завидовало польскимъ панамъ, восхищалось ихъ свободою, но иѣщане, мелкое духовчество, даже дробная шляхта и особенно крестьяне, нигдѣ не бѣствовали такъ, какъ въ Польскомъ государствѣ. Счастливцевъ было нѣсколько сотенъ, а несчастныхъ миллионы. Вотъ и причина тѣхъ страшныхъ возстаній, о которыхъ было разсказано; а слабость королевской власти, несогласія и враждамагнатовъ между собою, нежеланіе ихъ поступиться своимъ властію препятствовали подавленію этихъ возстаній, отраженію враговъ иноземныхъ и мѣшали завести порядокъ въ странѣ.

Все это грозило Польскому государству еще болѣе бѣствіями въ будущемъ Государству, это слабѣю съ каждымъ годомъ, а со ѿденія укрѣплялись, и время конечного его паденія приблизжалось. Это замѣчали нѣкоторые проницательные люди даже ранѣе того времени, о которомъ теперь говорится. Придворный проповѣдникъ короля Сигизмунда III-го, по имени Скарга, такъ говорилъ однажды въ дворцовѣ церкви: «Вы, которые управляли міромъ — враги ваши посмѣются надъ вами! Вы лишитесь королей своихъ, лишитесь отечества, языкъ вашъ погибнетъ, вы будете изгнаны и презрѣны тѣми, къ торые нѣкогда страшились и уважали васъ. Погибнете вы не отъ вражескаго нашествія, погибнете отъ внутреннихъ раздоровъ, отъ собственныхъ ошибокъ своихъ. Когда на плодѣ замѣчаютъ порчу, првржденное място вырѣзываютъ, плодъ же сохраняется невредимымъ; но когда выгнила сердцевина, тогда ничего не остается болѣе, какъ бросить плодъ. Это образъ нашей Рѣчи Посполитой, а вы смѣетесь, говорите: ничего, ничего! Польша проникнута враждой, говорю вамъ: она падеть, и вы будете погребены подъ ея развалинами! Вы скажете: давно уже такъ страшася насъ, а вотъ мы еще живемъ. О слѣпцы и безумные! Господь вѣдастъ, когда долженъ прийти часъ его гибѣ. Человѣкъ медленно созидастъ: Богъ ниспровержаетъ его созданія мгновенно.»

Эти грозныя и пророческія слова не измѣнили положенія дѣлъ, не уничтожили вражды между собою, не заставили ихъ подумать, где то выгинвшее мнѣсто, которое надлежитъ вырѣзать, чтобы спасти плодъ. Наиротивъ гниль прошикала глубже, неурядица становилась сильнѣе. Король Янъ-Казимиръ, потерявъ терпѣніе, рѣшился отказаться отъ престола, и при этомъ сказалъ слѣдующія достопримѣчательныя слова, обращаясь къ сейму:

«Дай Богъ, чтобы я не былъ пророкомъ, но говорю вамъ: если вы

не исправите, если не измѣните порядка вашихъ мнимосвободныхъ избраній, если не откажетесь отъ нѣкоторыхъ вашихъ вольностей, Рѣчи Посполитая сдѣлается жертвою иноземцевъ. Москва оторветъ русскія земли и Литву до самаго Буга, Нарева и даже до Вислы, Пруссія отниметъ Великую Польшу и польскую Пруссію; Австрія, видя что другіе дѣлятъ между собою наше добро, кинется на Краковіо и смежныя воеводства, и каждая изъ сосѣднихъ державъ пожелаетъ лучше владѣть частію нашего государства, чѣмъ имѣть его все съ вашими нынѣшними вольностями.

Мы увидимъ, что король предсказалъ все то, и совершенно такъ, какъ случилось черезъ сто лѣтъ послѣ него: Россія, Пруссія и Австрія взяли у Польши именно то, что онъ говорилъ, а чтобы показать на самомъ дѣлѣ всѣ беспорядки, все нестроеніе Рѣчи Посполитой, мы разскажемъ какъ происходило избраніе короля послѣ смерти Яна III.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ о смерти этого короля, явилось 43 охотниковъ ему наслѣдовать; изъ нихъ нѣкоторые были Поляки знатныхъ фамилій и иностранные принцы. Избраніе королей производилось на шляхетской радѣ близь Варшавы. Эта рада называлась сеймомъ, но онъ не походилъ на прочіе сеймы: тамъ собирались только послы или выборные люди отъ воеводствъ и повѣтовъ, а на сеймъ избирательный могъ пріѣхать всякий шляхтичъ и подавать свой голосъ. Такимъ образомъ собиралось иногда нѣсколько десятковъ тысячъ избирателей, и чтобы быть избраннымъ, нужно было по закону имѣть за себя всѣхъ безъ исключенія этихъ избирателей. Мы сейчасъ увидимъ какъ достигали рѣшенія такой мудреной задачи.

Послѣ смерти короля Яна, болѣе всѣхъ имѣть сторонниковъ французскій принцъ; послѣ французскій сулилъ отъ его имени горы золота и сильное войско противъ Турокъ и Русскихъ. Послѣднимъ вписался въ число кандидатовъ государь небольшой нѣмецкой земли, Саксоніи, по имени Августъ. Онъ даже вовсе не думалъ искать польской короны: его подбилъ на это одинъ польскій сенаторъ, который разсчелъ, что для него будетъ не безвыгоднымъ дѣломъ, если нѣсколько миллионовъ талеровъ пройдетъ черезъ его руки. Августъ имѣть деньги и былъ честолюбивъ; предложеніе ему понравилось.

— Но я лютеранинъ, сказалъ онъ своему совѣтнику; — а король польскій непремѣнно долженъ быть католикомъ.

— Я тоже былъ протестантомъ, отвѣчалъ тотъ, но перемѣнилъ религию, чтобы быть сенаторомъ: неужели ваша свѣтлость не сдѣлаете того же, чтобы попасть въ короли?

Августъ нашелъ, что это замѣчаніе дѣльно, отсыпалъ Поляку около двухъ миллионовъ талеровъ и велѣлъ ему набирать себѣ сторонниковъ.

Въ короткое время саксонскіе талеры сдѣлали свое дѣло и переманили на сторону Августа многихъ сторонниковъ французскаго принца: Франція, только сулила деньги, а Саксонія платила чистыми. Однако, когда собрался сеймъ, то на сторонѣ французской оказалось народу все еще

болѣе, чѣмъ на саксонской, чо за то эти послѣдніе были люди рѣшительные. Въ то время, какъ старшее духовное лицо въ государствѣ, примасъ, торжественно объявлялъ, что волею народною избранъ принцъ французскій, пока совершалось благодарственное молебствіе и варшавскія пушки громко палили, саксонскіе приверженцы собрались и признали королемъ Августа, одинъ изъ епископовъ провозгласилъ ему многолѣтіе, и нѣсколько цушенекъ выпалило въ его честь. Все это произошло, конечно, не безъ суматици, не безъ крика, не безъ обиженныхъ сабель; нѣсколько человѣкъ лишились даже жизни; одна сторона другую называла измѣнниками, и дѣло, конечно, не обошлось бы безъ междуусобной войны. Но французскій принцъ былъ далеко, а саксонскій герцогъ — на границѣ Польши, и какъ только узналь онъ, чѣмъ кончился сеймъ, то немедленно съ войскомъ своимъ подступилъ къ Кракову. Краковъ былъ въ это время порядочною крѣпостью, которую не легко было бы Августу взять, но онъ открылъ краковскія ворота золотомъ: каштеляну тамошнему, графу Велепольскому, онъ послалъ пять тысячъ талеровъ, а женѣ его драгоценный браслетъ, и вступилъ въ Краковъ, который былъ первымъ городомъ, древнею столицей королевства.

Такъ производились избрания польскихъ государей. Но если въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ назначеніе государя, было столько легкомыслія, неурядицы и продажности, то можно-ли удивляться, что въ судахъ не было правды, въ управлении — порядка, и что неурядица господствовала во всей Рѣчи Посполитой?

Казалось бы, страшное возстаніе казаковъ и потеря Малороссіи должны образумить Поляковъ и показать, какъ опасно оскорблять вѣру народа и презирать народъ. Еще недавно, во времена Выговскаго, были на сеймѣ голоса, которые сильно порицали угъченіе казаковъ и Украины. Но послѣднія несчастія, непесенные Рѣчью Посполитою, только раздражили Поляковъ, не сдѣлавъ ихъ ни благоразумище, ни осторожище. Замѣчая, что вообще Русскіе и православные были врагами Польши, они рѣшились всѣхъ ихъ обратить въ латинство, не останавливаясь ни предъ какими насилиями, ни предъ какими жестокостями. Дѣло это началось съ Бѣлоруссіи. Славное братство виленское, которое такъ сильно дѣйствовало въ первыя времена упіи, было мало-по-малу доведено до совершенного ничтожества. Въ Могилевѣ, гдѣ лѣтъ сто тому назадъ, приготовились было встрѣтить Іосафата Кунцевича цушенками, въ Витебскѣ, гдѣ того же Кунцевича постигъ такой жалкій конецъ, уже почти не оставалось православныхъ церквей. Недалеко оттуда, въ Полоцкѣ, одномъ изъ самыхъ старинныхъ русскихъ городовъ, современномъ Новгороду и Кіеву, свили себѣ прочное гнѣзда іезуиты и двигали оттуда всѣмъ, что клонилось къ истребленію православія. Изъ пяти православныхъ епархій, бывшихъ нѣкогда въ западной Руси и Литвѣ, оставалась всего одна, Бѣлорусская, и въ епархіи этой до двухъ сотъ православныхъ церквей было обращено въ упію или латинство. Такъ было послѣ казацкихъ войнъ къ сѣверу отъ Приднѣстровья. Къ югу отъ этой рѣки было иначе, но не лучше:

этот прекрасный край почти обратился въ пустыню: гордые панскіе замки стояли обгорѣлыми развалинами; множество городовъ было пожжено, деревни оставались пустынны; большая часть народа либо была истреблена, либо перебралась за Днѣпръ и въ Запорожье. Когда же Украина начала опять заселяться, когда паны стали возвращаться въ свои замки, а крестьяне въ свои убогія хаты, то и здѣсь началось тоже, что въ Литвѣ и Бѣлоруссіи: и здѣсь старины славныхъ братствъ львовское и луцкое, были совершенно уничтожены; Галиція вся обращена была въ унію.

Сравнительно съ Бѣлоруссіей, Литвой и землѣюровскою Україной, Украина русская, или Малороссія, могла почитать себя счастливою. Вѣра и языкъ ея были свято уважаемы, но нельзя сказать, чтобы и тамъ не происходило частыхъ насилий и несправедливостей. Когда началось казацкое возстаніе, Богданъ Хмельницкій сдѣлался полнымъ господиномъ всей Україны; власть его несравненно превышала власть прежнихъ гетмановъ. При польскомъ владычествѣ существовали тамъ суды; Хмельницкій ихъ уничтожилъ почти всѣдѣ; всѣ тяжбы и споры решалась казацкими полковниками и сотниками; а гдѣ еще по городамъ суды оставались тамъ полковники и сотники были предсѣдателями, и все дѣлалось въ судахъ этихъ по ихъ волѣ. Такимъ образомъ, вся власть была въ рукахъ казацкаго войска и его главнаго начальника, гетмана. Онъ назначалъ и смѣнялъ войсковую старшину, раздавалъ земли полковникамъ, награждалъ ихъ, или снималъ имъ головы; решалъ затруднительныя тяжебныя дѣла; словомъ, былъ на Українѣ болѣе самовластнымъ государемъ, чѣмъ русскій царь.

Понятно, что ему не совсѣмъ пріятно было сдѣлаться слугою московскаго государя. Необходимость принудила его однажды къ этому. Но согласившись поклониться царю, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, чтобы на Українѣ все ему попрежнему подчинялось и чтобы всякая власть, всякое значеніе исходили изъ его воли. Пока гетманствовалъ Богданъ, этотъ старый «батько» казачий уважаемый всѣмъ украинскимъ народомъ, за нимъ можно было еще оставить такую власть; но нельзя было оставлять ее другимъ гетманамъ, и вотъ почему, при каждомъ избрании въ статьяхъ, которыхъ новый гетманъ долженъ быть подписанъ, оговаривалось, чтобы онъ не смѣть своюю властію смѣщать полковниковъ, казнить смертю людей всякаго рода и обсыпаться посланиками съ иноzemными государями. Подчиняясь такимъ статьямъ, гетманы малороссійскіе уже переставали быть независимыми господарями и становились простыми намѣстниками царскими, что было имъ весьма непріятно.

Не нравилась подобныя перемѣны и старшинѣ казацкой, ибо, хотя они уже менѣе зависѣли отъ гетманской прихоти, но за то и ихъ власть надъ казаками и крестьянами тоже была ограничена. Съ этой цѣлію сначала въ трехъ, а потомъ еще въ несколькихъ другихъ городахъ, находились воеводы царскіе: они должны были наблюдать, чтобы начальные люди казацкіе не чинили притѣснений, чтобы суды не постановляли рѣше-

ній по прихоти этихъ людей, и чтобы поборы съ крестьянъ оставались не въ сундукахъ гетмана и старшины, а дѣйствительно шли бы на содержаніе войска и на другія общія потребности.

Новые порядки, порядки «московскіе», не нравились начальнымъ людямъ между казаками. Польская вольница, гдѣ тотъ, кто былъ силенъ и знатенъ, былъ и правъ, была имъ милѣе. Вотъ почему они такъ негодовали на московскихъ воеводъ по городамъ, кричали, что Москва нарушаетъ казачью вольность, и распускали слухи, что она х четъ казаковъ обратить въ драуги или солдагъ, а крестьянъ обуть въ лапти.

Не совсѣмъ расположено было къ Москвѣ и высшее духовенство украинское: оно искало защиты Россіи, какъ страны православной, но видѣло, что Русскіе архіереи не заѣдаютъ, подобно польскимъ бискупамъ, въ сенатѣ, не владѣютъ огромными имѣніями, не ходятъ въ золотѣ и бархатѣ и, кроме духовныхъ своихъ обязанностей, во всемъ прочемъ должны подчиняться волѣ царя. Они замѣчали также, и не безъ основанія, что московское духовенство было менѣе ихъ образовано. Въ самомъ дѣлѣ, между монахами, и особенно архіереями украинскими, нерѣдко бывали люди ученые; таковы были: архимандритъ Иннокентій Гизель, составившій первую исторію Россіи, черниговскій еп скопъ Лазарь Барановичъ, и особенно, молодой еще въ то время монахъ, а потомъ архіепископъ ростовскій, Дмитрій, собравшій жизнеописанія святыхъ отцовъ (Четын-Минеи), извѣстныя всей Россіи. Образованіе украинскіе архіереи иногда съ пренебреженіемъ смотрѣли на свою московскую братию, а тѣ съ своей стороны находили, что украинское духовенство наклонно къ латинской ереси.

По всѣмъ этимъ причинамъ, и старшина казачья, и духовенство, желали бы соединиться съ Россіей, но не подчиняться ей, а оставаться въ такомъ положеніи, въ какомъ первоначально была Литва относительно Польши, съ тѣмъ чтобы свободно наносить надъ простымъ народомъ.

Первый изъ гетмановъ, который рѣшился отказаться отъ пустыхъ надеждъ господствовать надъ Малороссіей, былъ Самойловичъ. Онъ не хлопоталъ о томъ, чтобы поддерживать Малороссію, какъ особую страну, но, напротивъ, старался сближать ее, установить сношенія съ Россіей и, между прочимъ, въ даль свою дочь за одного изъ русскихъ бояръ. Скоро, какъ мы увидимъ, и высшее духовенство малороссійское вошло въ тѣсную связь съ московскимъ.

Во времена управлѣнія Самойловича Малороссіей, Россія предприняла войну противъ Турии. Война эта началась съ того, что Турки сдѣлали жестокій набѣгъ на Австрію. Польский король, который въ это время былъ еще Янъ III, бывъ союзникомъ Австріи, жестоко разбилъ Турокъ, и желая нанести этимъ врагамъ христіянства рѣшительный ударъ, приглашалъ и Россію присоединиться къ нему. Въ Россіи царствовали въ это время два царя вмѣстѣ, братья умершаго не задолго передъ тѣмъ Феодора Алексѣевича, Иоаннъ и Петръ; а какъ первый изъ нихъ былъ слабъ, а второй малолѣтъ, то дѣлами управляла сестра ихъ, царевна

Софія. Предложение польского короля было заманчиво и, казалось, обещало успехъ, потому что почти поль-Европы ополчалось противъ Турции; Россіи, следовательно, предстояло одинъ на одинъ перевѣдываться съ Татарами. Но царевна, соглашаясь на предложенія польского короля, не упустила выговорить нѣкоторыя выгоды для Россіи а именно: она потребовала, чтобы Польша уступила нѣсколько городовъ въ Бѣлоруссіи, отказалась отъ Кіева навсегда (по Андрушовскому договору онъ былъ уступленъ на время), и чтобы царамъ русскимъ было предоставлено ходатайствовать за своихъ единовѣрцевъ, живущихъ на земляхъ Рѣчи Посполитой. Послѣ долгихъ споровъ, всѣ эти требованія были исполнены, и договоръ подписанъ въ Москвѣ въ 1686 году.

Согласно этому договору, въ слѣдующемъ году собралась сильная рать, подъ начальствомъ любимца царевны, князя Голицына. Къ ней присоединился и Самойловичъ съ казаками. Самойловичу, впрочемъ, не правился этотъ походъ; онъ бытъ заклятой врагъ Польши и не одобрялъ союза съ нею. Притомъ, онъ былъ не въ ладахъ съ главнымъ воеводою.

Соединенные войска московскія и казацкія перешли черезъ рѣку Семару и направились широкою степью къ Крыму. Онишли спокойно, не тревожимыя непріятелемъ; Татары вовсе не показывались. Но когда они перешли Конскія Воды ихъ охватилъ пожаръ: вся степь горѣла. Ни лошадямъ корма, ни воды для шитья не откуда было достать, а между тѣмъ ежеминутно грозила опасность, что отъ искръ, разносимыхъ вѣтромъ вспыхнуть пороховые ящики; горячій пепель жегъ ноги людямъ и лошадямъ. Голицынъ попробовалъ сдѣлать нѣсколько переходовъ по этому страшному непелищу, но иаконецъ принужденъ былъ воротиться.

Непріятно ему было возвращаться съ пустыми руками, ничего не промысливъ; у него много было враговъ въ Москвѣ которые, онъ зналъ, не преминутъ воспользоваться его неудачей. Въ это время между ратными людьми прошелъ слухъ, что степь подожжена по приказанію гетмана, и слухъ этотъ дошелъ до главнаго воеводы. Отъ кого вышелъ этотъ стухъ? Нензвѣстно, но врядъ-ли не отъ генерального есаула казачьяго, Ивана Мазепы.

Лукавый человѣкъ этотъ, Мазепа, служилъ у Дорошенка во время казачьихъ войнъ, быть взятъ въ плѣнъ, представленъ русскимъ властямъ, передъ которыми очистилъ себя, показавъ все, что зналъ о замыслахъ заднѣпровскаго гетмана; вошелъ въ довѣріе у Самойловича, занесъ расположение московскихъ бояръ и теперь уже самъ мѣтилъ въ гетманы. Изъ всей казачьей старшины, онъ пользовался наибольшимъ расположениемъ Голицына, часто бывалъ у него, видѣлъ его огорченнымъ, встревоженнымъ своею неудачею и, какъ полагаютъ, придумалъ свалить на гетмана причину этой неудачи. Никакихъ важныхъ оснований къ обвиненію Самойловича не было но онъ не одобрялъ войны съ Крымомъ, медленно собирался въ походъ, а во время похода громко высказывалъ свое неодобрение: «купила Москва лихъ за свои гроши», говоривъ онъ и предсказывалъ, что успѣха не будетъ. Потомъ, такъ какъ Самойловича не

любила старшина, за то, что онъ ей не потворствовалъ, ни казаки, за то, что онъ наложилъ откупъ на вино, то нашлись люди, которые стали говорить, что онъ давно уже замышляетъ измѣну, что его жена, гетманша, о томъ даже проговорилась. Распускались и другіе тому подобные пустые слухи. Но слухи эти пришли кстати, и Голицынъ не остановилъ ихъ. Старшина была этому рада и подала главному воеводѣ доносъ, въ которомъ обвиняла своего гетмана въ измѣнѣ царю, въ притѣсненіяхъ, лихомствѣ и самоуправствѣ. Голицынъ принялъ этотъ доносъ и отправилъ его въ Москву, а между тѣмъ казаки до такой степени раздражились противъ гетмана, что ему уже не безопасно было между ними оставаться; онъ перебрался изъ казачьяго обоза въ московскій.

Скоро послѣдовало рѣшеніе по поводу казачьяго доноса: Голицыну предписывалось смѣнить Самойловича, «буде онъ казакамъ не годенъ, и сослать его куда пристойно». На мѣсто же его выбрать другаго, вольными голосами. Въ обозѣ русскомъ Самойловичъ находился подъ присмотромъ, а въ ночь, послѣдовавшую за получениемъ указа о его смѣнѣ, съ него не спускали глазъ. Скорбѣла душа его отъ незаслуженной клеветы. Рано утромъ пошелъ онъ въ походную церковь и молился, когда его потребовали къ главному воеводѣ. Онъ отравился туда какъ былъ въ утреннемъ длинномъ кафтанѣ, съ головою повязаною платкомъ, опираясь на свою гетманскую булаву. Въ разрядномъ шатрѣ уже собрана была старшина—его враги и донощики, а также и русскіе воеводы. Тамъ ему прочли доносъ; онъ хотѣлъ оправдываться, но казаки подняли шумъ, выхватили было сабли и требовали, чтобы онъ былъ казненъ; едва согласились они удовольствоватьсь его ссылкой. У Самойловича отобрана была булава, и онъ взятъ подъ караулъ. Затѣмъ казачьему войску объявили о смѣнѣ гетмана и о соизволеніи царскому избрать новаго, для чего и назначена была черезъ два дня общая рада.

Все это происходило на рѣкѣ Коломакѣ, недалеко отъ Полтавы. 25-го июля 1687 года на широкой равнинѣ, между обозами казачьими и московскими, былъ разбитъ церковный шатерь; къ нему съ ранняго утра высыпало все казачье войско для избранія новаго гетмана. Часу въ десятомъ изъ казачьяго обоза стали выѣзжать на своихъ проворныхъ, быстрыхъ коняхъ казачьи полковники и другая старшина; а изъ русского стана воеводы московскіе въ высокихъ собольихъ шапкахъ, широкихъ охабияхъ, на статныхъ аргамакахъ, которыхъ уздечки и наперсыя были выложены серебряными монетами и увѣшаны бубенчиками. Пріѣхалъ наконецъ и Голицынъ, отслушать объданію и затѣмъ приказалъ приступить къ избранію. Зашумѣла казачья толпа и заколыхалась какъ море; среди всего этого шума явственно и громко слышалось имя Ивана Мазепы. «Кого вы желаете имѣть гетманомъ?» спросилъ Голицынъ.—«Ивана Мазепу!» отвѣчала толпа. Тогда Голицынъ взялъ булаву, бунчукъ и печать и передалъ ихъ Мазепѣ.

Казаки ликовали нѣсколько дней въ честь своего новаго избранника, а старый ихъ гетманъ между тѣмъ, въ престой телѣгѣ, подъ карауломъ,

отправлялся въ ссылку. Мазепѣ было въ это время лѣтъ 45. Онъ былъ высокій, статный мужчина, сухощавый и смуглый. Видъ его былъ строгъ, и даже суровъ, но за обѣдомъ и въ пріятельскомъ кругу, а также съ женщинами, онъ умѣлъ и посмѣяться и сказать забавное слово. Подобно Богдану Хмельницкому онъ говорилъ, повидимому, откровенно, выкладывая, какъ говорится, всю душу на ладонь; но сегодня онъ говорилъ одно, а завтра другое, и врядъ ли былъ человѣкъ, который могъ бы сказать, что онъ знаетъ Мазепини мысли. Въ этомъ отношеніи онъ также какъ и старый Богданъ, былъ достойный ученикъ іезуитовъ. Онъ былъ природный казакъ, по началу службу при дворѣ короля Яна Казимира въ званіи пажа. Тамъ онъ научился ловкому обращенію и искусству нравиться нужнымъ ему людямъ, а также и женщинамъ. Жизнь при тогдашнемъ польскомъ дворѣ была веселая, но довольно распутная. Мазепа завелъ связь съ женою какого-то пана и имѣлъ съ нею тайныя свиданія по ночамъ, въ ея имѣніи, бывшемъ на Волыни. Случилось однажды, что мужъ узналъ обѣ этой связи, подкараулилъ Мазепу съ нѣсколькими своими слугами и, раздѣвъ его до нага, велѣлъ прикрутить его къ собственной его лошади: потомъ этой лошади дали нѣсколько арапниковъ и разжегши ее такимъ образомъ до бѣшенства, пустили на всѣ четыре вѣтра. Конь ринулся и понесся степями и лѣсами, прыгая черезъ сваленные бурею шипы и переплывая черезъ потоки. Недривычная поша на его спинѣ и веревки, которыми она была привязана, безшокоили, подстрекали его; онъ мчался до тѣхъ поръ, пока не гримулся земь безъ дыханія. Мазепа тоже былъ полумертвъ; но по близости того мѣста, гдѣ палъ его конь, находилось селеніе; какая-то казачка, проходя мимо, отвѣзала его, да да пить и возвратила къ жизни. Затѣмъ онъ записался въ казаки и служилъ при Дорошенкѣ противъ Россіи, и наконецъ сдѣлался гетманомъ съ утвержденіемъ русскаго двора.

Статьи, которыя были подписаны Мазепой при его избраниі, вообще подтверждали прежнія, но были выгоднѣе для казачьей старшины чѣмъ подписанныя Самойловъ чѣмъ: имѣнія старшины велѣно освободить отъ всякихъ поборовъ, подтверждено, чтобы гетманъ не отрѣшалъ своею властью начальныхъ людей, чтобы воеводы царскіе не вмѣшивались въ судъ и управлениѣ; гетманъ, однажды, обязался стараться о сближеніи малороссийскаго народа съ великороссійскъ посредствомъ браковъ и, сказано въ статьяхъ, «чтобы никто голосовъ такихъ не исpusкалъ, что Малороссійскій край гетманскаго регимента». Гетманъ обязывался также не имѣть сношеній съ другими государствами, кроме развѣ сминыхъ простыхъ пограничныхъ споровъ. Съ другой стороны, онъ выговорилъ себѣ, чтобы навѣтамъ противъ него въ Москвѣ не давали вѣры. Черезъ годъ послѣ первого крымскаго похода, былъ Голицынымъ предпринятъ другой, такой же неудачный; это произвело большое неудовольствіе въ Москвѣ. Больѣ всѣхъ негодовалъ царь Петръ, которому былъ уже шестнадцатый годъ, который не любилъ Голицына и тяготился властю царевны-правительницы. Онъ свергнулъ эту власть вскорѣ послѣ втораго крымскаго похода и заключилъ

царевну въ монастырь. Съ того времени, хотя старший братъ его Иоаннъ и соцарствовалъ ему еще нѣсколько лѣтъ, но будучи слабъ духомъ и здоровьемъ, предоставилъ всѣ дѣла Петру.

Переворотъ этотъ засталъ Мазепу на пути къ Москвѣ. Царевна была еще въ кремлевскихъ палатахъ и писалась *самодержицею*, а Петръ находился въ Троицко-Сергіевской лаврѣ съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему солдатъ. Проницательный гетманъ немедленно понялъ однакожъ, что побѣда будетъ на сторонѣ Петра, а потому тотчасъ къ нему и обратился, минулъ царевну, и ея любимца, а своего милостивца, Голицына. Онъ очень понравился царю и сблизился съ молодыми людьми, которые его окружали и которые со временемъ сдѣлялись значительными государственными сановниками.

Устроивъ дѣла свои въ Москвѣ, Мазепа началъ прописки въ Польшѣ и пересыпался съ прежними пріятелями своими чрезъ одного чернеца. Въ Польшѣ были рады всякому, кто только вызывался замутить Малороссию: «въ Божіе время работайте и промышляйте какъ бы снять иго съ вольной шеи своего народа», писалъ къ Мазепѣ одинъ уніятскій епископъ; по Мазепа зналъ, что подъ надзоромъ Москвы не легко удаются подобныя продѣлки. «Страшное дѣло мы начали, отвѣчалъ онъ, я бы хотѣлъ, чтобы п рубашка моя о томъ не знала. Не огнемъ играть хочемъ. Дѣло пдетъ о нашихъ женахъ и о нашей жизни».

И точно, тайныя пересылки гетмана не остались незвестными; войсковой писарь, Кочубей, извѣстилъ о томъ Москву, но тамъ ему не повѣрили, а Мазепа, воспользовавшись этимъ, стала жаловаться на то, что онъ окружены врагами, которые желаютъ его погубить за его преданность къ государю и сами втайне мыслятъ зло.

Такія жалобы казались вѣроятными. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ страшной неурядицы во время казачьихъ войнъ, когда мудрено было и самому прозорливому человѣку сообразить, кто враги и кто друзья, когда измѣна была дѣломъ ежедневнымъ, и всякий значительный казакъ переговаривался въ одно время съ Москвою, Польшею, Крымомъ и Турцией; послѣ всей этой всеобщей лжи и измѣны, мудрено было вѣрить пѣвѣтамъ казаковъ: развѣ еще недавно не обнесли они нарасно Самойловича? Всемъ этимъ искусно пользовался Мазепа и забиралъ въ Малороссіи все больше и больше власти. Хотя коломакскими статьями онъ былъ обязанъ не отрѣшать полковниковъ свою властью, онъ находилъ однакожъ возможность улаивать всѣхъ противныхъ ему людей, представляя ихъ неблагонадежными, и возвышать тѣхъ, которые были ему преданы, отзываюсь о нихъ какъ о людяхъ приверженыхъ Россіи. Подъ предлогомъ охраняться отъ злоумышленниковъ, онъ завелъ особую стражу въ 3,000 человѣкъ, посредствомъ которой держалъ въ рукахъ всю Малороссию. Все дѣжалось по его волѣ, все дрожало передъ грознымъ гетманомъ, а такъ какъ для его тайныхъ цѣлей нужны были деньги, и большія деньги, то поборы и взятки еще усиливались въ сравненіи съ прежними.

Король Августъ Саксонскій, объ избраніи котораго было разсказано,

взошелъ на престоль польскій почти въ одно время съ принятіемъ царской власти Петромъ. У обоихъ государей этихъ была одинаковая цѣль —возвратить завоеванія и захваты, сдѣланные иѣкогда Швецію какъ у Польши, такъ и у Россіи: у Польши во времена Яна Казимира, у Россіи во время самозванцевъ Въ это печальное время отъ Россіи отошло между прочимъ все финское прибрежье съ Невою и Ладожскимъ озеромъ, гдѣ стояли старинные города и селенія наши: Ивангородъ (Нарва), Ямъ, Копорье, Орѣшекъ (Шлиссельбургъ) и другіе. Со временеми царя Михаила у Россіи не осталось ни одного моря, кромѣ только Бѣлага, лежащаго въ отдаленномъ пустынномъ краю и запертаго льдами большую часть года: *) Черное море, Балтійское, Финскій заливъ были потеряны. А безъ морскихъ береговъ, въ государствѣ не можетъ быть торговли, безъ торговли —богатства. Возьмемъ, напримѣръ, рѣку Донъ; она протекаетъ по самымъ плодоноснымъ и богатымъ частямъ Россіи; но богатымъ же и доходноснымъ краямъ текутъ ея притоки изъ которыхъ иные судоходны. Какое живое движение можетъ быть по этимъ рѣкамъ и притокамъ: сколько хлѣба, каменного угля, сала и другихъ произведеній можно сплавлять изъ Россіи за границу, и сколько за нихъ вывозить изъ-за границы другихъ товаровъ и денегъ! Но въ то время, о которомъ здѣсь говорится, устья Дона находились во власти Турокъ, которые могли не пропустить суда наши выйти въ море. Въ ихъ же рукахъ находились и устья Днѣпра; во власти Поляковъ —устья Двины; во власти Шведовъ наконецъ —выходъ въ море изъ Ладожского озера, а сѣдовательно изъ озеръ съ нимъ связанныхъ и изъ рѣкъ впадающихъ въ эти послѣднія озера: Свири, Волхова, Ловати, Шелони и другихъ Россіи необходимо было, сѣдовательно, пробиться къ морямъ, и царь Петръ взялся за это дѣло. Продолжая войну съ Турцией, онъ завоевалъ Азовъ при устьѣ Дона. Но чтобы иметь свободный выходъ въ Черное море, нужно было, еще пробиться сквозь Берченскій проливъ, находившійся въ Турсецкой власти; союзники же Россіи, которые подбили ее воевать съ Турцией, между тѣмъ ее оставили. Вотъ тогда-то Петръ обратилъ свое вниманіе на сѣверъ и задумалъ добывать финскіе берега и устье Невы. Онъ согласился воевать противъ Швеціи заодно съ королемъ Августомъ и объявилъ претензію на русскія земли, отобранныя Шведами.

Война началась (1700 г.) упорная, страшная война, продолжавшаяся 21 годъ. Начало ея было для Россіи несчастливо. Шведскія войска были въ то время одни изъ лучшихъ въ Европѣ, а молодой король Шведскій Карлъ XII, оказался однимъ изъ лучшихъ полководцевъ; напротивъ того, войска русскія изгли съ усѣхъ дрататься только противъ беспорядочной польской шляхты или Татаръ. Разгромивъ Русскихъ подъ Нарвою, Карлъ обратился на Августа и вступилъ въ Литву. Тамъ, въ

(*) Осталось, правда, еще Каспійское море, по на немъ торговля шла съ единими Персіанами, тогда какъ по Балтійскому и Черному могла идти со всемъ свѣтомъ.

течение семи уже лѣтъ, происходилассора или даже война между двумя знатными фамилиями, Сангами и Огинскими; вся Литва раздѣлилась на два военные станы; Сангжане наѣзжали на замки пріятелей Огинского, а эти, въ свою очередь, на приверженцевъ Сангги. Въ эту знаменитую расцпю вмѣшалось высшее духовенство Польское, которое вообще много занималось мірскими дѣлами: віленский бискупъ предалъ проклятию Санггу, и проклятие это подтвердила папскій папацій, или посланикъ въ Варшаву; а примасъ, державшій сторону Огинскихъ, какъ старшее въ государствѣ духовное лицо, отрѣшилъ за это папацію. Среди такой-то розни, весьма нерѣдкой впрочемъ въ Польшѣ, Карль вступилъ въ Литву, и съ первого же шага нашелъ въ ней союзниковъ: Сангги тотчасъ же примкнули къ нему, чтобы онъ пособилъ имъ одолѣть Огинскихъ. Не поддерживаемый народомъ, король польский былъ разбитъ Шведами, изгнанъ изъ Варшавы, изъ польскихъ владѣній, и удалился въ Саксонію. Но и тамъ онъ не укрылся отъ страшного врага. Карль принудилъ его отказаться отъ польского престола и возвелъ на онъи польского шляхтича, Станислава Лещинскаго.

За всѣми этими дѣлами прошло пять лѣтъ. Тогда Карль XII поворотилъ назадъ, на Россію. Но въ это время русская армія была уже не тѣмъ, чѣмъ была подъ Нарвою. Царь Петръ переформировалъ ее по примѣру войскъ другихъ европейскихъ государствъ, и шведскій корпусъ, остававшийся, по удаленію Карла XII, въ Лифляндіи, былъ въ нѣсколькоихъ стычкахъ разбитъ; старинный нашъ городъ Орѣшекъ былъ взятъ, а при устьѣ Невы заложенъ *Петропургъ*. Оправдывались слова царя, что «Шведы научатъ насъ бить ихъ».

Но пока все вниманіе его было обращено на шведского короля, большая опасность готовилась ему въ Малороссіи. Мазепа, пользуясь полнымъ къ нему довѣріемъ государя, возобновилъ сношенія съ польскими своими друзьями: князь Вишневецкій, ишуя въ это время въ своемъ имѣніи, Бѣлої Криницѣ, зазвалъ туда Мазепу. Тамъ же встрѣтилъ онъ одну знатную Польку, княгиню Дульскую, которая начала его приглашать отложитьсь со всею Малороссіей и принять сторону Станислава Лещинскаго, обѣщая, что въ этомъ поможетъ ему шведскій король. Мазепа не сказалъ ни да, ни нѣтъ, и прощиковавъ нѣсколько дней съ польской знатью, уѣхалъ. Но княгиня Дульская вступила съ нимъ въ переписку, пересыпая черезъ надежныхъ людей письма, писанныя цифирью. Она писала ему, что, поддавшись Станиславу, онъ будетъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, княземъ украинскимъ и польскимъ сенаторомъ, между тѣмъ какъ оставаясь подъ русскою державой, онъ подвергается серіознымъ опасностямъ, потому что ближайшій любимецъ царскій, князь Меншиковъ, подкашиваетъ подъ него и хочетъ будто бы, удаливъ его, самъ сдѣлаться гетманомъ. Мазепа былъ однако остороженъ и не давалъ никакихъ обѣщаній княгинѣ, но открылъся генеральному писарю Орлику, заставивъ его присягнуть, что онъ ему не измѣнитъ. Меня подзываетъ, сказаль онъ, король польскій, я думаю согласиться,

«но не вля приватной моей пользы, а для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны, бѣдной Украины.» И тутъ онъ сталъ говорить, что царскіе любимцы отнимаютъ у него всякую власть и угнетаютъ казачье войско тяжелыми трудами военными. Орликъ осмѣлился замѣгть ему, что замыслы эти могутъ быть полезны странѣ, если Шведы одолѣютъ Русскихъ, а если будетъ наоборотъ, то «и мы пропадемъ», сказаъ онъ, и народъ погубимъ. «Яйца курицу не учать, отвѣчалъ Мазепа: развѣ я дуракъ, что прежде времени отступлю безъ крайней нужды?»

Казалось, что верхъ будетъ за королемъ шведскимъ: имя его гремѣло во всей Европѣ какъ великаго полководца. Порѣшивъ съ королемъ Августомъ, онъ подвигался къ Днѣпру. Мазепѣ хотѣлось бы, чтобы Шведы направились прямо на Москву: въ такомъ случаѣ царь былъ бы принужденъ вывести всѣ свои войска изъ Малороссіи, и тогда, при первой неудачѣ царскихъ войскъ, Мазепѣ было бы удобно присоединиться къ Шведамъ. Но куда пойдетъ Карлъ, этого никто не зналъ, и это очень беспокоило и царя и его генераловъ, потому что они недоумѣвали съ какой стороны готовить Шведамъ отпоръ: одни думали, что онъ пойдетъ на Москву, другие, что онъ кинется къ Петербургу; одинъ только Меншиковъ высказалъ догадку, что Шведъ повернетъ въ Малороссію. Такъ дѣйствительно и случилось.

—Дьяволъ его сюда несетъ! воскликнулъ Мазепа, узнавъ объ этомъ: онъ понималъ, что вмѣстѣ съ Шведами вступятъ въ Малороссію и царскія войска. Мазепа долго держалъ втайцѣ свою мысль, по наконецъ принужденъ былъ переговорить съ нѣсколькими полковниками. Всѣ тѣ, которымъ онъ открылся, одобряли его и совѣтовали, не откладывать, послать гонца къ шведскому королю. Мазепа колебался однакожъ, понимая, что онъ затѣваетъ опасное дѣло, и что теперь времена пыла, нежели при Брюховецкомъ. Однако, надо было рѣшиться; онъ послалъ сказать Карлу, что отдается со всею Малороссіей подъ его протекцію и примкнегъ къ его войску съ 20-ю тысячами казаковъ, какъ только Шведы придвигнутся къ Деснѣ.

Ничего этого не подозрѣвали ни царь, ни его приближенные; такъ твердо они вѣрили преданности Мазепы. Одинъ гонецъ, пробравшійся къ нему отъ короля Станислава, былъ схваченъ, и найденное на немъ письмо прочтено, но это было принято за хитрость со стороны непріятелей Россіи, чтобы погубить вѣрнаго гетмана. Въ это же время послѣдовалъ на Мазепу доносъ отъ воїскового есаула, Кочубея. Не повѣрили и ему; его пытали и вмѣстѣ съ другимъ извѣтчикомъ, полковникомъ Искрою, прислали къ Мазепѣ для совершенія надъ ними казни. При этомъ царь писалъ къ гетману, угѣшая и обнадеживая въ полной своей довѣренности.

Но всѣ эти доносы и случайныя открытія безшоковли Мазепу; положеніе его становилось очень труднымъ; царь требовалъ, чтобы онъ снабдили казаковъ и, безъ замедленія, привель ихъ къ арміи. Мазепѣ

не хотѣлось этого. Онъ отвѣчалъ, что казаковъ отпустить нельзя, и самому отлучиться ему невозможно, потому что въ Малороссіи неспокойно, народъ бунтуетъ. И точно, и роль былъ въ смятеніи, потому что Мазепа повторялъ старые слухи о намѣреніи царя обратить казаковъ въ драгунъ, а крестьянъ выселить. Произведя этимъ безшокойства, Мазепа посыпалъ команды для усмиренія непокорныхъ, а между тѣмъ распушкалъ подъ рукою, что наказанія чинятся противъ его, Мазепиной, воли и по приказанію царя.

Между тѣмъ отдѣльный 15-титысячный отрядъ шведскій былъ совершенно разбитъ и почти истребленъ царемъ; это еще болѣе затруднило положеніе Мазепы, а слухи о его союзеніяхъ съ Поляками становились гласными. Царь, недовольный его медленностью относительно снаряженія казаковъ, потребовалъ его къ себѣ въ Глуховъ. Мазепа испугался этого приглашенія: онъ думалъ, что его тамъ непремѣнно схватятъ, и потому притворился опасно больнымъ. Приверженцы его распускали слухъ между приближенными царя, что гетманъ умираетъ, и точно, онъ лежалъ въ постели, не приニアя почти никого. Случилось, что въ это время черезъ Батурина, где жилъ гетманъ, проѣхалъ Киевскій митрополитъ: Мазепа послалъ просить, чтобы онъ прибылъ со боровать его масломъ; такъ лукавилъ этотъ старый хитрецъ! Вдругъ получаетъ онъ извѣстіе, что къ нему ѹдетъ князь Меншикова, который одинъ изъ всѣхъ окружающихъ царя сомнѣвался въ егоѣности, и по словамъ княгини Дульской, былъ его личнымъ врагомъ.

Не оставалось болѣе сомнѣнія: Мазепа вообразилъ, что любимецъ царскій посланъ для того, чтобы захватить его. Тогда Мазепа «порвался какъ вихрь», велѣлъ трубить сборъ, и съ казаками, которые случились подъ рукою, поскакалъ къ Деснѣ, приказать между тѣмъ богатства, которыя онъ успѣлъ набрать, зарыть въ Бѣлой церкви и въ Киевѣ. 26-го октября 1708 года, онъ перенравился черезъ Десну и быстро приблизился къ шведскому стану, изъ котораго, между тѣмъ, по предварительному извѣщенію Мазепы, выступило нѣсколько полковъ.

Большая часть бывшей съ Мазепой старшины знала куда и зачѣмъ вѣдеть ихъ гетманъ, но простые казаки думали, что ихъ ведутъ биться со Шведами. Только тогда уже, когда шведскіе полки приблизились и охватили казаковъ со всѣхъ сторонъ, только тогда Мазепа объявилъ зачѣмъ онъ привелъ ихъ. Ни сопротивляясь, ни уходить назадъ не было возможно; все послѣдовали за Мазепой. Онъ вступилъ въ шведскій лагерь при звукѣ трубъ и грохотѣ барабановъ; король принялъ его весьма ласково, но не могъ не замѣтить, что вмѣсто обѣщанныхъ 20 тысячъ казаковъ, съ гетманомъ прибыло не болѣе четвертой или пятой части этого числа.

Велико было удивленіе Меншикова, когда онъ узналъ, что Мазепа, котораго онъ считалъ при смерти, ускакалъ изъ Батурина; когда же, подѣхавъ къ Батурину, увидѣлъ, что городскія ворота заперты и что

пушки наведены противъ него,—все дѣло передъ нимъ объяснилось, и онъ поспѣшилъ донести обо всемъ царю.

Всѣицѣль грозный царь, когда узналъ объ измѣнѣ Мазепы! Нѣсколько времени онъ не хотѣлъ этому вѣрить, но потомъ у него подались распоряженія быстрая, крутая и рѣшительная. Онъ оповѣстилъ всю Україну о гнусной измѣнѣ ея гетмана, ввелъ туда свои полки и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ полное прощеніе тѣмъ изъ отъѣхавшихъ съ Мазепою, которые возвратятся въ опредѣленный срокъ; онъ велѣлъ Меншикову взять Батурина и сравнять его съ землею; приказалъ старшинѣ и казакамъ немедленно прибыть въ Глуховъ для избрания нового гетмана; туда же велѣлъ пріѣхать нѣсколькимъ архіереямъ для преданія проклятію злодѣя, умыслившаго на цѣлость Русскаго государства.

Это церковное проклятіе было страшное и грозное дѣло, къ которому прибѣгали весьма рѣдко; послѣдній, преданный анаемъ, былъ извѣстный разбойникъ и бунтовщикъ, Стенька Разинъ. Преданіе Мазепы проклятію совершилось въ Глуховѣ, когда уже городъ этотъ былъ наполненъ всячаго чина казаками, сѣѣхавшиими туда для рады. Въ церковь было внесено изображеніе Мазепы; все духовенство было въ черномъ одѣяніи и священикодѣйствовало, держа въ рукахъ черныя свѣчи; клиръ пѣлъ похороннымъ напѣвомъ. Старшій изъ священикодѣйствовавшихъ, приблизившися къ изображенію Мазепы, коснулся его жезломъ своимъ и возгласилъ ему: анаема! и хоръ повторилъ троекратно: анаема! Затѣмъ, изображеніе это было предано палачу и вздернуто на висѣлицу. Такое же проклятіе совершено было въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ. Это страшное зрѣлище и вѣсть о безпощадномъ истребленіи Батурина глубоко потрясли Малороссіянъ. Мазепа былъ не первый между гетманами, измѣнившій Россію; измѣна сдѣлалась было тамъ дѣломъ обыкновеннымъ, но гроза, воздвигнутая Петромъ противъ Мазепы, охватила всѣ сердца, и имя Мазепы стало въ Малороссіи браннымъ словомъ.

При такои состояніи умовъ глуховская рада не могла быть ни шумна, ни продолжительна. Гетманомъ былъ выбранъ полковникъ Скоропадскій. Вольности казацкія были подтверждены, но при гетманѣ долженъ былъ находиться царскій приставъ и зорко наблюдать за всѣми дѣйствіями гетмана.

Такимъ образомъ замыселъ Мазепы не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха; съ нимъ ушло къ Шведамъ нѣсколько лицъ изъ казачьей старшины, которыхъ искали не блага Україны, а польского своееволія для себя, да и изъ числа ихъ нѣкоторыя воротились, какъ только оказалось возможнымъ это сдѣлать. Имѣнія измѣниковъ были отписаны въ воинской скарбѣ; драгоценности, зарытыя Мазепою, откопаны, казаки и крестьяне хватали приверженцевъ Мазепы и сдавали ихъ начальникамъ царскихъ войскъ; имѣнія Кочубея и Искры были возвращены ихъ семействамъ, и царь, конечно, горько пожалѣлъ, что подвергъ ихъ незаслуженной казни.

Междудѣмъ наступила весна 1709 года. Шведы проникли до Пол-

тавы и осадили этотъ городъ, имѣвшій въ то время укрѣпленія; къ Полтавѣ же начали стягиваться п русскія войска. Здѣсь готовилась вторичная грозная встрѣча между русскою силою и шведскою; но она уже была не такъ страшна для насъ, какъ царская, потому что солдаты и генералы закалились въ боевомъ огнѣ. Однако царь принималъ всѣ мѣры осторожности, стануясь какъ можно болѣе войскъ и обнесъ свой станъ окопами; за ними онъ ожидалъ нападенія Шведовъ.

Рано утромъ, 27 июня, Шведы построились въ боевой порядокъ и начали наступать. Стало въ ружье и русское войско. Передъ полками читали царскій приказъ, въ которомъ было между прочимъ, написано: «пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученнное. О Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога: жила бы только Россія во славѣ и благоустройствѣ для благосостоянія вашего.»

Еще эти возвышенныя слова звучали въ сердцахъ воиновъ, когда Петръ выѣхалъ самъ передъ ряды, въ простомъ свѣтлозеленомъ мундирѣ, на небольшомъ, но быстромъ свѣтлогорѣдомъ конѣ. Всльдъ за тѣмъ грянули первые выстрѣлы. Бой былъ жестокій. Шведы сильно нацирали, но и Русскіе стояли стѣною. Цѣлые ряды падали, но никто не подавали ся назадъ. У царя шляпа была простирана въ нѣсколькоихъ мѣстахъ, ядро разбило носилки, на которыхъ сидѣлъ Карлъ XII, раненый за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Къ срединѣ дня, утомленные Шведы стали наконецъ напирать слабѣе. Тогда, въ свою очередь, двинулись Русскіе, а Шведы стала пятиться, отступать, и наконецъ побѣжали.

Побѣда наша была полная, совершиенная. Шведская армія разсѣялась такъ, что король, съ Мазепою и горстью приближенныхъ, верхомъ, не взирая на свои раны, ускакалъ къ Днѣпру. Вся казна его, важныя бумаги, пушки, обозъ, тысячи плѣнныхъ и нѣсколько знаний генераловъ осталось въ рукахъ у победителей. Едва не попался въ плѣнъ и самъ король: казаки долго гнались за нимъ, но онъ переправился за Днѣпъ и укрылся въ турецкой крѣпости Бендерахъ.

VIII.

Ограничение власти гетмановъ всѣдѣствіе измѣны Мазепы.—Учрежденіе матросской коллегіи.—Тягости, вавшіе на Малороссию.—Чартія малороссийскихъ патріотовъ.—Политика царя въ отношеніи Малороссіи.—Полуботокъ.—Вакансія гетманского достоинства.—Графъ Разумовскій.—Улучшенія въ устройствѣ края.—Новые побужденія къ сближенію Малороссіи съ остальной Россіей.—Окончательное уничтоженіе гетманского достоинства (1764).—Введеніе въ Малороссіи крѣпостнаго права и общаго гражданскаго устройства.

Славный Полтавскій бой далъ рѣшительный перевесъ Россіи надъ Швеціей. Страна эта, хотя и долго еще продолжала воевать, но уже можно было предвидѣть, что Нева и Финское побѣрежье удержанятся за нами. Царь начиналъ помышлять уже о завладѣніи берегами Балтійскаго мо-

ря, т. е. Эстляндіей и Лифляндіей. Союзникъ Карла XII, Станиславъ Лещинскій, былъ свергнутъ съ престола. Впрочемъ онъ вообще былъ любимъ своимъ народомъ; но народъ польскій начиная уже въ это время быть слабымъ до такой степени, что его любовь или нелюбовь не много значили: претивъ его желанія Августъ сдѣлался королемъ, противъ его желанія Станиславъ сошелъ съ престола, противъ его желанія наконецъ Августъ опять воротился и занялъ этотъ престолъ.

Побѣда русскаго царя возвела его на престоль. Естественно слѣдовательно, что значеніе царя сдѣлалось въ Польшѣ немаловажнымъ; если онъ ходатайствовалъ за какого-либо изъ магнатовъ, измѣнившихъ нѣкогда Августу,— Августу мудрено было отказать союзнику, который доставилъ ему корону. Сильное значеніе Россіи въ польскихъ дѣлахъ съ того времени продолжалось и при преемникахъ Петра, до самого окончательного паденія Польши, но къ этому мы возвратимся послѣ, а теперь посмотримъ, что послѣдовало съ западною Русью. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ полтавскаго сраженія Петръ могъ бы пріобрѣсть ее, хотя не всю, то по крайней мѣрѣ часть ея; но продолжительное польское управление, всеобщая неурядица и вольница шляхтичей или тѣхъ, которые приравнивали себя къ шляхтѣ, дѣлали обладаніе этой страною очень затруднительнымъ и не слишкомъ желательнымъ, особенно для такого государства, какъ тогдашняя Россія, въ которомъ самомъ многое надо было передѣлывать и исправлять. Притомъ же главная забота Петра состояла въ томъ, чтобы добыть морскіе берега, безъ которыхъ, какъ сказано, не могло быть никакой торговли. Итакъ, западная, заднѣпровская Русь оставалась еще подъ властію Польши, но за то Україну лѣваго берега. Малороссію, царь приоравливалъ къ совершенному слитію съ Русью великою.

Малорусскій народъ не былъ конечно виноватъ въ измѣнѣ Мазепы, но какъ уже было не разъ сказано, казачья старшина не могла забыть шляхетскихъ вольностей, и все гетманы, не исключая даже Самойловича, вздыхали о прежнихъ временахъ, когда ничто не могло стѣснять ихъ воли. Отъ всего этого надо было отказаться, все это надо было забыть, оставаясь подъ русскою державой; а забыть это было трудно. Царь понималъ это и, наученный примѣромъ Мазепы, сталъ еще пристальнѣе присматривать за поступками казачьей старшины. Находившемуся при гетманѣ приставу велико было все знать и все видѣть и устроиться такъ, чтобы гетманъ ничего важнаго не дѣлалъ безъ его совѣта, особенно же не велъ бы перениски съ иностраннѣми державами. Назначеніе полковниковъ хотя и предоставлено было гетману, но не иначе какъ съ утвержденіемъ царскаго, и царь сильно вмѣшивался въ это дѣло: въ концѣ царствованія Петра, большая часть полковниковъ была уже не изъ местныхъ уроженцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, чиновнымъ людямъ изъ казаковъ не была закрыта дорога къ службѣ военной, гражданской и придворной; а гетману, когда онъ прѣѣзжалъ въ Москву, оказывался первый почетъ и его одного только карета могла подѣлѣжать къ царскому крыль-

цу. Когда Скоропадский былъ въ Москвѣ, съ нимъ прѣѣзжали большая свита и 200 рядовыхъ казаковъ.

Вирочемъ этотъ почетъ была единственная вещь, которую царь вознамѣрился оставить отъ гетманского величія; приставу поручено было развѣдать основательно въ чемъ состоять поборы, взимаемые съ малороссійскаго народа (потому что гетманъ назначалъ ихъ по своему усмотрѣнію), какъ велики они и на какія именно надобности употребляются. Кромѣ того, ему было велѣно подлинно узнать весь порядокъ гетманскаго и старшинскаго управлѣнія, и обо всемъ этомъ донести.

Этимъ путемъ раскрылись большие безпорядки. Дознано было, что старшина и самъ гетманъ расхищаютъ безъ всякаго стыда и совѣсти деньги, собираемыя съ народа на общественные надобности, что полковники, сотники и самые послѣдніе чиновники наживаются страшнымъ образомъ, притѣсняя народъ. «Ежели кого опредѣлить гетманъ сотникомъ хотя изъ бѣдѣшихъ людей, или слугъ своихъ,—писалъ одинъ изъ приставовъ.—то чрезъ одинъ или два года явится у него дворъ, шинки, грунты, земли, мельницы и всякия стада и домовые пожитки» Открылось, между прочимъ, что полковники выпросили у стараго простоватаго и корыстолюбиваго гетмана крѣпость на такъ называемыя *ранговыя имѣнія* то есть, на имѣнія, принадлежащія войску, и которыя раздавались старшинѣ на время службы, въ видѣ жалованья: Скоропадский помимо всякаго права отобралъ, слѣдовательно, у войска земли и раздалъ ихъ въ частныя руки. Понятія о томъ, что казенное или войсковое и что свое собственное, до того перепутались, что несолько лѣтъ спустя, когда умеръ Скоропадский, жена его не хотѣла было отдавать войсковой скарбъ или казну! Получивъ эти донесенія и разсмотрѣвъ ихъ, Петръ приступилъ къ перемѣнамъ, которыя замышлялъ. Со временеми Хмельницкаго, какъ сказано, всѣ власти соединились въ одномъ гетманѣ: онъ былъ и верховный правитель, и верховный судья; теперь, для рѣшенія важнѣйшихъ споровъ и жалобъ на низшіе суды, при гетманѣ учреждена была судная канцелярія, а для завѣдыванія всѣмъ управлѣніемъ, денежнми сборами и расходами, — особая коллегія, подъ названіемъ Малороссійской, въ которой часть членовъ была изъ Великороссовъ.

Эти новыя порядки не нравились конечно казачьей старшинѣ, которая вздыхала о временахъ Хмельницкаго, но новые порядки очевидно клонились къ пользѣ народа. Однакожъ, не безъ тягости было и для простыхъ казаковъ и для крестьянъ. Съ самаго начала шведской войны, казаки находились въ своей родинѣ, далеко отъ нея и несли службу тяжелую, трудную; но это бы еще ничего: на то они были воины. Не нравились имъ тѣ порядки, которымъ они должны были подчиняться въ походѣ. Петръ заселъ въ своей арміи строгую подчиненность и требовалъ отъ каждого безотговорочнаго повиновенія: не то было во времена Хмельницкаго и Дорошенка, когда каждый бравый молодецъ подбиралъ себѣ удальцевъ и гайдамаковъ и носился, куда влекла его молодецкая удаль. Рассказы объ этихъ временахъ, передаваемые стариками, были милы казакамъ, и они

вздыхали о нихъ, сравнивая съ тѣмъ, къ чему принуждала ихъ строгаволя царя. Мало этого; царь затѣялъ рыть каналы, чтобы соединить Волгу съ Дономъ, Волховъ съ Невою, и для работъ этихъ, вмѣстѣ съ крестьянами и солдатами, приказывалъ высылать казаковъ. Тяжелы казались эти работы и обтерпѣвшимся крестьянамъ и солдатамъ, а казакамъ онѣ казались даже унизительными, потому что они вспоминали польскія войска, гдѣ каждый воинъ былъ шляхтичемъ: чѣмъ-то въ роди шляхтичей они считали и себя, въ сравненіи съ крестьянами. А между тѣмъ, стоило бы подумать, чѣмъ рядовой казакъ можетъ бичиться передъ рядовымъ солдатомъ, стоило бы подумать и о томъ. Для чего, для какой цѣли рылись эти каналы? развѣ не для общаго блага? развѣ не для пользы общаго отечества?

Была наконецъ и еще одна причина жалобъ въ Малороссіи Скоропадскій, желая пріобрѣсть благосклонность князя Меншикова, подарилъ ему богатое имѣніе въ Малороссіи; это было первое въ тѣхъ мѣстахъ имѣніе, принадлежавшее не украинскому уроженцу, и многимъ казалось это нарушеніемъ малороссійскихъ правъ. Однако ни однѣми статьями, начиная съ переславскихъ и до глуховскихъ, это не воспрещалось, точно также какъ не воспрещалось Малороссіянамъ пріобрѣтать имѣнія въ великороссійскихъ губерніяхъ. На противъ, нѣкоторыми изъ этихъ статей постановлялось стараться всѣми мѣрами сблизить Малороссіянъ съ Великороссіянами, да этого и точно слѣдовало желать, чтобы уничтожить всѣ замыслы Польши на Малороссію.

Тѣмъ не менѣе всѣ перемѣны, проишедшія при Скоропадскомъ, глубоко огорчили казаковъ всякаго чина и званія. Полагаютъ даже, что онѣ приблизили смерть Скоропадскаго. Чего, однажды, хотѣлось рѣнымъ Малороссіянамъ? — Имъ хотѣлось бы нѣкоторой особливости относительно Россіи. За особливость они бились съ Польшею и неохотно поступались ею Россіи. Но имъ былъ поводъ держаться особливо относительно Польши, съ которой Малороссія была не вполнѣ одноцеменна и не единовѣрна. Совсѣмъ въ другомъ отношеніи были западно-русы къ Московскому царству: они, вмѣстѣ съ Великороссами, составляли одинъ русскій народъ, у нихъ было одно начало, одна вѣра и почти одинъ языкъ. Какая же необходимость, какой поводъ имъ не сливаться по стоять особнякомъ другъ отъ друга? Развѣ почетнѣе, развѣ славнѣ называться Украинцемъ, чѣмъ Русскимъ? Если же Українцы действительно не желали быть Русскими и могли существовать отдѣльнымъ народомъ, отдѣльнымъ государствомъ, то такъ бы имъ и слѣдователь сдѣлать. Но они не могли этого; они должны были по необходимости примкнуть, если не къ Польшѣ, то къ Россіи, а если не къ Россіи, къ Турціи; но все это было перепробовано, и примкнуть къ Россіи оказалось наиболѣе выгоднымъ, а въ такомъ случаѣ они должны были примкнуть къ иной влопѣ, откровенно, дружелюбно. Не народъ, а казачество и особенно старшина упирались, смотрѣли на Москву неблагосклонно, хотѣли чтобы между Русью великою

и малою проведена была черта, которую никто не смѣлъ бы переходить. Но это было вредно какъ для великой, такъ и для малой Руси.

Царь смотрѣлъ на это дѣло совершенно иначе: онъ не хотѣлъ подчинить Русь малую Руси великой; онъ хотѣлъ только, чтобы между ними не было различія, чтобы та и другая составляли единую Россію. Потому-то, съ удовольствіемъ видя, когда Великоруссы пріобрѣтали имѣнія въ Малороссії, онъ съ такимъ же удовольствіемъ видѣлъ, когда Малороссы пріобрѣтали имѣнія въ великой Руси; старался устроивать свадьбы между тѣми и другими, и если назначалъ чиновниковъ изъ Москвы и Петербурга въ Киевъ, Черниговъ или Полтаву, то точно также давалъ мѣста Малороссіянамъ въ великорусскихъ губерніяхъ. Послѣднее очень часто случалось между духовенствомъ, и можно сказать, что большая часть высшаго духовенства въ Россіи, не только при Петрѣ, но и лѣтъ 50 послѣ его смерти, состояла изъ Малороссіянъ. Такъ, уроженецъ Киевской и составитель Четь Минеевъ, Дмитрій Туптало, былъ возведенъ въ санъ ростовскаго митрополита; Феофилактъ Лопатинскій, Малороссіянинъ, былъ тверскимъ архіепископомъ и членомъ спіода. Первенствующій членъ спіода и блюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій, былъ также изъ Малороссіянъ. Малороссіянинъ же былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ государю, однимъ изъ ближайшихъ его совѣтниковъ: мы говоримъ о Феофанѣ Прокоповичѣ.

Этотъ чрезвычайно умный и очень ученый человѣкъ былъ кievскій уроженецъ изъ купеческаго званія; обучался въ Киевѣ, потомъ въ западнорусской Украинѣ, во многихъ заграничныхъ школахъ, и наконецъ въ Римѣ, а возвратясь оттуда, былъ монахомъ въ Киевѣ и преподавателемъ въ тамошней академіи. Когда царь послѣ полтавской побѣды, былъ въ Киевѣ, Феофану поручено было послѣ торжественной литургіи произнести побѣдителю привѣтственное слово. И слово это, и самая наружность молодаго чернѣца показались царю замѣчательными. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ, взялъ его съ собою въ походъ противъ Турціи, потомъ велѣлъ прибыть въ Петербургъ, быстро возвелъ его до первыхъ степеній іерархіи и совѣщался съ нимъ о давно задуманномъ дѣлѣ преобразованія церковнаго управления. Умный, ловкій, хотя и далеко не безукоризненный, Феофанъ пережилъ царя многими годами и при его преемникахъ былъ постоянно первымъ, значительнѣйшимъ лицомъ русской церкви.

Итакъ, несправедливо было бы говорить, что въ Россіи не давали хода Малороссамъ; тамошнее духовенство вообще было образованіе великороссійскаго, а потому ибыло поставлено въ главу его; въ послѣдствіи, когда и между свѣтскими людьми въ Малороссіи образованіе стало брать верхъ надъ казачьимъ буйствомъ, явились и министры изъ Малороссовъ. Но особности Малороссіи, какъ это было при польскомъ владычествѣ, ни царь Петръ, ни его преемники не допускали.

Въ 1722 году умеръ Скоропадскій. Государь медлилъ дать разрѣшеніе на избраніе ему преемника, а присланная для этого депутація отъ казацкаго войска настоятельно хлопотала о томъ. Наконецъ Петръ далъ ей

следующій отвѣтъ. Отъ Богдана Хмельницкаго до Скоропадскаго, вѣлѣль къ нимъ написать государь, «всѣ гетманы явились измѣнниками»; поэтому нужно время, чтобы пріискать надежнаго человѣка. А какъ въ дѣлахъ и въ управлениі никакой остановки быть не можетъ, за учрежденіемъ малороссійской коллегіи, то, заключалъ государь, «о семь дѣлѣ докучать болѣе не надлежитъ».

Но казачьи депутаты не переставали «докучать», и однажды, явясь къ царю, стали напоминать ему, что статьи, данныхя царемъ Алексѣемъ Хмельницкому и имъ подтвержденныя, нарушены. Одинъ изъ депутатовъ, полковникъ Полуботокъ, говорилъ съ особеннымъ жаромъ, горько упрекая царя, грозилъ ему великими бѣдствіями на землѣ и судомъ Божиимъ на томъ свѣтѣ... Полуботокъ былъ правъ: казачьи права были во многомъ нарушены, но приносили ли эти права пользу краю, не говоримъ уже всей Россіи.—вотъ на что онъ не обратилъ вниманія. Какъ бы то ни было, государь, допускавшій возраженія, но не терпѣвшій со-противленія, велѣль заключить депутатовъ въ петербургскую крѣпость, где Полуботокъ и умеръ.

До самой смерти Петра Перваго и лѣтъ десять посль его смерти не было гетмана. Потомъ былъ одинъ стариkъ, Апостолъ, безъ всякаго значенія и скоро умершій. Наконецъ, при императрицѣ Елизавете Петровнѣ снова данъ былъ казакамъ гетманъ. Онъ былъ послѣднимъ, и потому можно разсказать о немъ подробнѣе.

Въ самый годъ полтавской битвы въ нынѣшней Черниговской губерніи, въ селѣ Лемешахъ, у рядового казака, по фамиліи Разумовскаго, или по просту Разума, родился сынъ, котораго называли Алексѣемъ. Онъ выросъ въ родномъ селѣ, сдѣлялся красивымъ мальчикомъ и отличался прекраснымъ голосомъ. Въ это время для цесаревны Елизаветы, дочери Петра I-го, набирался хоръ пѣвчихъ. Алексѣй Разумовскій былъ посланъ въ этотъ хоръ. Цесаревна замѣтила его, нерѣдко требовала его въ свои покой и заставляла пѣть украинскія пѣсни. Потомъ поручила ему управлять однимъ изъ своихъ имѣній и опредѣлила въ службу, а когда цесаревна вступила на престолъ то назначила молодаго Разумовскаго своимъ камергеромъ; въ послѣдствіи же сдѣлала фельдмаршаломъ, графомъ и однимъ изъ первыхъ богачей въ Россіи. Разумовскій былъ человѣкъ простой, не оказалъ никакихъ особыхъ заслугъ, но онъ былъ человѣкъ добрый, для всѣхъ доступный, и особенно для своихъ земляковъ Малороссовъ. Когда кому-нибудь изъ мало-мальски значительныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ, или казачьихъ начальниковъ, доводилось прїѣзжать въ Петербургъ или Москву, они считали обязанностю быть у своего земляка, а онъ принять и обласкать ихъ. Онъ и его старуха мать, вызванная изъ Лемешей, всегда рады были поговорить на родномъ малороссійскомъ нарѣчіи и вышить при этомъ рюмку старой горѣлки, за которую слѣдовали многія бутылки венгерскихъ и французскихъ винъ. Калякая и разсуждана, Малороссы не пропускали случая ввернуть слово-другое о своихъ старинныхъ правахъ, о желаніи своемъ имѣть гетмана по старинѣ, а Разумовскій, при случайнѣ,

передавалъ все это императрицѣ. Елизавета Петровна. Русская луною, первая послѣ императора Петра, пожелала быть въ Кіевѣ. Какъ въ этомъ городѣ, такъ и вообще въ Малороссіи, ее встрѣчали съ радушiemъ и любовью; это расположило ее къ Малороссіи, и она охотно согласилась обрадовать ее возстановленiemъ гетманского званія.

Но кому быть гетманомъ? Казачество падало; между казаками уже не было тѣхъ старыхъ рубакъ, какъ во времена Хмельницкаго или Дорошенка; гетманъ представлялся уже не воождемъ казачьихъ дружинъ, а великимъ сановникомъ имперіи, правителемъ обширнаго края; на подобный же мѣста, по тогдашнимъ понятиямъ, обыкновенно поступали царедворцы, люди случайные. Алексѣй Разумовскаго былъ меньшой братъ, Кириллъ. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда Алексѣй попалъ въ «случай», поэтому его выписали изъ Лемешей, приставили къ нему нянекъ, учителей и воспитателей, между которыми былъ одинъ изъ образованѣйшихъ людей того времени, Тенловъ; потомъ Кирилла Разумовскаго послали за границу, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и возвратился довольно образованнымъ, а главное дѣло, самыи щеголеватымъ человѣкомъ, самымъ красивымъ придворнымъ, какіе только были тогда въ Россіи.

Вотъ этого-то юношу, едва 20-тилѣтняго, старшій Разумовскій и петербургскій дворъ желали поставить въ гетманы. Въ 1750 году объявлено было о согласіи императрицы, чтобы гетманъ былъ избранъ вольными голосами, и мѣстомъ избрания назначенъ былъ Глуховъ. За нѣсколько времени до открытия рады прїехалъ туда и молодой Разумовскій, со множествомъ экипажей, верховыхъ коней, съ гайдуками и скороходами, съ французскими поварами и музыкантами. Прїехавъ, онъ поставилъ домъ своей на царскую ногу и открылъ двери настежь: балы, обѣды, праздники слѣдовали одинъ за другими; когда же наступила рада, никто не рѣшался произнести другаго имени, кромѣ имени радущаго хозяина, молодаго царскаго любимца.

Императрица была очень довольна этимъ избраніемъ и прислала новому гетману, вмѣсто поздравленія, андреевскую ленту; она велѣла, кромѣ того, отдать ему весь доходъ съ гетманскаго урида, остававшейся не при косновеннымъ послѣ смерти послѣдняго гетмана, и наконецъ подарила ему въ собственность гетманскія ранговыя имѣнія. Такимъ образомъ, Разумовскій сдѣлялся богатѣйшимъ помѣщикомъ Малороссіи и надо признаться, что гетманъ этотъ, безбородый, нащуренный набрызганный французскими духами, одинъ только званіемъ своимъ напоминалъ суровыхъ закаленныхъ въ бою, чубатыхъ гетмановъ прежняго времени. Очевидно, что и петербургскіе сановники, и даже сами Малороссіяне, сдѣлавшие подобный выборъ смотрѣли на гетманское достоинство, какъ на безполезную вывѣску.

Надо отдать, однакожъ, справедливость Разумовскому: онъ сдѣлалъ нѣсколько полезныхъ перемѣнъ въ управлении краемъ. Оборонять Малороссію противъ какого-нибудь вицѣния врага не предвидѣлось надобности; внутреннихъ смутъ, измены, также нельзя было ожидать; поэтому

изъ Малороссіи были выведены русскія войска, постій и содержаніе которыхъ были постоянною причиною жалобъ. Этой льготѣ Малороссія весьма обрадовалась; но въ устройствѣ ея были произведены другія перемѣны, гораздо болѣе важныя и полезныя, хотя онѣ, можетъ быть, и не были столь единодушно одобрены.

Онъ возстановилъ суды, которые, какъ уже извѣстно, были уничтожены Хмельницкимъ; они были открыты въ каждомъ новѣтѣ; народу предложено было самому избирать себѣ судей. По ходатайству Разумовскаго, уничтожены были таможни, отдѣлявшія Малороссію отъ Россіи и затруднявшія между ними торговлю. Выгода отъ этого распоряженія была обояндная, но многие изъ Малороссовъ стараго закала были имъ недовольны, потому что оно снимало еще одну преграду, отдѣлявшую эту страну отъ Россіи.

Впрочемъ, эти преграды нравились только, какъ сказано, казакамъ стараго закала; многие даже изъ шляхты малороссійской, или дворянства, начинали добровольно сближаться съ остальной Россіей, служа которой открывалась возможность достигать и богатствъ, и почестей. Разумовскій проложилъ дорогу, и примеръ его былъ соблазнителенъ; правда, никто не имѣлъ подобной ему удачи, но уже сама старшина казачья начинала понимать, что выгоднѣе искать повышений въ русской службѣ нежели оставаться въ своихъ степныхъ хуторахъ. Ихъ соблазняли орденскія ленты: чины генерала и тайного или иного советника начинали звучать имъ пріятнѣе нежели званія бунчужнаго, эсаула и т. п. Многие изъ малороссійскихъ дворянъ переженились на Русскихъ, много Веллкороссій получило именія въ Малороссіи по брачнымъ союзамъ и мнѣ по жалованію. Все это неизбѣдимою силою сближало Малороссію съ великою Россію, и ворчанье противъ этого иѣкоторыхъ стариковъ не имѣло уже смысла. Рассказы ихъ о Полуботкѣ, о Мазепѣ, о старомъ Царѣ могли быть занимательны; но, слушая ихъ, чувствовалось, что это уже отжившее, невозвратное время. Поэтому уничтоженіе гетманского достоинства совершилось въ 1764 году безъ потрясений: Разумовскій былъ вызванъ въ Петербургъ императрицею Екатериною II и болѣе не возвращался въ Малороссію, а когда онъ умеръ, то уже мало кто тамъ и думалъ о томъ, чтобы избрать ей преемника.

Страна эта была занята въ это время другимъ, гораздо болѣе важнымъ дѣломъ: въ ней было введено крѣпостное право.

Введеніе крѣпостнаго права въ такое время, когда оно уже истреблялось въ остальной Европѣ и когда въ самой Россіи начинали говорить противъ него,—есть дѣло очень странное и причины его не разъяснены хорошенъко. Впрочемъ, положительно извѣстно, что малороссійскіе помѣщики, завидуя великокорсійскимъ, имѣвшимъ крѣпостныхъ людей, стали изъ-подъ рукъ хлопотать объ этомъ у приближенныхъ императрицы. Помѣщики эти были сыновья и внуки тѣхъ упорныхъ казачьихъ полковниковъ и сотниковъ, которые такъ долго не склонялись искренно къ Россіи, а потому понятно, что государыня пожелала привлечь ихъ

этю великою для нихъ льготою. Наконецъ должно сказать и то, что настоящею свободой малороссийские крестьяне давно не пользовались. Они бывали свободны только тогда, когда въ странѣ не было правильнаго управлениія и порядка; когда происходило, напримѣръ, казачье восстание, и польскіе помѣщики убѣгали изъ Україны, тогда и крестьяне дѣлали что хотѣли; но чутъ возстаніе это угихало, шаны возвращались и прибирали къ рукамъ своихъ хлоповъ. Правда, польскіе законы никогда не допускали названія *крѣпостной*, но никогда за то русскіе помѣщики не имѣли такой полной и неограниченной власти надъ своими крестьянами, какъ польскіе.

Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, польскіе шаны ее оставили: остались только одни природные Малороссы. Но они имѣли о правахъ своихъ тѣ же понятія, которыхъ были принесены Поляками, то есть, что крестьянинъ не есть крѣпостной человѣкъ, но что однажды помѣщикъ можетъ дѣлать съ нимъ что хочетъ, а такъ какъ вся власть и весь судъ были въ рукахъ казачьей старшины, которая сама имѣла земли и помѣстья, то не трудно понять, могли ли крестьяне найти какую-нибудь защиту и управу.

До Екатерины крестьяне не считались въ Малороссіи крѣпостными, но они не имѣли права переходть отъ одного помѣщика къ другому иначе, какъ оставивъ въ его пользу все *наижитое на его землю*; а какъ разобрать, что крестьянинъ *нахилъ* на этой и что на прежней землѣ? Онь куциль, положимъ, вола, живя у такого-то помѣщика, но заплатилъ за него деньги, которая заработалъ, можетъ-быть, ранѣе. Онь имѣлъ, слѣдовательно, право считать этого вола своимъ и не отдавать его шану, оставляя его землю; шанъ же имѣлъ возможность удерживать этого вола, какъ купленного во время жительства на его землѣ. А какъ богатый человѣкъ имѣлъ средство задарить судей скорѣе чѣмъ бѣднякъ, то понятно, что переходъ крестьянъ былъ совершенно невозможенъ. Наконецъ законъ, не называя прямо крестьянъ крѣпостными, запрещалъ помѣщикамъ *продавать ихъ* —значить признавалъ ихъ собственностью помѣщиковъ, и при томъ запрещалъ *продавать безъ земли*, значитъ признавалъ крестьянъ нераздѣльными съ землею.

Итакъ, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ Малороссіи не было чѣмъ-нибудь новымъ, неслыханнымъ; законъ этотъ только утверждалъ то, что уже существовало. Онь измѣнялъ только положеніе казаковъ, —но въ это время мудрено было различать, кто казакъ и кто крестьянинъ. Казачья служба надоѣла самимъ казакамъ. Весьма многіе изъ нихъ, особенно во время тяжелыхъ походовъ при Петрѣ, да и послѣ него, во время войны съ Польшей, Турцией и Пруссіей, желая оставаться дома, платили деньги и давали взятки, чтобы ихъ вычеркивали изъ казачьихъ списковъ. По статьямъ, данными Хмельницкому, ихъ должно было числиться 60 тысячъ, а во время гетманства Разумовскаго едва ли могло стать въ ряды 15—20 тысячъ. Наконецъ казачество мало-по малу и незамѣтно уничтожилось, и Малороссія,—эта древняя *гетманщина*,

была обращена въ памѣтничество и раздѣлена на губерніи, на тѣхъ же основаніяхъ какъ и вся остальная Россія, хотя и съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ старинныхъ обычаевъ, вошедшихъ въ законы.

Такимъ образомъ, все что было особливаго въ Малороссіи, сравнительно съ великою Россіей, падало и рушилось; эти двѣ страны все болѣе и болѣе теряли различіе между собою; они срослись и составляютъ нынѣ одно нераздѣльное, единый народъ русскій, у котораго въ продолженіе уже двухъ сотъ лѣтъ один и тѣ же свѣтлый и темный воспоминанія: и Великоруссъ и Малороссъ гордятся именами Петра I и Екатерины II, малороссійские уроженцы,—Георгій Конискій, Безбородко, Гоголь также чтимы въ Москвѣ, какъ и въ Кіевѣ, Полтава, Бородино—воспоминанія равно драгоценныя на берегахъ Оки или Волги, какъ и на берегахъ Днѣпра, въ законахъ объ уничтоженіи крѣпостного права, о земскихъ учрежденіяхъ и о повомъ судебномъ устройствѣ не сдѣлано различія между малороссійскими и другими губерніями.

IX.

Гордѣнко. — Возвращеніе Запорожцевъ. — Отношеніе между Россіей и Польшой: условій Московскаго договора 1646 года; гонений на православіе въ польскихъ владѣніяхъ; жалобы нашихъ единовѣрцевъ; значеніе договора 1716 года; проектъ совершенного истребленія православія въ польскихъ владѣніяхъ. — Преобладаніе Россіи при возведеніи на престолъ Августа Ш.—Взятие Гданскa—Гоненіе противъ лютеранъ.—Феофанъ Лентовичъ. — Георгій Конискій. — Чартия Браницкаго и партія Чарторыйскихъ. — Смерть Августа III.—Междударствіе въ Польшѣ.—Конвокаціонный сеймъ и конфедерациія.—Избрание Станислава Понятовскаго.

Мы теперь знаемъ, какимъ образомъ Малороссія,—часть обширной страны, оторванной нѣкогда отъ Россіи,—возвратилась къ ней и сроднилась съ нею. За Малороссіей послѣдовало возвращеніе къ Россіи Запорожья, здѣшній Украйны и Бѣлоруссіи. Такимъ образомъ мы увидимъ, что изъ всей западной Руси остались невозвращенными въ лоне отечества только тѣ земли, которая нынѣ составляютъ восточную часть Галиціи.—страны, находящейся въ австрійскомъ подданствѣ. Но если эти старинныя русскія земли не послѣдовали еще за прочими, то къ Россіи присоединена была Литва, страна, которая какъ было сказано, лѣтъ около 600 тому назадъ, была готова, казалось, съ нею слиться.

Со всемъ этомъ памъ надо будетъ теперь разсказать.

Однимъ изъ преданныхъ людей Мазепы былъ запорожскій агаманъ, Гордѣнко. Онъ передался Шведамъ не задолго до полтавскаго сраженія съ 8,000-ми казаковъ, ушелъ вмѣстѣ съ Карломъ XII въ Турцию, и, послѣ смерти Мазепы, заодно съ ближайшимъ его побѣреннымъ, Орликомъ, не переставаль мутить Запорожье и вызывать оттуда новыхъ бѣглецовъ.

Запорожье почти опустѣло; Сѣчъ перешла въ турецкія владѣнія. Но

всякому человѣку мила своя родина; Запорожцы тосковали по оставленнымъ ими мѣстамъ, и послѣ смерти Гордѣнка стали просить позволенія возвратиться на старое пепелище. Въ это время царствовала въ Россіи императрица Анна. Она склонилась на ихъ просьбу, и въ 1734 г. Запорожцы приняли русское подданство, съ обѣщаніемъ, что ихъ войсковыя права и земли не будутъ у нихъ отняты.

Земли эти были очень обширны: они простирались по теченію Днѣпра, отъ впаденія въ него рѣкъ Тясминъ и Орели до нынѣшняго Бериславля, и потомъ въ обѣ стороны отъ этой рѣки до Буга и почти до устьевъ Дона. Мѣста эти степнья, но плодородныя. Главное селеніе у Запорожцевъ было попрежнему Сѣчъ, а въ разномъ разстояніи отъ Сѣчи, по берегамъ рѣчекъ и закутъямъ, разбросаны были селитбы, гдѣ проживали семейства женатыхъ казаковъ, гдѣ наслѣсъ ихъ табуны, гдѣ стояли ихъ мельницы, гдѣ были ихъ рыбная ловля.

Хозяйственные занятія, однакожь, мало привлекали Запорожцевъ: они попрежнему проводили большую часть года шири и вспоминали о ста-ринной золотой волѣ. Въ царствованіе императрицы Аниы имъ было, впрочемъ, не много досуга: войны почти не прерывались; но при императрицѣ Елизаветѣ время было болѣе мирное. Тогда Запорожцы, скучая своимъ бездѣйствіемъ, начали гайдамачить въ смежныхъ съ ними крымскихъ, и особенно польскихъ владѣніяхъ. За Бугомъ находились обширные имѣнія польскихъмагнатовъ, Потоцкихъ и Яблоновскихъ: въ нихъ-то по большей части и разыгрывалось удальство гайдамаковъ. Съ своей стороны, паны эти посыпали команды въ Запорожье жечь казачьи зимовки, и когда кто-либо изъ Запорожцевъ попадался имъ въ плѣнъ, то голова его рѣдко оставалась на плечахъ. Въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ, по возвращеніи Запорожцевъ, слишкомъ 200 человѣкъ было, повѣшено, посажено на колъ и иными способами замучено на польскихъ земляхъ.

Подобные случаи доказываютъ, что казаки были безнокойные, а Поляки—не синхордительные сосѣди. Старая вражда, начавшаяся при Наливайкѣ и еще раньше, какъ видно, была жива между ними; но все-таки это были отдельные случаи, которые не могли повести, и конечно не привели бы къ важнымъ послѣдствіямъ, если бы въ это время во всей Рѣчи Посполитой не началось новаго гоненія противъ православныхъ.

Намъ известно, что въ 1686 г. между Москвою и Польшею состоялся договоръ, по которому Россія получила право ходатайствовать за своихъ единовѣрцевъ, находившихся подъ польскою властью. Немедленно начались съ ихъ стороны жалобы на угасенія, чинимыя имъ уніатами и католиками. Жалобы эти дѣлались настойчивѣе, по мѣрѣ того какъ побѣды Петра возвышали Россію надъ Польшею, и Петръ не оставался глухъ къ этимъ жалобамъ; онъ доводилъ ихъ до свѣдѣнія короля и сейма, требуя вознагражденія обиженнымъ.

Такія представленія посторонняго государя казались оскорбительными польскимъ панамъ раднимъ. Дѣйствительно, независимому правительству

не можетъ быть пріятно, когда ему со стороны указываютъ на происходящіе въ его владѣніяхъ безпорядки; но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же польское правительство допускало ихъ, или, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ оно дозволило торжественнымъ трактатомъ постороннему государю вмѣшиваться въ свои домашнія дѣла? Сдѣлавъ этотъ промахъ, не легко было его поправить. Поляки сдѣлали, притомъ, въ этомъ же трактатѣ и другой, весьма важный промахъ. Уступая Россіи Киевъ на вѣчныя времена, они, видно, забыли, что въ этомъ городѣ находится митрополія всей западно-русской церкви и что, следовательно, всѣ православные монастыри и церкви, всѣ жители восточного исповѣданія въ польскихъ владѣніяхъ,—а ихъ было не менѣе пяти миллионовъ,—станутъ отнынѣ въ духовную зависимость отъ святителя, находящагося въ другомъ государствѣ, подданного другої державы. Этотъ промахъ Поляковъ былъ principioю того, напримѣръ, что въ послѣдствіи, въ царствованіе уже Екатерины II, когда она объявила войну Туркамъ, союзникамъ Польши, митрополитъ кіевскій велѣлъ во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему церквяхъ молебствовать объ успѣхѣ русскаго оружія, и иѣсколько миллионовъ польскихъ подданныхъ молились, такимъ образомъ, о торжествѣ непріятелей своего государя!

Впрочемъ и ранѣе этого безиримѣнаго случая странные промахи, допущенные Поляками въ московскій трактатъ 1686 года давали себя чувствовать. Православные подданные Польши, издавна къ ней нерасположенные, начали теперь все чаще и чаще обращаться къ русскимъ государамъ и просить ихъ покровительства противъ польскихъ властей, а это, въ свою очередь, все болѣе и болѣе раздражало противъ нихъ Поляковъ. Вотъ почему въ началѣ семисотыхъ годовъ, когда уже во всей Европѣ преслѣдованія за вѣру утихали, они, наоборотъ того, начали усиливаться въ Польшѣ.

«Въ Литвѣ Татарамъ и Жидамъ лучшее въ вѣрѣ почитаніе было, не жели благочестивымъ христіанамъ, писалъ Петру I-му тогдашній бѣлорусскій епископъ,— ибо Татарамъ мечети, а Жидамъ кагалы вновь строить позволено; благочестивымъ же даже церкви починивать строго запрещено.» — «Не обрѣтается подъ солнцемъ утѣшенія, доносиль тотъ же епископъ, каковое отъ вѣковъ давнихъ распространяющаяся вѣра греко-российская въ странахъ короны польской и великаго княжества Литовскаго давно терпитъ напрасно. Ежели въ нынѣшнее время Величество Ваше, какъ собственный по Бозѣ праведный оборонитель свободъ вѣры святой, изъ сей непріятелей нашихъ не воздвигнетъ насъ погибели, то да сохранитъ і огъ отъ слѣдующихъ (ожидающихъ) православіе опасностей.»

Но, можетъ-быть, такъ жаловались лишь иѣкоторыя духовныя лица, и жаловались не совсѣмъ справедливо? — Совершенно также писали и міряне. Вотъ иѣсколько строкъ изъ челобитной Петру I-му отъ жителей города Невля: «изволь подать намъ, бѣдствующимъ, совѣтъ и помощь, и защитить насъ отъ льва рыкающаго и денно и нощно поглотить насъ умышающаго».

Невозможно исчислить всѣхъ насилий, всѣхъ жестокостей, которыхъ должны были переносить православные подданные Польши. Весьма замѣчательно при этомъ, что всѣ утѣшения шли не отъ короля, даже не отъ сейма; напротивъ, и король и сеймъ неоднократно пытались умѣрить жаръ ръяныхъ католиковъ. Жаръ этотъ возбуждали болѣе всего іезуиты и вообще католические монахи. Они проповѣдовывали въ костелахъ, они нащептывали на исповѣди, они натверживали въ школахъ дѣтямъ отъ молодыхъ ногтей ненависть къ схизматикамъ и иновѣрцамъ, и говорили, что нѣтъ выше заслуги передъ Богомъ, какъ обратить человѣка въ католичество какимъ бы-то ни было образомъ. Случалось, и нерѣдко, что присутствуя на пьяномъ пиру, они подбивали пирующихъ, разгоряченныхъ виномъ, дѣлать набѣзы на православныхъ деревни и приводить ихъ силою къ отступничеству, грабить монастыри, разбивать церкви. Такъ одинъ князь Вишневецкій, празднуя свадьбу своей дочери, и сильно подгудявшисъ нѣсколькими другими магнатами, со множествомъ окрестной шляхты, съ гайдуками, гусарами и съ униатскимъ бискупомъ, сѣли на коней, ворвались въ три православные монастыря одинъ за другимъ, перебили монаховъ, разбросали утварь и объявили монастыри эти обращенными въ унію. Довода до свѣдѣнія Петра I объ этомъ бѣшеномъ насилии, бѣлорусскій епископъ писалъ: «слезно прошу показать намъ бѣднымъ милосердіе и помощь, отметить обидамъ непріятелей нашихъ, да не рекутъ языцы: где есть Богъ ихъ!»

Послѣ этого не покажутся удивительными приведенные нами жалобы: католическое изувѣрство было дѣйствительно «левъ рыкающій». Епископъ бѣлорусскій два раза подвергался угрозамъ и даже опасности отъ изступленныхъ шляхтичей и получиль отъ нихъ раиу. Самъ императоръ Петръ былъ однажды оскорблень католическими монахами: бывъ въ Полоцкѣ, онъ зашелъ въ одинъ костель и, замѣтивъ образъ, отличавшійся отъ прочихъ особыеннымъ богатствомъ, спросилъ, чье на немъ изображеніе. Ему отвѣчали, что это Іосафатъ Кунцевичъ (известный уже намъ), котораго единоземцы ваши, еретики, богоотступники и мучители, какъ и вы, убили.

Причиною такого непомѣрного раздраженія была не одна религіозная горячность, но и досада за покровительство, оказываемое православнымъ русскимъ правительствомъ. Къ удивленію, однакожъ, въ это самое время Поляки открыли еще новый поводъ Россіи вмѣшиваться въ свои дѣла. Король польский. Августъ, какъ уже мы знаемъ, былъ низложенъ Карломъ XII и принужденъ уступить престоль свой Станиславу Лещинскому; но полтавская победа лишила престола Станислава, и Августъ снова надѣлъ корону. Сторонники низверженаго короля составили конфедерацию противъ Августа, и междуусобная война въ Польшѣ продолжалась нѣсколько лѣтъ сряду. Она наконецъ окончилась при посредничествѣ русскаго императора въ 1716 году. На сеймѣ, который былъ собранъ по этому поводу, опредѣлено, что какъ теперь, такъ и во всѣхъ тѣхъ, случаяхъ, когда между королемъ польскимъ и его подданными

произошли бы недоразумѣнія, русскому государю предоставлялось быть посредникомъ и миротворцемъ. Подобного права ни одинъ народъ никогда не предоставлялъ постороннему государю, потому что государь этотъ, пользуясь своимъ правомъ, могъ въ дѣйствительности быть истиннымъ повелителемъ такого народа: дать кому-нибудь право наблюдать за всѣми распоряженіями правительства этого народа и не допускать тѣхъ или другихъ мѣръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ могутъ произвести недоразумѣнія между королемъ и страною,—значило поставить его выше короля и подчинить ему все управление. Поэтому-то Петръ, увѣдомляя сенатъ свой о договорѣ 1716 года, писалъ между прочимъ: «Поляки такъ обязали себя въ волю медіаторскую (посредника), что *вихнуть нельзя*».

Дѣйствительно, эти два договора: 1686 года и 1716, связывали Польшу по рукамъ и по ногамъ и совершили отдавали ее во власть Россіи. Поляки не могли не видѣть этого, и тѣмъ болѣе противъ чея раздражались; а такъ какъ они не имѣли возможности мстить русскому государству, то вся непріязнь ихъ обращалась на русскихъ подданныхъ Рѣчи Посполитой. Доказательство этому мы имѣемъ въ одномъ предложеніи или проектѣ, представленномъ около того же времени варшавскому сейму.

Прежде всего, говорить этотъ проектъ, надо извлечь изъ *восточной ереси* всѣхъ значительныхъ людей. Для этого не слѣдуетъ имъ давать никакихъ должностей, доставляющихъ почтѣ или богатство. Всякій истый Полякъ долженъ оказывать имъ *пренебреженіе*, особенно въ обществѣ, при свидѣтеляхъ: это принудить ихъ отступиться отъ своей вѣры. Не худо тоже дѣлать и съ дворянами-уніятами: пусть все, что есть между Русскими богатого и вліятельного, перейдетъ въ латинство. Не надо доставлять способа образоваться и дѣтямъ ихъ: пусть они или дѣлаются Поляками-католиками, или падутъ отъ своей необразованности и грубости.

Подобнымъ же образомъ надо стѣснять и тѣхъ изъ городскихъ обывателей русского происхожденія и русской вѣры, которые имѣютъ состояніе или значеніе. Но самое главное вниманіе должно быть обращено на православное духовенство: въ архіереи, на значительнейшія священническія мѣста слѣдуетъ назначать только тѣхъ изъ нихъ, которые находятся въ родствѣ съ Поляками и католиками; латинскіе бискупы должны притомъ употреблять всевозможныя средства, чтобы отнять у нихъ всякое значеніе, подчинить ихъ себѣ, зорко слѣдить за ними, обмаруживать всякое злоупотребленіе со стороны православно-греческаго духовенства и давать имъ огласку; этимъ возбуждено будетъ къ нимъ всеобщее презрѣніе. При этомъ надо всевозможными способами *удереживать ихъ въ невѣжествѣ, чтобы усилить въ нихъ суевѣріе, сдѣлать ихъ неспособными поучать народъ и заставить ихъ впасть въ презрѣніе между своими собственными прихожанами*. Къ этому привести ихъ весьма легко, если помѣщики не будутъ давать имъ средствъ къ существованію; бѣдность принудить ихъ болѣе заботиться о прокормлениі себѣ и семействѣ.

своихъ, нежели о пріобрѣтеніи свѣдѣній, необходимыхъ для служителя церкви; нужно пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы отнимать церковные имѣнія, отдавать церкви на аренду Евреямъ, и *при всѣхъ ссорахъ, которыя неминуемо возникнутъ между арендаторами и русскими попами, братъ сторону Жидовъ.* Если же и за тѣмъ еще священническія дѣти будутъ поступать въ наши школы, то *соученики ихъ изъ Поляковъ и учителя должны оказывать имъ пренебреженіе, сваливать на нихъ всѣ шалости, подвергая ихъ, такимъ образомъ, наказаніямъ, и доводить до желанія отказаться отъ своей религіи.*

Наконецъ, говорить составитель проекта, нельзя оставлять безъ вниманія и крестьянское русское населеніе. У него должны быть *отняты всѣ средства къ пріобрѣтенію грамотности*, ибо, читая свои схизматическія книги, крестьяне будутъ тверды въ своей вѣрѣ. А дабы кто-нибудь не вздумалъ упрекать насъ, заключаетъ тотъ же писатель, въ несправедливостяхъ противъ русского населенія, то не худо тщательно записывать всѣ неправильные поступки какъ дворянъ, такъ мѣщанъ, горожанъ и крестьянъ изъ Русскихъ и, такимъ образомъ, имѣть подъ рукою всегда готовыя противъ нихъ обвиненія. Но если недостаточно бы было однихъ дѣйствительныхъ упрековъ къ подавленію Русскихъ, то весьма полезно будетъ, къ подкреплению нашихъ замысловъ, разглашашь хорошо обдуманные противъ нихъ вымыслы, также подбрасывать письма отъ имени священниковъ, а лучше бы отъ самихъ архіереевъ, вредныя имени польскому, вредныя вѣрѣ католической, возводить на нихъ матежи и убийства: только бы это служило немаловажнымъ въ свое время къ уничтоженію въ Польши греческой религіи поводомъ... Когда же все это будетъ подготовлено, и когда «постепенно, съ осмотрительностю и благоразумiemъ, успѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то поощренiemъ, то обманомъ, то угрозою перевѣстъ русскихъ на римлянъ, то всѣ останутся въ той мысли, что, при помощи Божіей, во всей странѣ русской, къ общему всѣхъ желанію, будетъ процвѣтать римское вѣроисповѣданіе».

Таковъ былъ этотъ проектъ, который клонился дѣйствительно къ соверенному уничтоженію въ польскихъ владѣніяхъ восточного вѣроисповѣданія, и стремился къ этому посредствомъ угнетенія и обмана. Здѣсь приведено только вкратцѣ содержаніе этого проекта, но онъ былъ вполнѣ нѣсколько разъ напечатанъ, и современныя его копіи и переводы хранятся въ различныхъ нашихъ архивахъ: отказаться отъ него, признать его подложнымъ, Поляки, никакъ, с.ѣдовательно, не могутъ. И простиительно ли было бы Россіи не защитить своихъ единовѣрцевъ, которыхъ такъ злостно преслѣдовали?

Между тѣмъ открылся еще поводъ ко вмѣшательному въ дѣла польскія со стороны Россіи. Въ 1733 г. умеръ король Августъ II. и при этомъ случилось точно также, какъ и при его избраниі, всколыхнулась вся Польша и всѣ европейскія правительства. Станиславъ Лещинскій, удалив-

шись изъ Польши, жилъ во Франціи, король которой былъ женатъ на его дочери. Этотъ развѣнчанный государь, не бывъ никогда великимъ правителемъ, былъ однакожъ человѣкъ умный, образованный и весьма добрый. Онъ горячо любилъ Польшу, и вообще былъ любимъ ею; поэтому, взоры большей части польского шляхетства обратились къ нему. Избраніе Станислава послѣ смерти Августа казалось тѣмъ болѣе выгоднымъ, что оно должно было расположить къ Польшѣ французское правительство и доставить ей поддержку противъ Россіи. Но Франція была слишкомъ отдалена отъ Польши, и, главное, слишкомъ слаба тогда для того, чтобы оказать ей дѣйствительную помощь; сосѣдня же государства: Россія, Пруссія и Австрія никакъ не хотѣли допустить въ дѣла польскія вмѣшательства Франціи. Поэтому онъ всѣ рѣшились поддерживать сына умершаго короля.

Несколько мѣсяцевъ происходило, такъ называемое, безкоролевье или междуцарствіе. Посланники, какъ Франціи, такъ и трехъ сосѣднихъ дворовъ, работали каждый, чтобы пріобрѣсти какъ можно болѣе голосовъ для своихъ кандидатовъ: всѣ они сынали деньгами; каждый обѣщалъ почетныя должности, выгодныя старости и каштелянства вліятельнымъ лицамъ, которыхъ, въ свою очередь, дѣлились полученными деньгами съ мелкою шляхтой, угощали ее обѣдами и привлекали обѣщеніями, чтобы въ рѣшительную минуту было какъ можно болѣе голосовъ за кандидата, котораго они взялись поддерживать. Несправедливо, конечно, было бы сказать, что все польское дворянство безъ исключенія дѣйствовало изъ корысти. Примасъ королевства, изъ рода Потоцкихъ, отвергнулъ напримѣръ 100 т. рублей, которые предлагалъ ему русскій посланникъ; были и другіе, подобные ему, но несчастіе состояло въ томъ, что Поляки умѣли только тѣсниться подъ какое-нибудь иностранное знамя, русское или французское, и имѣли, слѣдовательно, для отечества своего въ виду или покровительство Россіи, или покровительство Франція: такимъ образомъ они сами какъ будто бы признавали, что Польша пуждается въ иностранной поддержкѣ и что она уже не можетъ быть дѣйствительно независимою, истинно-самостоятельною страною.

На избирательномъ сеймѣ большинство голосовъ оказалось за Станислава. Но одинъ изъ знатѣйшихъ магнатовъ, князь Вишневецкій, объявилъ, что на избрание это онъ не согласенъ; къ нему присоединилось до 3,000 человѣкъ, а по закону польскому было достаточно и одного голоса, чтобы сорвать сеймъ и сдѣлать рѣшеніе его недѣйствительнымъ. Это сопротивленіе князя Вишневецкаго показалось, однакоже, крайне оскорбительнымъ остальнымъ лицамъ бывшимъ на сеймѣ, и они провозгласили его измѣнникомъ, а Станислава Лещинскаго объявили королемъ, единогласно избраннымъ; противъ чего, въ свою очередь, протестовалъ Вишневецкій.

Итакъ, по поводу избрания обнаружились двѣ партии, и слѣдовало ожидать междуусобной войны. Такъ случалось, вирочемъ, при каждомъ избрании, и иначе быть не могло, потому что для этого избрания тре-

бовалось единогласіе: только тотъ, говорили Поляки, можетъ быть у насъ королемъ, кого всѣ, до послѣднаго шляхтича, желають. Но есть ли на свѣтѣ, можетъ ли даже быть человѣкъ, противъ котораго не нашелъ бы никто ничего возразить изъ числа иѣсколькихъ десятковъ тысячи людей.—даже если всѣ эти люди дѣйствуютъ по чистой совѣсти и по искреннему своему разумѣнію? Самъ Богъ, говоритъ справедливая русская пословица, на всѣхъ угодить не можетъ. Вотъ почему ни одно избраніе короля въ Польшѣ не проходило и не могло проходить безъ кровополитій и междуусобій. За что же въ настоящемъ случаѣ негодованіе противъ Вишневецкаго было такъ сильно, что его объявило измѣнникомъ? На сеймѣ были увѣрены, что онъ подкупленъ, и что онъ призвалъ русскія войска, которая въ это время дѣйствительно вступили въ Польшу. Но развѣ большая часть сторонниковъ Станислава не получили денегъ отъ Франціи? и развѣ они не призывали точно также ея войскъ? ихъ точно также ожидали сторонники Франціи, и эти войска прибыли,—только не такъ скоро.

Вишневецкій съ своими приверженцами оставилъ сеймъ, двинулся на встрѣчу русскимъ войскамъ и провозгласилъ королемъ Августа III-го, сына умершаго короля,—а шляхта, бывшая на сеймѣ, разсыпалась по всей странѣ, провозглашая конфедерацию противъ Августа и Русскихъ, которые между тѣмъ, почти безъ сопротивленія, заняли Варшаву. Станиславъ Лещинскій, прибывшій между тѣмъ въ Польшу, поспѣшилъ удалиться въ Гданскъ (Данцигъ). Городъ этотъ находится при Балтійскомъ морѣ, и принадлежалъ тогда Польшѣ; туда должны были прибыть на корабляхъ ожидаемыя французскія войска. Русскіе направились къ Данцигу, осадили его, взяли въ плѣнъ небольшой французскій отрядъ, прибывшій на помощь Польшѣ, и наконецъ, послѣ иѣсколькихъ мѣсяцевъ упорной обороны, Гданскъ долженъ былъ сдаться графу Миниху. Что же касается до Лещинскаго, то онъ, въ одѣждѣ простаго крестьянина, съ величайшими трудами и опасностію, успѣлъ выбраться пзъ Гданска въ Пруссію, а оттуда уѣхалъ ко двору своего зятя.

Возведеніе на польскій престолъ Россіею втораго короля сряду, разумѣется, дало новую силу русскому вліянію на дѣла Польши. «Польша управляетъ не изъ Варшавы, а изъ Петербурга», писалъ одинъ современникъ. Но вмѣстѣ съ усиленіемъ ея вліянія, усиливалось и раздраженіе противъ нея Поляковъ, которое выражалось новыми гоненіями, вызывавшими, въ свою очередь, новые вмѣшательства со стороны русскаго двора.

Около этого же времени, тѣ чрезъ иѣсколько лѣтъ по вступленіи на престолъ Августа III-го, начинается вмѣшательство въ дѣла Польши другаго ея сосѣда, короля прусскаго. Въ тѣхъ частяхъ Польскаго государства, которая прилегали къ Пруссіи, издавна жило большое количество Нѣмцевъ; многіе города въ этой мѣстности, по населенію своему, были болѣе нѣмецкими чѣмъ польскими, и когда въ Германіи распространилось лютеранскоѣ ученіе, (какъ о томъ было въ своемъ мѣстѣ ска-

зано), то польские Нѣмцы приняли это учение. Лютеране другихъ частей Польши и особенно Литвы, благодаря усилиямъ іезуитовъ, были мало-помалу возвращены въ католичество, но жители мѣстностей, примыкавшихъ къ Германіи, продолжали исповѣдывать лютеранскій законъ. На нихъ тоже обрушилось гонение католиковъ.

Въ 1724 г. въ богатомъ, торговомъ городѣ Торунѣ совершилась какая-то католическая процессія. Толпа народа собралась смотрѣть на это зрѣлище. Одинъ изъ студентовъ іезуитской коллегіи сталъ принуждать зрителей-лютеранъ стать при этомъ на колѣна; это произвело скорбь, а потомъ драку, за которую городское начальство (тоже лютеранское) арестовало обидчика. Узнавъ объ этомъ, вся іезуитская коллегія поднялась и приступила къ городскому начальству, требуя освобожденія своего товарища; въ свою очередь народъ, раздраженный наглостю этого требованія, разбилъ іезуитскую коллегію. Тогда не только іезуиты, но и католики вообще, вся польская шляхта закипѣла негодованіемъ и закричала, что диссиденты оскорбляютъ религію. Немедленно отправлена была въ Торунь слѣдственная комиссія, которая предала суду 66 человѣкъ, а судъ приговорилъ изъ нихъ 11 къ смерти, предлагая имъ, впрочемъ, помилованіе, если они примутъ латинство, и наложилъ на весь городъ 22 тысячи златыхъ штрафа.

Происшествіе это надѣжало, въ свое время, много шума въ Европѣ, и лютеранскія державы съ неудовольствіемъ выставили польскому правительству на видъ оскорблениія, которыми въ его земляхъ подвергаются иновѣрцы. Но представлія эти пріостановили лишь на время гоненія противъ лютеранъ, и въ царствованіе Августа III-го они снова возобновились.

У тогдашняго прусского короля былъ сынъ, которому суждено было пріобрѣсть громкую извѣстность, подъ именемъ Фридриха II-го. Будучи еще наслѣднымъ принцемъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что прусскія владѣнія съ одной стороны совершенно врѣзались въ польскія. Дѣйствительно, на правомъ берегу Вислы, вдоль Балтійскаго моря и до самаго устья Нѣмана, шла довольно широкая полоса земли, принадлежавшая Пруссіи; между тѣмъ какъ влѣво отъ Вислы находились польскія земли, отдѣлявшія эту прусскую область отъ главныхъ частей Пруссаго королевства. Наслѣдный прусскій принцъ замѣтилъ, что было бы выгодно отрѣзать отъ Польши эту часть ея, раздѣляющую прусскія владѣнія и, сдѣлавшись королемъ, онъ началъ неослабно стремиться къ этой цѣли. Преслѣдованія диссидентовъ открыли ему для этого средства. Пріобрѣтая побѣдами своими громкую извѣстность, онъ принялъ на себя покровительствовать своимъ единовѣрцамъ-лютеранамъ вездѣ, где они въ томъ нуждались. Лютеране польскіе немедленно обратились къ нему; онъ съ своей стороны, приказалъ посланику своему въ Варшавѣ сдѣлать сильное представление въ ихъ пользу, а какъ слова его имѣли большое значеніе во всей Европѣ, то покровительство его оказалось дѣйствительнымъ, и лютеранѣ во всемъ Польскомъ государствѣ радостно подняли голову.

Въ это время въ Россіи царствовала императрица Елизавета. Къ ней, какъ и къ ея предшественникамъ, безпрестанно были обращаемы со стороны православныхъ подданныхъ Польши жалобы и мольбы о защите. Черезъ посланниковъ своихъ, она дѣлала о нихъ представленія въ Варшавѣ, но представленія эти вообще имѣли мало успѣха. Польское правительство обыкновенно отвѣчало, что случай, о которомъ ему представляли, будетъ подвергнутъ строгому изслѣдованію, и дѣло затягивалось, а за тѣмъ очень часто и вовсе забывалось; если же настойчивыя повторенія со стороны обиженныхъ не давали дѣлу забыться, то дѣло поступало въ судъ, а какъ въ судахъ польскихъ исключительно засѣдали шляхтичи-католики, то тяжбы православныхъ весьма рѣдко выигрывались, и, во всякомъ случаѣ, вовлекали ихъ въ огромные расходы.

Въ 1756 г. произошелъ слѣдующій случай; игуменъ виленского Свято-Духовскаго монастыря, Феофанъ Леонтовичъ, со многимъ православнымъ духовенствомъ, провожалъ покойника; процессія была торжественная, и народа собралось множество. Это обратило на себя вниманіе студентовъ виленской іезуитской коллегіи, которые, собравшись, начали шумѣть, «различныхъ скотовъ голосами кричать,» ругаться надъ нашими обрядами и, наконецъ, швырять грязью въ священниковъ и мірянъ, сопровождавшихъ гробъ. Леонтовичъ поспѣшилъ донести петербургскому синоду объ этомъ омерзительномъ случаѣ. Между русскимъ и польскимъ дворами началась по этому поводу переписка; но какъ въ это время между обоими дворами этими существовалъ тѣсный союзъ, то, для устраненія непріятностей, рѣшено было отозвать Леонтовича изъ Вильны. Это глубоко оскорбило и его, и всѣхъ виленскихъ православныхъ; они ходатайствовали за него у русскаго двора, но не имѣли успѣха. Тогда Леонтовичъ отправился въ Петербургъ и подалъ русскому правительству пространную записку, въ которой объяснялъ плачевное положеніе православныхъ подданныхъ Рѣчи Посполитой и предупреждалъ, что если имъ не будетъ оказано дѣятельного покровительства со стороны Россіи, то они будутъ искать защиты у прусскаго короля. Записка Леонтовича была весьма сильно написана, но она не обратила на себя большаго вниманія: тѣсный союзъ съ Польшею еще продолжался.

Свѣтлая мысль почти всегда, однажды, пробиваетъ себѣ дорогу. Чрезъ иять лѣтъ послѣ подачи Леонтовичемъ его записки, вступила на русскій престолъ императрица Екатерина. Надо думать, что записка эта попалась ей на глаза, потому что бывшій виленскій игуменъ, проживавшій между тѣмъ безъ всякаго дѣла и значенія въ Кіевѣ, былъ вызванъ въ Москву, где въ то время находилась государыня по случаю своей коронаціи. Мы увидимъ, что между дѣйствіями ея, въ отношеніи нашихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ, и мыслями Леонтовича замѣчается не- малое сходство.

Въ то же самое время приѣзжалъ въ Москву и тогдашній белорусский епископъ, Георгій Конисскій. Подобно предшественникамъ своимъ, онъ настоятельно требовалъ защиты русскому народу и православной церкви;

православію грозить совершенное истребленіе, доносиль онъ; имя русское скоро вовсе исчезнетъ въ старинныхъ областяхъ русскихъ, если не будутъ приняты рѣшительныя и быстрая мѣры. Не довольствуясь доношніями, онъ ъездилъ къ вліятельнѣйшимъ вельможамъ, былъ у самой императрицы и умолялъ подумать о своихъ братіяхъ по крови и вѣрѣ. Наконецъ въ день коронованія государыни онъ произнесъ рѣчь, въ которой горячо и сильно коснулся того же предмета: «здѣсь, говорилъ онъ, свѣтильникъ вѣры отъ дней Владимировыхъ зажженный, блестаетъ доселѣ: у насъ свѣтильникъ онъ свѣтлѣющіе отъ зашада вихри во многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ: у насъ храмы Божіи множайше отняты, прочие опустошены и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихъ гласы издаются. Здѣсь чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честище: у насъ благочестивымъ именоваться въ студь ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореные, а нерѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ.» Радуемся однако и мы, продолжалъ краснорѣчивый проповѣдникъ, твоему восшествію на престолъ, «смѣемся и сквозь слезы утѣшаемся», твердо надѣясь, что ты защитишь насъ своимъ покровомъ. Или бо не можешъ сего намъ сотворити, или не соблаговолиши? Могла въ немощи (будучи еще великой княгинею), — можешь въ силѣ. Молимъ же ваше императорское величество, не посрами насъ, надежда наша, въ чаяніи нашемъ; спаси насъ десницею твою и мышцею твою покрый насъ!»

Такъ взывала къ Россіи братія наша устами своихъ пастырей, и взывала не напрасно. Но прежде чѣмъ приступить къ описанію дальнѣйшихъ событий, намъ надо ознакомиться съ тѣмъ, на что могло встѣтить противодѣйствіе.

Католическое духовенство было все противъ насъ, за самыми рѣдкими развѣ исключеніями. За тѣмъ, противъ насъ же были всѣ тѣ, которые желали тѣснаго союза съ Франціей. Такихъ людей было много. Между характеромъ французовъ и характеромъ Поляковъ замѣчается большое сходство; эти два народа издавна чувствовали одинъ къ другому расположение; кроме того, ихъ сближало между собою католическое усердіе: наконецъ, съ того времени какъ Россія начала быстро возвышаться, а Польша падать, французская политика находила полезнымъ поддерживать послѣднюю противъ первой; такъ мы видѣли, что французскій дворъ выставилъ Станислава Лещинскаго противъ кандидата, котораго поддерживала Россія. Самымъ замѣтнымъ лицомъ между партизанами Франціи былъ гетманъ Браницкій. Это былъ старикъ, нѣкогда храбрый, но давно уже за старостью лѣть не принимавшійся за саблю; будучи не въ большомъ ладу съ королемъ Августомъ, онъ почти безвыѣздно жилъ въ своемъ Бѣлостокскомъ замкѣ, куда стекались окрестные магнаты и шляхта отвѣдать старыхъ медовъ гостепріимнаго хозяина и, вмѣстѣ съ нимъ, травить литовскихъ венрѣй и волковъ; звуки охотничихъ роговъ, громъ мазурки, звонъ стакановъ не умолкали въ Бѣлостокѣ, и Браницкій, хотя

никогда никакимъ важнымъ подвигомъ не отличившійся, имѣлъ дѣйствительно большое значеніе.

Сторонниками Россіи были, впервыхъ, все православное народонаселение, духовенство, крестьяне и отчасти горожане западной Руси и Литвы. Не мало было также на сторонѣ Россіи лицъ и изъ шляхетскаго сословія. Многіе Поляки, хотя и оскорблялись въ душѣ слишкомъ большими вліяніемъ Россіи на дѣла Польши, не могли, однакожь, не сознаться, что этому вліянію обязана она прекращеніемъ междуусобной войны во времена Августа II-го, и что при его сыне, возведенномъ на престолъ Россіею, Польша наслаждается миромъ. Люди эти понимали также, что если Россія можетъ быть самымъ опаснымъ врагомъ Польши, то она же можетъ быть сильнѣйшимъ ея союзникомъ.

Первыми между людьми, которые разсуждали такимъ образомъ, были два брата Чарторыйскіе. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ къ числу самыхъ богатыхъ людей въ Польскомъ государствѣ; обширныя его имѣнія находились и въ самой Польшѣ, и въ Литвѣ, и въ западной Руси; онъ часто объѣзжалъ ихъ и вездѣ, куда ни показывался, окрестная шляхта и даже знать были имъ принимаемы и угощаемы съ царскою пышностью. Брать его не былъ богатъ, но онъ занималъ одну изъ первыхъ должностей въ государствѣ, и поэтому имѣлъ весьма большое значеніе. Это была, безъ сомнѣнія, самая умная, самая свѣтлая голова въ Польшѣ. Первый, можетъ-быть, между своими соотечественниками, онъ понялъ, что то управление, какое существовало тогда въ Польшѣ, грозить ей совершенною гибелью; что верховная въ ней власть должна быть усплена и слѣдана, какъ вездѣ, наслѣдственно; что право каждого шляхтича одинимъ своимъ несогласиемъ останавливать рѣшеніе сейма, прерывавшее всѣ сеймы во все 30-лѣтнее царствование Августа III, что право это должно быть уничтожено; что гетманы коронный (польскій) и литовскій имѣютъ такую власть и такое огромное значеніе, которыя дѣлаютъ ихъ едва ли не сильнѣе самого короля; что военные силы польскія ничтожны; что необходимо оживить ея промышленность и торговлю и усилить ея казну.

Чарторыйскій замышлялъ привести въ исполненіе всѣ эти мысли и, зная, что онъ встрѣтятъ сильное противодѣйствіе со стороны Поляковъ, и особенно тѣхъ, которые были преданы Франціи, искалъ покровительства и поддержки у русскаго двора. Два брата Чарторыйскіе и родственники ихъ, Понятовскіе, были самыми видными и самыми искренними сторонниками Россіи. Радзивиллы, Сапѣги, Масальскіе и некоторые другие магнаты Литвы, Руси и Польши были также болѣе или менѣе на сторонѣ союза съ Россіей, равно какъ и примасъ близкое Чарторыйскимъ лицо. Таково было расположеніе умовъ, когда скончался Августъ III. Смерть его произошла отъ удара, слѣдовательно, мгновенно и произила какъ русскую императрицу, такъ и Фридриха II. «Не смѣйтесь мнѣ,—писала она своему министру Панину, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о кончинѣ короля польскаго: король прусскій изъ-за стола вскочилъ, какъ услышалъ».

Кому быть королемъ въ Польшѣ, вотъ вопросъ, который представился обоимъ сосѣдственнымъ съ Польшею государямъ. Фридрихъ полагалъ, что и Пруссіи, и Россіи слѣдуетъ желать, чтобы польская корона досталась не иностранному принцу, а природному Поляку, потому что такой государь не имѣлъ бы иной поддержки, кромѣ тѣхъ странъ и правительства, которыхъ доставили бы ему корону. Таково же было желаніе многихъ Поляковъ; оно было согласно и съ видами императрицы. Очень естественно, что императрица пожелала видѣть королемъ польскимъ кого-либо изъ членовъ преданной Россіи и вліятельной фамиліи Чарторыйскихъ. Ей былъ лично извѣстенъ родной ихъ племянникъ, графъ Станиславъ Понятовскій. Это былъ молодой человѣкъ, весьма красивый собою, довольно хорошо образованный, и который большую часть своей жизни провелъ при дворахъ парижскомъ, лондонскомъ и петербургскомъ, имѣлъ, слѣдовательно, случай сличать управление Польшею съ управлениемъ другихъ странъ и могъ произвести въ немъ необходимыя перемѣны подъ руководствомъ своихъ дядей.

Между тѣмъ, еще за нѣсколько времени до смерти Августа III-го, по случаю приближенія сейма, на малыхъ сеймикахъ въ Литвѣ и Польшѣ произошли обыкновенные при этомъ безпорядки. Литовскій гетманъ, князь Радзивиллъ, враждуя съ виленскимъ бискупомъ, княземъ Масальскимъ, напалъ на его дворецъ вооруженою рукою и выгналъ изъ него бискупа. Подобная же насилия были произведены и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ лицами, враждавшими противъ Чарторыйскихъ, и имѣвшими цѣлую избрать въ сеймовые послы, въ судебныя и иныя должности, людей противной имъ партіи. Поэтому Чарторыйскіе обратились къ императрицѣ и просили ея защиты. По желанію ихъ, небольшой отрядъ русскихъ войскъ былъ подвинутъ къ границѣ, что подало поводъ къ горькимъ жалобамъ со стороны лицъ противной партіи.

Между тѣмъ наступало время конвакаційнаго сейма (*). Гетманы Радзивиллъ и Браницкій прибыли въ Варшаву на этотъ сеймъ съ собственными своими войсками. Это заставило и русскаго посланника ввести въ Варшаву наши войска, что было явнымъ нарушеніемъ правъ Польского государства; но какъ государство это управлялось партіями, то нечего и удивляться, что права его были нарушаемы. Радзивиллъ и Браницкій отказались присутствовать на сеймѣ и, съ приверженцами своими, оставили Варшаву.

Этого только и ждали Чарторыйскіе. Такъ какъ на сеймѣ оставались одни ихъ приверженцы, они безъ труда настояли на томъ, чтобъ оба гетмана были лишены своихъ должностей и чтобы самое значеніе гетмановъ было ограничено. Это было началомъ тѣхъ преобразованій, которыхъ они давно задумывали. Въ управлениі казною были введены улуч-

(*) Такъ назывался тотъ сеймъ, который былъ созываемъ немедленно послѣ смерти короля, и на которомъ договаривались, какія условія предложить новому королю.

шения. Постановлено было, чтобы некоторые дела, по части внутреннего управления, решались не единогласиемъ, а большинствомъ голосовъ, какъ это принято во всѣхъ странахъ? Благоразумные люди могли радоваться такимъ начинаніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не могли не чувствовать, что решения сейма опорочиваются уже тѣмъ самимъ, что онъ находился подъ покровительствомъ иностранныхъ войскъ. Дѣйствительно, сеймъ былъ не свободенъ, и враги Чарторыйскихъ не хотѣли признать его рѣшеній и подчиниться имъ.

Они вооружились и провозгласили конфедерацию. Впрочемъ, войска русскія, собственные войска Чарторыйскихъ и небольшое количество войскъ, принадлежавшихъ польскому правительству, легко разсѣяли конфедераторовъ. Браницкій и Радзивилль бѣжали за границу.

Между тѣмъ провозглашенъ былъ избирательный сеймъ. Отсутствие Браницкаго и Радзивилла и пораженія, понесенныя имъ приверженцами, дали и здѣсь рѣшительный перевѣсъ партии Чарторыйскихъ: ихъ племянникъ Станиславъ Августъ Понятовскій былъ избранъ королемъ единогласно.

X.

Ходатайство Екатерины за диссидентовъ. — Новая генералія въ Бѣлоруссіи и въ заднепровской Украинѣ.—Радомская конфедерация.—Сеймъ 1767 года.—Арестованіе нѣсколькихъ сенаторовъ.—Рѣшеніе диссидентскаго дѣла.—Барская конфедерация.—Волненія между крестьянами заднепровской Украины.—Гайдамаки.—Разореніе Балты.—Война съ Турцией.—Прусскія и Австрійскія войска вступаютъ въ Польшу.—Похищеніе короля.—Первый раздѣлъ Польши.

Давъ Польшѣ короля, который обязанъ короною Россіи, Екатерина имѣла право надѣяться, что при немъ представлениа наши въ пользу православныхъ будутъ имѣть больше успѣха чѣмъ прежде. Въ этой надеждѣ она пословѣтowała Георгію Конисскому юхать въ Варшаву и представить лично Станиславу Августу объ утвержденномъ положеніи своей паства. Король, по чувству справедливости, желалъ облегчить страданія своихъ православныхъ подданныхъ и разослалъ въ такомъ смыслѣ приказанія духовнымъ и свѣтскимъ начальствамъ; по эти приказанія ни мало не помогли. Тогда Екатерина рѣшилась принять болѣе энергическія мѣры. На сеймѣ, который собрался въ Варшавѣ въ 1765 году русскій посланникъ, князь Репинъ, вмѣстѣ съ прусскимъ посланникомъ, представилъ, что коренные законы Польши даруютъ всѣмъ инонѣрцамъ-християнамъ, подданнымъ Рѣчи Посполитой, одинаковыя права съ католиками на участіе въ сеймахъ и на занятіе всякихъ должностей; что права эти были неоднократно подтверждены и православнымъ, и лютеранамъ; что торжественные договоры съ Россіей Пруссіей и нѣкоторыми другими дворами обязываютъ правительство польское къ сохраненію этихъ правъ, но что они постоянно и ежедневно нарушаются къ ущербу единовѣрцевъ Россіи и Пруссіи. Новый король, находя, что эти представлениа совершенно справедливы, самъ поддерживалъ ихъ, но одно

упоминаніе о правахъ диссидентовъ, о возможности схизматикамъ засѣдать въ сеймѣ и сенатѣ, быть судьями или воеводами, показалось Полякамъ до того возмутительнымъ, что они обнажили сабли и, въ присутствіи короля, едва не умертили примаса.

Сеймующіе чины разъѣхались и разнесли по всей странѣ неудовольствіе противъ требованій Россіи и Пруссіи и противъ самого короля. Сами Чарторыйскіе, усердно искавши до сего времени опоры Россіи, не рѣшились поддерживать ея требование о диссидентахъ, которое, однакожь, было въ дѣйствительности виолиѣ справедливо. Ветревоженная этимъ, императрица поручила одному изъ проницательнѣйшихъ государственныхъ людей своихъ, Сальдерну, развѣдать на мѣстѣ, отчего происходитъ такое сильное неудовольствіе противъ столь справедливаго, по-видимому, требованія; въ чемъ состоитъ желаніе польского народа что нужно сдѣлать для его успокоенія, и обо всемъ этомъ уговориться съ союзникомъ Россіи, королемъ прусскимъ.

Мысль Екатерины II состояла въ томъ, чтобы сдѣлать изъ Польши полезнаго для себя союзника на случай войны съ Турцией, точно также, какъ Пруссія могла ей быть полезною, въ случаѣ войны съ Австріей или какою либо другою страной. Но Фридрихъ II имѣлъ на Польшу совершенно другие виды: онъ, какъ мы уже знаемъ, желалъ пріобрѣсть тѣ ея земли, которыя, по берегу Балтійскаго моря, раздѣляли на двое его собственныя владѣнія. Поэтому, онъ убѣждалъ Сальдерна представить императрицѣ, что она напрасно поддерживаетъ Чарторыйскихъ и вводимыя ими преобразованія, которыя усилиятъ Польское государство и могутъ, говорилъ онъ, сдѣлать его опаснымъ для самой Россіи. Замѣчаніе столь знаменитаго и опытнаго политика, какъ Фридрихъ, не могло не обратить на себя вниманіе Екатерины. Ожесточенное сопротивленіе, которое обнаружилось въ Польшѣ при первыхъ словахъ о правахъ диссидентскихъ, давало поводъ думать, что и въ самомъ дѣлѣ, пока Польша имѣть какую-нибудь силу, иновѣрцы не найдутъ въ ней справедливости. А между тѣмъ въ Петербургъ ежедневно доходили отъ единовѣрцевъ нашихъ самыя горькія жалобы и самыя настоятельныя требованія защиты.

Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ, ревность польскихъ ксендзовъ къ обращенію русскихъ, получила новую силу; снаряжены были особыя комиссіи проповѣдниковъ, или миссіонеровъ, которые разъѣзжали по всей западной Руси и, гдѣ убѣжденіемъ, а гдѣ обманомъ и силою, отврашали народъ отъ прародительской вѣры. Вотъ, напримѣръ, какъ это происходило въ Могилевѣ. Въ назначенный день крестьяне окрестныхъ деревень были сгнаны на базарь, тамъ раздали мужчинамъ деревянные латинскіе кресты, а женщинамъ какіе-то особыліе вѣнички, которые, какъ увѣрялъ проповѣдникъ, предохраняютъ отъ болѣзней, грома и пожара. Проповѣдникъ, ставъ на приготовленное для него возвышеніе, началъ доказывать, что вѣра римская лучше греческой, или даже, что она есть единственная благочестивая и христіян-

ская.—«Смотрите, говорилъ онъ, показывая Дѣянія апостольскія: святой апостолъ Павель ни до кого другаго не писалъ посланій, какъ только до Римлянъ; къ намъ писалъ онъ, а къ вамъ нѣтъ, стало быть мы благочестивые, а вы схизматики. Ваши предки тоже были благочестивые, потому что они были членами, а когда царь московской уничтожилъ унію, то вы все, отставшіе отъ нея, впалы въ ересь; вотъ и Филипповцы (раскольники) не признаютъ вашей вѣры, да и какъ признавать ее! воскликнулъ проповѣдникъ; я самъ читалъ въ книгахъ русскихъ, въ Москвѣ напечатанныхъ, что Петръ Святый крестиль Пречистую Дѣву Марию. Какъ такое заблужденіе небеса терпятъ? За то, посмотрите, какъ Богъ отвернулся отъ васъ и отъ вашей церкви: храмы ваши рушатся, попы ваши и монахи ищутъ, а наши костелы горятъ золотомъ, и у насъ, въ пестинной вѣрѣ, сенаторы и королевичи въ монашество суть.»

Такъ говорилъ католический проповѣдникъ, безстыдно кощунствуя и обманывая темныхъ своихъ слушателей. Онъ лгалъ, говоря что на Руси была унія прежде восточного православія; онъ лгалъ, говоря, что поэтому раскольники отдалились отъ нашей церкви; онъ лгалъ, будто въ книгахъ, печатаемыхъ въ Москвѣ, говорится, что апостолъ Петръ крестиль Богородицу (*); онъ лгалъ, говоря, что апостолъ Павель писалъ къ однимъ Римлянамъ: онъ писалъ также и къ Грекамъ (Коринтянамъ), а во время апостола Павла. Русскихъ еще не было, какъ не было и Поляковъ, какъ не было еще тогда раздѣленія перкви на восточную и западную. Все это такія вещи, которыя знаетъ каждый грамотный ребенокъ, и которыхъ не могъ не знать католический миссионеръ. Онъ не ошибался, слѣдовательно, а лгалъ умышленно; онъ, который собралъ народъ для провозглашенія ему божественной истины, для бесѣды съ нимъ отъ имени Бога! Единственное справедливое въ его словахъ было то, что православные попы, чернецы и даже міряне въ западной Россіи были ищущіе, что храмы ихъ ветшали и рушились; но за то, что эти храмы, эти попы, чернецы и міряне были приведены въ такое положеніе католиками и Поляками, за то именно и обрушилась на нихъ та страшная кара, о которой мы будемъ сейчасъ говорить.

Бѣлорусский народъ, издавна придавленный своими панами и латинскими ксендзами, молчалъ, хотя и сопротивлялся еще, сколько могъ, введенію уніи: но болѣе сильно воспротивился ей народъ украинскій. Въ то же самое время, какъ въ Могилевѣ и другихъ бѣлорусскихъ городахъ и селеніяхъ начали свои проповѣди католическіе миссионеры; проповѣдавали они и на Украинѣ; только, какъ тамъ ожидали большаго сопротивленія, то миссионеровъ сопровождали военные команды. «Виереди

(*) Всѣ священныя книги, напечатанныя въ Москвѣ, рассматривались предварительно у патріарха или въ синодѣ, а потому невѣроятно, чтобы такая грубая ошибка могла въ нихъ вкрасться. Впрочемъ, еслибы она и вкraлась, то доказывала бы несовершенство нашихъ книжниковъ, а не вѣры нашей.

ѣхали инструкторы и инспекторы; за иими казаки отъ губернаторовъ и комиссаровъ; позади—отрядъ жолнеровъ полковника Воронича. Мокрицкій (викарій уніятскаго митрополита) указывалъ путь, давалъ ординацыи и производилъ судъ; Вороничъ казнилъ непокорныхъ. Въ самое непродолжительное время до ста священниковъ было изгнано изъ приходовъ, дома ихъ разорены, имущество разграблены, жены и дѣти преданы на поруганіе или скитались въ ужасной нищетѣ; а тѣхъ изъ нихъ которые попадались въ руки Мокрицкаго, тирианили всячески: остригали имъ волосы, забивали въ колодки и отправляли въ Радомысьль; тамъ били ихъ немилосердо, давали по 600 и по 800 ударовъ и, въ тяжелыхъ оковахъ, заставляли тачками возить землю на валъ, или же отправляли на тягчайшую работу въ Кодню и Львовъ.»

Такъ разсказано объ этомъ страшномъ наѣздѣ униатовъ и католиковъ въ подлинныхъ дѣлахъ, которыя и до сего времени сохраняются въ киевскихъ архивахъ. Народъ съ ужасомъ разбѣгался, а кому случалось быть захваченнымъ, того тирианили до тѣхъ поръ, пока онъ не изъявлялъ согласія принять унию: били нагайками, приговаривая при каждомъ ударѣ — «се тоби за государыню (Екатерину), се за короля (польскаго), за святѣйшій спіодъ, за архіереи и за вся православные христіяне!»

Но эти тиранства не прошли даромъ. Изъ числа православныхъ монастырей, на правой сторонѣ Днѣпра, большимъ уваженіемъ пользовался Мотренинскій монастырь, равно какъ и его настоятель Мельхиседекъ Яворскій. Обитель эта находилась въ Чигиринскомъ повѣтѣ, въ мѣстности гористой и лѣсистой, въ которой легко могли находить убежище крестьяне, спасающіеся отъ насилий. Мотренинскіе монахи и игуменъ не выдавали ихъ, а потому и прошла о нихъ въ народѣ добрая слава, такъ что не только окрестные жители приходили туда на поклоненіе, но и Запорожцы. Эти послѣдніе дѣлали вклады въ монастырскую казну и проживали тамъ нерѣдко по нѣсколько недѣль сряду.

Уже этого одного было достаточно, чтобы польскія начальства, а также духовенство латинское и уніятское неблагосклонно смотрѣли на Мотренинскій монастырь. Въ 1765 году вознамѣрились отобрать его на унию. У кого было просить защиты? Мельхиседекъ донесъ объ этомъ своему начальству, Переяславскому епископу и киевскому митрополиту, а какъ между тѣмъ прошелъ слухъ, что императрица Екатерина милостиво приняла Георгія Конисскаго, и что ея посланникъ, въ Варшавѣ, настойчиво ходатайствуетъ въ пользу православныхъ, то мотренинскій игуменъ рѣшился лично отправиться въ Москву.

Тамъ, подобно епископу белорусскому, онъ былъ принятъ государынею и какъ ей самой, такъ и приближеннымъ ея, имѣль случай раскрыть во всей подробности неспоспособное положеніе русскаго народа, подвластнаго Польшѣ. Императрица дала ему письмо къ польскому королю, котораго Мельхиседекъ лично видѣлъ въ Варшавѣ, и который съ удивленіемъ и негодованіемъ услышалъ о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ его украинскими подданными. Онъ велѣлъ немедленно написать къ мѣстнымъ властямъ,

чтобъ они воздержались отъ насилий. Но власти эти такъ мало обращали вниманія на приказанія королевскія, что самъ Мельхиседекъ, возвращаясь съ королевскою грамотой, былъ схваченъ извѣстнымъ уже намъ Мокрицкимъ, посаженъ въ тюрьму и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль томился голодомъ. Благодаря, однакожъ, крѣпкому сложенію своему, онъ пережилъ эти мученія и возвратился, хотя и полуживой, въ свою обитель (1766 г.).

Очевидно, православіе находилось въ Польскомъ государствѣ при послѣднемъ изыханіи. Все, что называлось русскимъ и православнымъ, подвергалось преслѣдованію, все это искоренялось. Католическое духовенство поставило себѣ задачею обратить весь народъ, населявшій владѣнія Рѣчи Посполитой, въ католиковъ и Поляковъ; оно неблагосклонно смотрѣло даже на уніатовъ, потому что они продолжали именовать себя Русскими, продолжали говорить русскимъ языкомъ и молиться въ храмахъ, построенныхъ по образцу греческихъ. Но могла ли это допустить Россія? Какъ всякий человѣкъ, такъ и всякий народъ сочувствуетъ своему единовѣрцу и своему единокровному; наконецъ, всякий честный человѣкъ и всякий благородный народъ гнушается неправдою и расположеньемъ помочь утѣсненному; если польское правительство не хотѣло или не могло установить правды въ своихъ владѣніяхъ и ограничить заносчивость католического духовенства, то дѣло это приходилось взять въ свои руки другимъ правительствамъ. Русскіе государи слишкомъ долго ограничивались въ этомъ отношеніи одними совѣтами и представленіями: православные обитатели западной Руси готовы были, какъ мы видѣли, искать болѣе действительной защиты у прусского короля, къ стыду Россіи.

По всѣмъ этимъ причинамъ императрица Екатерина рѣшилась, наконецъ, такъ или иначе, достигнуть облегченія участіи своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Посоль ея въ Варшавѣ, князь Репнинъ, былъ человѣкъ молодой, пылкій, отважный, твердый. Будучи знатенъ и богатъ, будучи лично близокъ къ королю и сблизившись со всею польскою знатью, онъ, болѣе нежели кто другой, могъ довести до желаемаго конца всякое щекотливое дѣло; но какъ только онъ повелъ рѣчь о возвращеніи диссидентамъ прежнихъ правъ, то увидѣлъ, что добромъ до этого не возможно будетъ достигнуть. Какъ ни рѣшителенъ и твердъ былъ Репнинъ, онъ смущился передъ сопротивленіемъ, которое встрѣтилъ съ первого шага и представилъ императрицѣ, что не благоразумнѣе ли будетъ предоставить Польское государство своей судьбѣ. Государыня была, однакожъ, неизмѣнна; она повелѣла ему возобновить дѣло диссидентовъ на приближавшемся сеймѣ (1766 года), и если представленія ея не будутъ уважены, то образовать изъ диссидентовъ конфедерацию.

Тогда Репнинъ принялъся за дѣло съ величайшимъ рвениемъ и рѣшительностію. Онъ видѣлъ, что ни на короля, ни на Чарторыйскихъ нельзя было надѣяться въ диссидентскомъ дѣлѣ, и потому онъ отвернулся отъ нихъ и обратился къ ихъ противникамъ, къ партии французской. Эта партия точно также не хотѣла слышать о дарованіи правъ иновѣрцамъ,

но она вмѣстѣ съ тѣмъ негодовала на перемѣны, произведенныя Чарторыйскими въ управлѣніи государствомъ. Болѣе же всего возмутило эту партію уничтоженіе закона, дававшаго каждому Поляку возможность срывать сеймы, заявленіемъ своего единоличнаго несогласія. Репнинъ сблизился съ нѣкоторыми изъ главныхъ противниковъ Чарторыйскихъ и короля, выхвопоталъ дозвolenіе возвратиться въ отечество князю Радзивиллу и имѣлъ довольно искусства, чтобы въ одно и то же время устроить конфедерациіи диссидентовъ (какъ православныхъ, такъ и лютеранъ) и горячихъ католиковъ: одни вооружались противъ правительства за свободу своихъ исповѣданій, другіе за свои шляхетскія волынія, и хотя тѣ и другіе взаимно ненавидѣли другъ друга, но благодаря искусству русскаго посланника и враждѣ къ Чарторыйскимъ, они соединились воедино и въ городѣ Радомѣ провозгласили генеральную или общую, повсемѣстную конфедерацию. Говорятъ, что это было сдѣлано изъ страха и съ помощью насилия, потому что въ Радомѣ были введенцы русскія войска: но много ли могло быть этихъ войскъ? Полкъ или два, а генеральную конфедерацию подписало шестьдесятъ тысячъ человѣкъ.

Конфедерация эта обнаружила такимъ образомъ всю слабость Польскаго государства, всю разрозненность его дворянства, всю власть какую можетъ имѣть умный и ловкій человѣкъ въ этой странѣ! Поляки посѣльдніе замѣтили это и возненавидѣли Репнина; одно имя этого знаменитаго человѣка сдѣлалось имъ ненавистнымъ. Конечно, любить имъ его не за что; но они лучше сдѣлали бы, еслибы пока еще бѣло время, возненавидѣли свои внутренніе раздоры и устранили причины которыхъ раздѣляли Польшу и влекли ее къ погибели. Репнинъ не былъ обязанъ служить Польшѣ; это была обязанность Поляковъ. Репнинъ былъ силенъ ихъ безсиліемъ и неблагородствомъ. Когда въ двѣнадцатомъ году Наполеонъ собирался противъ Россіи, онъ также старался поселить въ ней раздоры и тѣмъ облегчить себѣ побѣду; но Россія, напротивъ, крѣпче прежняго слилась въ единую мысль и въ единую волю — и только тѣмъ спасла себя!

Искусство Репнина простерлось до того, что онъ убѣдилъ самого короля присоединиться къ радомской конфедерациіи, и такимъ образомъ всѣ селы Польши направилъ противъ Чарторыйскихъ. Эта фамилія, такъ долго пользовавшаяся опорой Россіи и ея деньгами, была сдѣлана ватерлоемъ, жестоко наказана за то, что она не поддержала русской политики въ диссидентскомъ дѣлѣ. Конфедераты вступили въ Варшаву, открыли въ ней сеймъ и уничтожили на немъ всѣ постановленія сдѣланныя подъ вліяніемъ Чарторыйскихъ, то есть восстановили власть гетмановъ и возвратили каждому Поляку право срывать сеймъ одинъ мѣсяцъ личнымъ несогласіемъ, и всѣ эти постановленія отдали подъ охрану русской императрицы. Глядя на эту безумную злобу съ которой конфедераты, называвшіе себя патріотами, уничтожали постановленія ограждавшія нѣкоторый порядокъ въ Польшѣ, король прусскій долженъ былъ потирать руки отъ удовольствія, потому что онъ, какъ выше сказано, еще съ

самаго вступленія на престоль Екатерины, совѣтовалъ ей поддерживать въ Польшѣ безпорядки.

Но разрушеніе преобразованій сѣфлянинъ Чарторыйскими, было только половиною задачи, данной князю Репнину: она должна была привести къ концу диссидентское дѣло, т. е. добыть имъ возстановленіе ихъ прежнихъ правъ и поставить эти права и ихъ самихъ подъ защиту Россіи. Если первая половина задачи оказалась довольно легкою, благодаря враждѣ Поляковъ между собою, то вторая половина должна была представить несравненно большія трудности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только Репнинъ заговорилъ съ конфедератами о диссidentахъ, недавніе друзья его и покорные исполнители его воли разомъ отъ него отрѣнули. Одинъ изъ значительнѣйшихъ между католическими духовными, Каэтапъ Солтыкъ, бискупъ краковскій, написалъ окружное посланіе къ своей паствѣ, приглашая ее во все продолженіе сейма молиться, а ксендзы совершаютъ ежедневныя молебствія, чтобы Духъ Святой помогъ отразить претензіи диссидентовъ.

Подобно Солтыку, смотрѣли на дѣла диссидентовъ всѣ безъ исключения католические епископы, и огромное большинство магнатовъ и шляхты; въ глазахъ каждого пѣтника Голака, была одна истинная христіанская вѣра—католическая; всѣ прочія они считали ересью, заблужденіемъ, едва-ли не худшимъ чѣмъ самое невѣріе. Наираспо сыпалъ Репнинъ деньгами, напрасно раздавалъ ихъ и прусскій посланикъ, напрасно оба они убѣждали, ласкали, грозили: сеймъ 1767 года открылся, не предвѣщая ничего доброго; разожженныя уже католическія страсти получили новое подстрекательство отъ окружного посланія, которое самъ папа счелъ нужнымъ распространить въ Польшѣ. Земскіе послы сѣѣзжались на сеймъ, какъ на сраженіе, готовые къ смерти, и многие изъ нихъ обязались прель своими избирателями лучше идти на всѣ крайности, чѣмъ допустить поруганіе святой вѣры: такъ называли они дарованіе нѣкоторыхъ правъ своимъ согражданамъ — иновѣрцамъ. Репнинъ видѣлъ, что этотъ сеймъ не обойдется безъ страшныхъ волненій, а потому придинулъ къ Варшавѣ отрядъ русскихъ войскъ, а другимъ войскамъ, стоявшимъ на границѣ, велѣлъ быть готовыми.

23-го сентября, въ самъ день открытия сейма, въ палатахъ князя Радзивилла собралось нѣсколько сотъ земскихъ пословъ. Туда же пріѣхалъ папскій послъ, и сталъ говорить, что святая вѣра погибнетъ, если диссиденты будутъ сравнены въ правахъ своихъ съ католиками, что обязанность всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества и церкви—стоять за вѣру и, если нужно, положить за нее животъ свой.... Собраніе отвѣчало на эти слова слезами, рыданіями, удареніями себя въ грудь и клятвами, что всѣ до единаго готовы скорѣе погибнуть чѣмъ измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ.

Въ эту самую минуту Репнинъ вступилъ въ залу, где происходило собраніе. Нѣсколько друзей его кинулось къ нему на встречу, убѣждая его возвратиться, ибо, говорили они, собраніе такъ раздражено, что ни

за что ручаться невозможно. Репнинъ однакожь не послушался, и смѣло вступилъ въ залу. Тогда все, что было въ ней, обратилось къ нему, окружило его съ шумомъ и угрозами, гремя саблями и призывая Небо въ свидѣтели, что всѣ до единаго готовы пролить кровь за святую вѣру

«Перестаньте кричать! воскликнулъ Репнинъ: а если будеге продолжать шумѣть, то и я заведу шумъ, и мой шумъ будетъ громче вашего! Никто не отнимаетъ у васъ права имѣть ревность къ своему закону, продолжалъ Репнинъ; эта ревность конечно похвальна но развѣ кто хочетъ нарушать права католического исповѣданія? Если вы подлинно вѣрны своему закону, то должны исполнять его справедливыя предписанія, чтобы никому въ вѣрѣ принужденія не дѣлать.»

Слова Репнина нѣсколько успокоили собраніе, но лишь на минуту. Когда же открылся сеймъ, то Солтыкъ нѣсколькими горячими, роздражающими словами снова довелъ его до изступленія. Тогда Репнинъ рѣшился на самую крутую мѣру. Онъ представилъ королю, что ничего другаго не остается дѣлать, какъ арестовать и выселять нѣсколькихъ главныхъ руководителей сейма. Король согласился, и Солтыкъ, двое графовъ Ржевусскихъ и кievскій епископъ Залусскій были арестованы и вывезены въ Россію.

Это распоряженіе повергло однихъ въ ужасъ, другихъ въ негодованіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожь, сеймъ притихъ. Полагаютъ, что болѣе всего способствовали къ укрощенію сеймующихъ чиновъ угрозы Репнина открыть имена всѣхъ враговъ и предателей отечества, то есть, людей, получавшихъ деньги отъ Россіи и Пруссіи... Должно думать, что такихъ насчитывалось много! Какъ бы то ни было, но диссидентское дѣло приведено было къ окончанію. Всѣмъ диссидентамъ, къ какому бы христіянскому вѣроисповѣданію они ни принадлежали, если только они были шляхетскаго происхождения, дарованы были права, равныя правамъ католической шляхты. Запрещалось именовать ихъ еретиками, отступниками и схизматиками, предоставлялось имъ чинить свои церкви и строить новыя; всякие поборы съ нихъ въ пользу католическихъ церквей запрещены; для уиравленія церковными дѣлами учреждены какъ православныя, такъ и лютеранская консисторіи; неправильно отобранныя у нихъ на унію или въ латинство церкви велико возвратить, а для разбора споровъ, могшихъ произойти по этому поводу, равно какъ и для всѣхъ споровъ по церковнымъ дѣламъ между католиками и диссидентами, установленъ былъ особый трибуналъ изъ духовныхъ лицъ католического и диссидентскихъ исповѣданій. Всѣ эти постановленія, равно какъ и государственные законы Рѣчи Посполитой, отданы подъ покровительство русской императрицы, которая признала ихъ блюстительницей, съ которой и заключенъ былъ по этому поводу торжественныи договоръ (въ 1768 г.).

Такого полнаго торжества, такого громаднаго перевѣса надъ Польшею никогда еще не имѣла Россія. Россія не прирѣзывала, правда, ни одного вершка земли, но за то все Польское государство, съ его королемъ и народомъ было въ рукахъ Россіи, и если уже Петъ I, подписывая договоръ

1717 года, писалъ, что Польшѣ вихнуть нельзя, то тѣмъ болѣе могла это сказать Екатерина. Въской споръ Россіи съ Польшею очевидно приходилъ къ концу.

Но если Польша не была довольно сильна, чтобы оградить свою безоцнность, то въ дворянствѣ ея чувство чести еще было достаточно живо, чтобы страдать отъ того положенія, въ которое страна эта была поставлена. Лица, составлявшія сеймъ 1767 года, разъѣхались по своимъ воеводствамъ и повѣтамъ, кто съ тяжелымъ уныніемъ, кто съ горькою ненавистью въ сердцѣ. Имя Репнина не произносилось иначе какъ съ проклятіями; злоба противъ Россіи и императрицы русской обхватила всю католическую часть народонаселенія; въ публичныхъ проповѣдахъ, въ частныхъ бесѣдахъ, при таинствѣ исповѣди ксендзы возбуждали ненависть противъ всего, что носятъ имя русское. Люди, которые еще недавно были послушными исполнителями воли Репнина и казались его друзьями, съѣзжались между собою и въ своихъ замкахъ горячо говорили о бѣдствіяхъ своей родины, о необходимости прекратить вліяніе на нее Россіи. Къ несчастію для нихъ, исторія Польши не представляла для этой цѣли иныхъ средствъ, какъ конфедерациі, и другихъ силъ, какъ тѣ, которыя заключались въ толпахъ бурливаго, вѣчно-враждующаго другъ съ другомъ дворянства; поднять народъ, весь народъ, никто и не думалъ. Поэтому, какъ мы увидимъ сейчасъ, усиія Поляковъ къ возвращенію свободы своему отечеству представлять много блестящихъ случаевъ, но не приведутъ ни къ чему для нихъ полезному.

Въ февралѣ 1768 года, въ маленькомъ городкѣ Подоліи, Барѣ, съѣзжалась часть окрестнаго дворянства и составила конфедерацию съ цѣлью свергнуть русское владычество и уничтожить права, данные диссидентамъ. Главами ея были одинъ изъ графовъ Потоцкихъ Красинскій и Пулавскій. Извѣстіе объ этой маленькой конфедерациі, какъ молния, облетѣло Украину, Литву и Польшу. Ксендзы и шляхта встрепенулись и дружно на нее откликнулись; въ короткое время составилось множество конфедераций, которая вонши въ союзія съ барскою. Казалось, все Польское государство мгновенно вспыхнетъ, все.—отъ одного конца до другаго.

Станиславъ Августъ потребовалъ помощи противъ конфедератовъ у Россіи, такъ какъ онаприняла на себя долгъ, охранять спокойствіе Польши. Императрица встревожилась. Надѣло, совершенное Репнинымъ, въ Петербургѣ взглянули неблагосклонно; нашли, что онъ слишкомъ натянулъ струны, что онъ былъ слишкомъ круты, что оскорблялъ иногда безъ надобности народное чувство Поляковъ. Это было, однакожъ, не совсѣмъ справедливо. Репнинъ нѣсколько разъ представлялъ, что данная ему задача опасна и что надобно оставить Польшѣ и нѣкоторое значеніе, и нѣкоторую силу, хотя бы для того только, чтобы имѣть послушную союзницу, на случай войны съ Турками. За диссидентское дѣло онъ взялся неохотно. Но его готовность идти на уступки встрѣчала, какъ мы видѣли, совершенную неуступчивость со стороны Поляковъ, и онъ принудилъ ихъ къ уступкамъ; но и тогда, готовясь подписать трактатъ 1768-го

года, онъ писалъ императрицѣ: «какая слава составить счастіе цѣлаго народа, позволивъ ему выйтіи изъ беспорядка и анархіи (неурядицы)!» Онъ просилъ оставить Польшѣ законъ о сеймахъ, который устанавливавъ для нѣкоторыхъ дѣлъ рѣшенія большинствомъ, а не единогласіемъ, говоря, что благоразумные люди и въ Польшѣ этого желаютъ. Императрица, съ своей стороны, на донесеніи Репнина написала: «для чего бы не дозволить сосѣдямъ пользоваться иѣкоторымъ порядкомъ, который еще и намъ можетъ иногда въ пользу оставаться?»

Для чего и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлалось такъ, какъ представляль посланикъ и какъ желала государыня? Образъ мыслей Репнина и Екатерины дѣйствительно и представляль въ то время истинныи намѣренія русскаго правительства; мы видѣли какъ сильно оно содѣствовало въ началѣ преобразованіямъ Чарторыйскихъ; по поддерживать неурядицу въ Польшѣ желалъ король прусскій, и Екатерина не могла не сдѣлать нѣкоторыхъ уступокъ единственному своему союзнику. Дальнѣйшия события приготавляли еще болѣе печальную для Польши развязку.

Въ одномъ изъ обширныхъ имѣній князя Любомирскаго, въ Подоліи, обнаружилось въ 1766 году волненіе крестьянъ, но оно въ то время не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Между тѣмъ, мелкія партіи гайдамаковъ, предводимыя по большей части Запорожцами, стали появляться чаще и дѣйствовали тѣмъ усиѣніе, чѣмъ болѣе на Украинѣ усиливалось раздраженіе противъ пановъ и католиковъ. Оно сдѣлалось наконецъ чрезвычайно сильнымъ когда, въ началѣ 1768-го года, барскіе конфедераты начали собирать съ украинскихъ крестьянъ деньги и продовольствие, и когда союзники ихъ, Татары, появясь въ нынѣшней Подоліи, напомнили сранѣ бѣдственныя времена, когда дикихъ крымцевъ призываѣтъ Дорошенко. Какъ прежде, они уводили въ плѣнъ цѣлые деревни, жгли и грабили все, что было на ихъ пути.

Въ это же самое время стали замѣтать, что большое число людей, то поодиночкѣ, то небольшими партіями, начало переходить изъ Запорожья за польскую границу. Зачѣмъ они переходили—объяснилось весною, когда человѣкъ двѣсти слишкомъ Запорожцевъ появились въ имѣніяхъ князя Любомирскаго, и когда нѣсколько десятковъ тысячъ его крестьянъ мгновенно возмутились, какъ всыхиваетъ порохъ. Экономъ и управляющіе этого магнатата были перебиты; евреи, арендовавшіе его корчмы въ мельницы—перевѣшены, костелы ограблены, а ксендзы во многихъ мѣстахъ были вздернуты на дверяхъ и воротахъ, имѣя съ одной стороны повѣшенного еврея, а съ другой—удавленную собаку, съ такою надписью:

Лахъ, Жидъ и собака
Все вѣра одинака.

Предводителемъ этого восстанія является Максимъ Жельзнякъ. Онъ былъ Запорожець и имѣлъ собственный хуторъ, но въ хуторѣ этомъ его рѣдко видали. Иногда приходилъ онъ въ Сѣчъ, но чаще исчезалъ куда-то и пропадалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ; въ послѣдствіи открылось, что онъ въ это время гулялъ по польскимъ владѣніямъ то одинъ, то съ

иѣсколькими товарищами, промышляя незаконнымъ промысломъ; а такъ какъ онъ охотно дѣлился легко добытымъ золотомъ съ тѣми, которые давали ему пристанище или оказывали помощь, то у него развелось много пріятелей между крестьянами и бывшими казаками польской Украины. Извѣстно также, что онъ бывалъ, подобно другимъ Запорожцамъ, и по долгу живаль въ Мотренинскомъ монастырѣ, игуменъ котораго былъ, какъ мы уже знаемъ, высокоуважаемъ всѣми православными.

Желѣзнякъ былъ человѣкъ смѣгливый, бывалый, извѣстный между крестьянами; Запорожцы, тайкомъ пробравшися чрезъ границу, собирались около него, и гдѣ только ни появлялась ихъ маленькая, удалая кучка крестьяне кидались къ немъ на встречу, и казаки польскихъ цановъ переходили на ихъ сторону (*).

Возмущеніе разливалось какъ рѣка, прорвавшая плотину. Въ иѣсколько недѣль оно обхватило всю южную часть нынѣшней Киевской и Подольской губерніи. Оно приблизилось наконецъ къ Умані, главному пункту обширныхъ владѣній графовъ Потоцкихъ. Умань была тогда окружена валами, имѣла 32 пушки; ее охранали иѣсколько сотъ жолнеровъ (солдатъ) и иѣсколько тысячъ казаковъ; но казаки эти оказались ненадежною защитой. Желѣзнякъ имѣлъ между ними много друзей и, между прочимъ, сопника Гонту, казака расторопнаго, храбраго, и котораго управляющій имѣніемъ Потоцкаго хотѣлъ вывести въ шляхтичи. Какъ только появился Желѣзнякъ съ своими Запорожцами и мѣстными крестьянами передъ Уманью, Гонта со всѣми уманскими казаками перешелъ къ нему.

Послѣ этого оборонять Умань сдѣлалось уже невозможнымъ. Управляющій, или, какъ Поляки говорили, губернаторъ, отворилъ ворота и соглашался отдать все, что ииѣтъ! онъ и всѣ собравшися тамъ окрестные цаны, прося только, чтобъ ииѣ оставлена была жизнь. Казаки вступили въ Умань и не дали щады никому. Цаны, послесоры, экономы, латинскіе ксендзы, уніятскіе попы, Евреи, все было предано истребленію. Много женщинъ и дѣтей лишено было жизни. Полагаютъ, что при этомъ страшномъ истребленіи было избито болѣе 6,000 человѣкъ.

Мудрено предсказать, чѣмъ кончилось бы это возстаніе украинскихъ крестьянъ, и дѣйствительно не обратилось ли бы оно въ новую хмельницину, еслибы ему не былъ положенъ предѣль русскимъ оружиемъ. Но счастію для Польши, недалеко отъ мѣстъ, въ которыхъ злодѣйствовалъ Желѣзнякъ, находились русскія войска: императрица, какъ извѣстно, обѣщала наблюдать за сохраненіемъ въ Польшѣ порядка. Поэтому ея войска немедленно двинулись къ Умані, безъ труда обезоружили Запорожцевъ, украинскихъ казаковъ и крестьянъ, и захватили главныхъ начальниковъ. При этомъ открылось, что Желѣзнякъ возмущалъ крестьянъ

(*) Въ заднѣпровской Украинѣ казачество, какъ особое войско, было уничтожено. Прежне казаки, сдѣлавшись подданными польскихъ магнатовъ, считались собственными ихъ казаками.

именемъ императрицы и показывалъ имъ указъ, въ которомъ она будто бы повелѣвала кошевому атаману выслать Желѣзняка съ Запорожцами, чтобы поднять крестьянъ въ польскихъ владѣніяхъ и произвесть рѣзюю помѣщиковъ ксендзовъ и Евреевъ. Кѣмъ былъ состряпанъ этотъ указъ—до сихъ поръ неизвѣстно. Поляки были увѣрены, что его сочинилъ Мельхиседекъ, но едва-ли это справедливо, потому что мотревинскій игуменъ былъ человѣкъ высокой нравственности и потому еще, что указъ написанъ довольно безграмотно и, какъ надо думать, человѣкомъ не видавшимъ царскихъ указовъ (*). Но крестьяне знать этого не могли и, злобясь на своихъ пановъ, на Жидовъ и на ксендзовъ католическихъ и уніатскихъ, охотно исполняли повелѣніе, которое имъ было передано отъ имени императрицы.

Не ранѣе какъ черезъ три мѣсяца послѣ взятія казаками Уманы, пришелъ къ ней на помощь коронный гетманъ. Русскій генераль Кречетниковъ передалъ ему Гонту, а также польскихъ казаковъ и крестьянъ, взятыхъ подъ Уманью; Запорожцевъ же съ Желѣзнякомъ отправилъ за Днѣпръ. Желѣзнякъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, а Гонта и вообще тѣ плѣнники, которые были преданы польскому суду, подверглись страшному наказанію: Гонту мучили сряду двѣ недѣли; сначала, въ теченіе несколькихъ дней, ежедневно вырѣзывали у него по полосѣ кожи; потомъ ежедневно же отсѣкалъ то руку, то ногу и, наконецъ, у этого обезображенаго тулowiща отрубили голову.

Многимъ изъ главныхъ его сообщниковъ равномѣрно были отсѣчены головы, руки и ноги; другие посажены на колѣ: иные повѣшены. Нѣсколько сотъ человѣкъ было, такимъ образомъ, истреблено и изувѣчено. Это уже не законъ казнилъ: это потѣшалась ненависть панская. Законъ наказываетъ преступника, удаляетъ его или въ безлюдныя пустыни, или за тюремныя стѣны, чтобы отнять у него возможность причинять вредъ; наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, лишаетъ его жизни; но давно уже во всемъ мірѣ не существуетъ законовъ, по которымъ бы можно было умерщвлять человѣка въ теченіи четырнадцати дней. Пугачевъ былъ великій злодѣй: онъ злодѣйствовалъ почти въ то же время, какъ и Гонта: онъ пролилъ, безъ сомнѣнія, не менѣе крови и, кромѣ того, дерзнуль называться царскимъ именемъ; но и онъ далеко не подвергся такой мучительной казни, какъ Гонта.

Это восстание казаковъ и украинцевъ, извѣстное подъ названиемъ *коліївщины*, чадило много хлопотъ Россіи: уже давно, съ самаго вступленія на престолъ короля Станислава, Франція мутила Польшу противъ Россіи, устроивала конфедерациі, присыпала имъ деньги и оружіе, отправляла къ нимъ офицеровъ и давала надежды на еще болѣшую помощь.

(*) Въ послѣдствіи былъ распространенъ слухъ, что указъ этотъ действително выданъ императрицею; но это не имѣетъ ни малѣйшаго основанія.

Въ то же время, она подбивала и Турцію. Султанъ, котораго увѣрили, что Россія слаба, что всѣ ея войска заняты въ Польшѣ, готовъ былъ бы начать войну, но не находилъ къ этому достаточнаго предлога. И вотъ этотъ предлогъ представился. Партия Запорожцевъ и Украинцевъ, выступивъ изъ Умани, напала на мѣстечко Балту, половина котораго принадлежала Польшѣ, а другая половина Турціи. Казачья вольница, не разбирая границы, ворвалась къ Туркамъ и перебила тамъ нѣсколько человѣкъ, пожгла ихъ дома и пограбила ихъ имущество. Русское правительство поспѣшило объявить турецкому, что беспорядокъ этотъ произошелъ безъ его вѣдома, что виновники будутъ наказаны, а убытки вознаграждены; но въ Константинополѣ этого не хотѣли слушать: Посланникъ нашъ былъ оскорблѣнъ и заключенъ въ темницу; а какъ посланникъ представляетъ собою лицо государя и всего народа, то на оскорблѣніе, нанесенное ему, государь и народъ не могутъ отвѣтить ничѣмъ инымъ, какъ войною.

Итакъ, въ 1769 году, началась война между Россіей и Турціей. Въ первый годъ не было большихъ успѣховъ ни съ той, ни съ другой стороны, но въ слѣдующемъ году фельдмаршаль графъ Румянцевъ одержалъ двѣ славныя победы при Ларгѣ и Катулѣ, въ то же время корабли наши, выйдя изъ Кронштадта, обогнувъ всю Европу, совершенно истребили турецкій флотъ въ славномъ чесменскомъ бою и произвели восстаніе между православными подданными султана, Греками и Славянами.

Такимъ образомъ лукавая политика Франціи доставила Россіи лишь новую славу, хотя, конечно, слава эта обошлась не безъ потери людей и денегъ: во всякомъ случаѣ, война наша съ Турціей не принесла никакой пользы Полякамъ. Напротивъ, въ то время какъ вниманіе всей Европы было обращено на нашу борьбу съ Турками, прусскій король, безъ шума и не объявляя войны, ввелъ небольшую часть своего войска въ Польшу; когда же польское правительство спросило у него, что означаетъ это вторженіе, онъ объяснилъ, что это ничего болѣе какъ мѣра предосторожности противъ чумы, свирѣпствующей въ Польшѣ. Отвѣтъ этотъ былъ не болѣе какъ уловка, потому что чумы въ Польшѣ не было, да еслибы она и была въ самомъ дѣлѣ, это не давало бы ему права вводить свои войска въ чужое государство. Но въ Польшѣ была сумятица, междуусобная война: Польша не умѣла, не могла оборонить своихъ границъ, а потому ей ничего не оставалось, какъ молчать или бесплодно жаловаться, что она и сдѣлала. Польша жаловалась при всѣхъ европейскихъ дворахъ, а король прусскій исподволь подвигалъ свои войска и довелъ ихъ почти до Варшавы. Что же дѣлалъ французскій король, подававшій надежды на свое заступленіе и помощь? Онъ продолжалъ общадживать, и больше ничего. Онъ совѣтовалъ также Полякамъ быть единодушными и совокупить всѣ свои усилия, чтобы изгнать враговъ изъ отечества. Это былъ добрый совѣтъ, но слишкомъ поздній.

Польско е государство имѣло 15 миллионовъ подданныхъ; Поляки счи-

тались народомъ храбрымъ, любящимъ свое отечество и свою свободу; какъ же могло случиться, что они не въ состояніи были дать отпора немногочисленному прусскому отряду и русскимъ войскамъ, которыхъ было не болѣе 20 тысячъ? Войска въ десять разъ сильнѣйша, иѣсколько лѣтъ послѣ того, наступили на Францію, и Франція восторжествовала надъ ними. Въ позавѣтномъ 1812-мъ году полмилліона воиновъ вторглись въ Россію, и Россія принудила ихъ удалиться съ страшною потерей. Почему же не видимъ мы подобнаго въ Польшѣ? Потому что и во Франціи, и въ Россіи противъ виѣннаго врага вставала вся земля: правительство французское и русское шли на непріятеля, окруженнаго народомъ; шелъ старый и малый, а кто не могъ идти, отдавалъ свою послѣднюю копѣйку. Въ Польшѣ было не то. Она не находила силъ въ самой себѣ: эти силы были разрознены, дворянство ненавидѣло короля, а крестьяне ненавидѣли дворянство. Барская конфедерация объявила короля лишеннымъ престола, а украинскіе крестьяне рѣзали своихъ помѣщиковъ. Гдѣ же была сила Польши? въ помощи, которую обѣщалъ французскій король Но слабъ тотъ человѣкъ, который надѣется болѣе на сосѣдей чѣмъ на самого себя; безсильно и непрочно то государство, которое разчитываетъ на помощь союзниковъ, а не на силы, любовь иѣрность народа!

Долго увѣрялъ Поляковъ король французскій, что прусскія войска занимаютъ Польшу безъ дурнаго намѣренія, но доля обманываться становилось уже невозможно. Долго тѣшилъ онъ ихъ надеждами на грозную помошь турецкихъ войскъ, но эти войска были разсѣяны; онъ обиадживалъ ихъ въ искреннемъ расположениіи Австріи, и точно, она выражала имъ свое расположеніе; но вдругъ, безъ всякой основательной причины, ея войска перешли польскую границу и заняли западную часть Галиціи.

Тогда волна отчаянія раздалася между польскими шляхетствомъ. Король Станиславъ, которому съ самаго начала ставили въ вину то, что онъ возведенъ на престолъ иностранною державой, и который имѣлъ множество враговъ съ первого дня своего царствованія, сдѣлался теперь предметомъ ненависти всего дворянства; конфедерация провозгласила его лишеннымъ престола; а какъ объявленіе это не препятствовало ему продолжать жить, и даже довольно весело, въ королевскомъ замкѣ, то иѣсколько отважныхъ заговорщиковъ, подкарауливъ однажды, когда онъ поздно вечеромъ откуда-то возвращался, кинулись на него и похитили его изъ среды самой его столицы. Чѣмъ памѣревались сдѣлать съ нимъ заговорщики, неизвѣстно; но, кажется, что лишить его жизни они не хотѣли. Выбравшись изъ Варшавы, они сбились съ дороги; одинъ за другимъ отѣзжали они, осматривая окрестность, такъ что пакоцецъ только одинъ изъ нихъ остался при королѣ. Тогда Станиславъ началъ убѣждать и убѣдилъ его, чтобы онъ его спасъ. Не подалеку случилась мельница, на которую король и былъ привезенъ; тамъ ему перевязали рану, которая, можетъ-быть нечаянно, была ему нанесена въ голову, и немедленно дала знать о немъ въ Варшаву. Все это случилось такъ бы-

стро, что Станиславъ уже былъ возвращенъ въ свои палаты, прежде чѣмъ вѣсть о его похищении успѣла облетѣть весь городъ.

Но вѣсть эта скоро разнеслась по всей Европѣ, и вездѣ, особенно при дворахъ, произвела сильное неудовольствие. Къ Полякамъ охладѣли даже тѣ правительства, которые до сего выражали имъ наиболѣе сочувствія. Дѣла конфедератовъ были весьма плохи; на помощь Франціи уже нельзѧ было надѣяться; Турція принуждена была заботиться о собственномъ спасеніи; дворянство было утомлено, и хотя въ спискахъ конфедераций числилось до 60 тысячъ человѣкъ, на самомъ дѣлѣ ихъ рѣдко бывало болѣе четырехъ или пяти тысячъ. Но были еще отважные борцы за польскую независимость, о которыхъ нельзѧ не упомянуть съ уваженіемъ. Таковъ былъ Казимиръ Пулавскій, сынъ одного изъ первыхъ вождей барской конфедерации; съ горстью преданныхъ себѣ людей, этотъ храбрый молодой человѣкъ посился изъ Украины къ Кракову, изъ Галиціи на Волынь, поддерживая умирающее одушевлѣніе своихъ соотечественниковъ. Въ Литвѣ составилась было новая конфедерация подъ начальствомъ одного изъ князей Огинскихъ, но она была скоро уничтожена быстрымъ ударомъ знаменитаго Суворова, только что начинавшаго тогда рядъ громкихъ своихъ побѣдъ. Польша изнемогала, и соѣдственная правительства уже вели переговоры о ея раздѣлѣ.

Король прусскій давно нетерпѣливо ждалъ случая прирѣзать къ своимъ владѣніямъ ту часть Польши, о которой было выше сказано; въ теченіи иѣсколькихъ лѣтъ онъ забрасывалъ объ этомъ рѣчь императрицѣ Екатеринѣ; но русскій дворъ еще колебался: ему казалось достаточнымъ сохранить то влияніе на дѣла Польши, которое было предоставлено ему трактатомъ 1768 года. Будучи отвлечено турецкою войной и желая скорѣе успокоить Польшу, правительство наше отозвало Речинина, котораго Поляки ненавидѣли, и убѣдило диссидентовъ поступиться иѣкоторыми изъ вновь дарованныхъ имъ правъ. Но Фридрихъ настаивалъ на своемъ; будучи обязанъ заключеннымъ иѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ условіемъ, помочь Россіи дѣльгами въ войнѣ ея противъ Турокъ, онъ объяснялъ, что желаетъ вознагражденія за свои издержки, и вознагражденіе это, онъ хотѣлъ получить на счетъ Польши. Австрія, съ своей стороны, очевидно не намѣревалась возвращать польскихъ земель, занятыхъ ею Россіей оставалось, слѣдовательно, или дозволить усиливаться Пруссіи и Австріи, или послѣдовать ихъ примѣту. Она естественно избрала послѣднее. Въ 1772 г. посланники австрійскій и прусскій вмѣстѣ съ министромъ Екатерины, графомъ Панинымъ, составили договоръ о присоединеніи къ каждой изъ трехъ соѣдственныхъ державъ иѣкоторой части Польши: Россія была предоставлена часть Бѣлоруссіи, именно нынѣшняя Витебская и часть Могилевской губерніи; Пруссія пріобрѣтала ту часть Польши, которая раздѣляла прусскія владѣнія, съ довольно большимъ прѣзкимъ къ югу; Австрія—часть Галиціи и Подоліи.

Объ этомъ рѣшеніи было объявлено польскому правительству, и король Станиславъ былъ приглашенъ созвать сеймъ для утвержденія этого

договора. Тяжело бываетъ каждому народу уступать часть своихъ владѣній, и это должно быть тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе сознаетъ народъ, что онъ не употребилъ всѣхъ силъ, дабы удалить такую печальную крайность. Дворянство польское было поражено разразившимся надъ его родиной ударомъ. Многіе изъ числа выбранныхъ на сеймъ пословъ отправились съ твердымъ намѣреиемъ не соглашаться ни на какія уступки. Нѣкто Корсакъ, отпуская своего сына на сеймъ, сказалъ ему, чтобы онъ лучше положилъ свою голову, нежели подписалъ унижение отчизны; но большинство земскихъ пословъ не имѣло этой ведикодушной рѣшиности. Когда сеймъ собрался,—весьма впрочемъ немногочисленный,—то много было шума, много бренчанія саблями, много громкихъ словъ о любви къ отечеству и свободѣ, но всего шесть человѣкъ оставались до конца непреклонными. Сеймъ утвердилъ, такъ называемый, *первый разделъ Польши*.

XI.

Устройство, данное Бѣлоруссіи.—Сестропольевичъ.—Непріязненная Россія партія Потоцкихъ и др.—Народное движеніе на Волыни.—Партія Потоцкихъ пользуется имъ для возбужденія умовъ.—Сеймъ четырехъ-лѣтій.—Конституція 3 мая (1791 г.).—Затруднительное положеніе Польши.—Торговицкая конфедерациі.—Вступление русскихъ и прусскихъ войскъ.—Второй раздѣлъ (1793).—Гродненский сеймъ.

«Мы желаемъ, написала Екатерина въ инструкціи губернаторамъ, назначеннымъ въ новоуприсоединенные земли, чтобы не только сіи провинции силою оружія были намъ покорены, но чтобы сердца людей, въ оныхъ живущихъ, добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ управлениемъ въ Россійской имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отверженіе свое отъ анархіи (неурядицы) республики польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію.» Но, не желая препятствовать тѣмъ, которымъ польская неурядица нравилась, оставаться при ней, государыня объявила, что она никого не удерживаетъ и назначила для тѣхъ, которые не захотятъ оставаться, срокъ для продажи своихъ имѣній и устройства прочихъ дѣлъ. За то отъ тѣхъ, которые этимъ разрѣшеніемъ не воспользовались, потребована была присяга въ вѣрности и безусловное подчиненіе русскимъ законамъ. Въ управлении краемъ и въ суды введенъ былъ русскій языкъ, свойственный огромному большинству мѣстного народонаселенія. Самоволію пановъ, ихъ явному пренебреженію къ законамъ и къ власти положень быть предѣль; конфедерациі слѣдались болѣе не возможны. И хотя вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство потеряло высокодѣнное имъ право собираться на сеймики и сеймы для обсужденія мѣстныхъ и государственныхъ дѣлъ,—вообще говоря, оно находило, что порядокъ и безопасность достаточно вознаграждали его за эти права. Крестьяне были подведены подъ общій въ имперіи законъ и зачислены въ крѣпостные. Но эта перемѣна если не улучшила, то едва ли и ухудшила ихъ положенія. Крѣпостное право не увеличило власти надъ

ними помѣщиковъ, которые и прежде не знали въ этомъ отношеніи никакихъ стѣсненій; за то теперь, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ неурожая, пожара или иного подобнаго бѣдствія, помѣщикъ былъ обязанъ дать своему крестьянину все необходимое; благосостояніе белорусскаго крестьянинна не возрасло, это правда, бѣдность его сдѣлалась притчей во всей остальной Россіи; но онъ проникся подобно прочимъ русскимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, тою мыслю, что и онъ имѣетъ място въ сердцѣ царевомъ и что когда нибудь царь изречетъ слово, которое расторгнетъ его узы. Переносить свое положеніе терпѣливо его научало духовенство, которое хоть и не мало видѣло еще стѣсненій со стороны иностранныхъ дворянства, но не опасалось уже наѣздовъ на церкви и поруганія святыни, а потому сдѣлалось вѣрною опорою въ краѣ русской власти и ковчегомъ русской народности.

Что касается до духовенства католическаго, то оно поставлено было императрицею въ надлежащія границы. Не вмѣшиваясь въ дѣла вѣры и предоставляемъ не только католикамъ, но и Евреямъ свободно ее исповѣдывать, Государыня рѣшилась дать почувствовать всенамѣнскимъ монахамъ, что они русскіе подданные, и подобно всѣмъ прочимъ, должны подчиняться общему для всѣхъ закону. Имъ не было запрещаемо признавать папу своимъ духовнымъ главою и принимать его распоряженія; но если эти распоряженія противорѣчили обязанностямъ вѣрноподданнаго или существовавшимъ въ Россіи законамъ, то правительство не дозволяло ихъ обнародовать,—что и случалось.

Подобныя же мѣры приняты въ настоящее время относительно католическаго духовенства даже въ государствахъ католическихъ. Всѣ правительства поняли, что главенство папы можетъ быть очень опасно какъ для ихъ власти, такъ и для блага управляемыхъ ими народовъ, если ему будетъ предоставленъ хотя малѣйшій поводъ вмѣшиваться въ дѣла мірскія. Но католическое духовенство вообще расположено вмѣшиваться въ эти дѣла, а въ Польшѣ оно пріобрѣло къ этому и привычку. Поэтому необходимо было подчинить его такому человѣку, который былъ бы болѣе преданъ религіи, нежели папѣ и болѣе заботился бы о распространеніи ученія Христова, нежели господства римскаго престола. Такой человѣкъ нашелся; это былъ молодой и просвѣщенный монахъ Сестренцевичъ-Богушъ. Воспользовавшись его честолюбiemъ, Екатерина поставила его въ высокое положеніе архіепископа всей католической паствы въ Россіи, дала ему власти больше чѣмъ ея было у архиепископовъ польскихъ, и онъ вѣрно служилъ Россіи до самой смерти Екатерины; между духовенствомъ же, ему подчиненнымъ, онъ возвысилъ образованіе и нравственность.

Такъ устроена была та часть Польскаго государства, которая отошла къ Россіи; что касается до другой ея части, оставшейся подъ державою Станислава Августа, то казалось, что для него наступаетъ время благодѣтельныхъ перемѣнъ и мирнаго благоденствія. Оно еще заключало не менѣе 10 миллионовъ жителей; доходы его начинали увеличива-

ваться, войско было приведено въ исправное состояніе; рыцарство обнаруживало достаточно благоразумія на сеймахъ. Къ несчастію для нея, одинъ за другимъ умерли оба брата Чарторыйскіе, имѣвшіе большое вліяніе и на короля, своего членянича, и на страну вообще,—люди, которыхъ многие не любили, но которыхъ однакожь издавна привыкли уважать. Какъ скоро голосъ ихъ замолкъ въ совѣтахъ короля и собранияхъ рыцарства, первенство осталось за ихъ противниками, которые не имѣли ни ихъ способностей, ни ихъ благоразумія. Чарторыйскіе желали доставить верховной власти больше значенія и сдѣлать ее наслѣдственіою, какою она была и есть во всѣхъ европейскихъ государствахъ; они желали ограничить самовластіе магнатовъ и завести порядокъ въ государственномъ хозяйстве. Всему этому положено было начало въ первые годы послѣ раздѣла; но всему этому не дано было развиться. Постоянныя противники Чарторыйскихъ, Потоцкіе получили теперь первенствующее положеніе и даже успѣли привлечь къ себѣ сына одного изъ Чарторыйскихъ и наслѣдника ихъ несмѣтныхъ богатствъ. Поговорствуя дурнымъ страстямъ польского дворянства, они возставали противъ всякихъ стѣсненій произвола, котораго требуетъ порядокъ и подчиненіе законамъ, и открыли широкое поле интригамъ, наклонность къ которымъ, въ послѣднее время, сильно развилаась между Поляками. Такъ, нацримѣръ, о королѣ, котораго партія Потоцкихъ не терпѣла, распущенъ былъ слухъ, будто онъ подсыпалъ къ сестрѣ молодаго Чарторыйскаго княгинѣ Любомирской, съ предложеніемъ отравить своего брата. Всѣ возможныя мѣры прияты были, чтобы дать обширную огласку этому дѣлу; о немъ сообщено было иностраннымъ дворамъ, печатано въ газетахъ; Чарторыйскій заказалъ во всѣхъ костелахъ королевства благодарственные молебны. И что же? Назначенное по этому поводу слѣдственная комиссія, между членами которой было нѣсколько враговъ короля, раскрыла, что все это было не что иное, какъ выдумка и клевета! Разказывая этотъ постыдный случай, одинъ нѣмецкій писатель справедливо удивляется не безнравственности княгини Любомирской и ея брата, не ихъ пріятелямъ, которые свидѣтельствовали за нихъ передъ слѣдствіемъ,—ибо вездѣ есть люди безнравственные,—но тому, что эти безнравственные люди нисколько не потеряли въ общественномъ мнѣніи, когда презрѣнная клевета ихъ была обнаружена. Действительно, та страна близка уже къ паденію, гдѣ безнравственность не наказывается общественнымъ презрѣніемъ.

Въ это время русская императрица пожелала поѣхать вновь присоединенные къ Россіи области — Бѣлоруссію и Крымъ. Окруженная нѣсколькими министрами, придворными и иностранными посланниками, она пустилась въ путь въ январѣ 1787 года, была привѣтствуема въ Могилевѣ Георгіемъ Конисскимъ, такъ много сдѣлавшимъ для возсоединенія своей родины съ Россіей, и выждавъ вскрытия Днѣпра въ Кіевѣ, пустилась далѣе въ путь водою. Въ стариинномъ казачьемъ городѣ Каневѣ имѣла она свиданіе съ королемъ Станиславомъ. Взаимная помощь была въ это время очень нужна имъ обоимъ. Сдѣлавшись предметомъ не-

нависти сильной царти. король могъ найдти помошь только въ одной русской императрицѣ; Екатерина, съ своей стороны, предвидѣла, что присоединеніе Крыма будетъ причиною войны съ Турцией и потому ей было необходимо обезпечить себѣ, если не помошь Польши, на что нельзѧ было надѣяться, то по крайней мѣрѣ ея миролюбіе и возможность получить продовольствіе изъ Галиции и Подолія для войскъ, наступающихъ на Турцию.

Въ 1787 году, дѣйствительно, Турция объявила Россіи войну, въ которой, противъ насъ, приняла участіе и Швеція, Пруссія и Англія обнаруживали къ намъ крайнее нерасположеніе, а единственный союзникъ нашъ, императоръ германскій Іосифъ II, воевалъ съ Турками неуспѣшино. Успѣхи наши также были при началѣ войны не блестящи. При такомъ положеніи дѣлъ господствовавшая въ Польше цартия начала обнаруживать явную непріязнь къ Россіи и, казалось, подготавляла умы къ тому, чтобы примкнуть къ открытымъ нашимъ врагамъ. Слѣдующее обстоятельство довело раздраженіе Поляковъ противъ Россіи до крайнихъ предѣловъ.

Въ началѣ 1789 года въ Луцкѣ распространилась молва, будто тамошніе крестьяне замышляютъ произвѣстъ возстаніе, подобное бывшему двадцать лѣтъ тому назадъ на Украинѣ, и что православное и даже униатское духовенство руководитъ этимъ замысломъ. Шляхетство вскопошилось и немедленно дало знать обѣмъ случаѣ въ Гаршаву, где былъ собранъ сеймъ, а между тѣмъ пришло мѣры къ подавленію предполагаемаго мятежа и къ изслѣдованию самаго дѣла. Началось изслѣдованіе; по слѣдователемъ заранѣе составили себѣ убѣжденіе, что злодѣйство несомнѣнно, и успѣя ихъ нашравились не къ раскрытию правды, а къ тому, чтобы во чѣмъ бы то ни стало найти виновныхъ. Множество крестьянъ, церковниковъ и униатскихъ священниковъ были подвергнуты самымъ жестокимъ истязаніямъ, чтобы исторгнуть у нихъ признаніе; ловили слова и перетолковывали ихъ. Испуганное шляхетство само сочиняло раздражающіе слухи: то тотъ, то другой день былъ, но словамъ молвы, назначенъ для произведенія всеобщей рѣзни — что, въ свою очередь, побуждало слѣдственную комиссию усиливать розыски, не разбирая средствъ въ отношеніи подозрѣваемыхъ. Несколько человѣкъ было даже предано этою комиссией казни, которая, такимъ образомъ, присвоила себѣ право суда.

Между тѣмъ никакихъ положительныхъ доказательствъ не было открыто, какъ свидѣтельствуютъ некоторые изъ современныхъ польскихъ писателей и какъ призналъ въ послѣдствіи самъ сеймъ. Все обвиненіе вертѣ ось на томъ, что на Водынѣ, припадлежавшую Польше, прѣѣзжали русские купцы и приходили русские ходебщики, которые между прочимъ товаромъ, продавали и ножи. Затѣмъ подхвачено было въ корчмахъ польскою слово, въ которыѣ крестьяне выражали недовольство своимъ положеніемъ, преданность «императрицѣ» и сочувствіе Гонтѣ, за страданіе котораго, говорила народная молва, его сынъ отплатилъ панамъ,—вотъ и все. Но раздраженные умы Поляковъ привлекли къ этому дѣлу православнаго

Переяславскаго епископа Виктора, который былъ арестованъ и привезенъ въ Варшаву какъ преступникъ. Русскій посланникъ требовалъ его освобожденія, жаловался, что іерархъ и русскій подданный подвергся такому оскорблению: все это было оставлено безъ вниманія. Мало того: въ посольской домѣ, вездѣ почитаемый неприкосновеннымъ, ворвались жолнеры (солдаты) и схватили находившагося при посольствѣ священника. На сеймѣ варшавскомъ многіе дошли даже до того, что въ торжественномъ заѣданіи прямо выказали, что теперь, какъ и въ 1768 году, восстание крестьянъ подготовлено русскою императрицей.

Лица, признанныя волынскою слѣдственною комиссіей виновными, привезены были въ Варшаву и тамъ подвергнуты новымъ допросамъ, изъ которыхъ составленъ были докладъ, представленный сейму. Въ какомъ духѣ составленъ былъ докладъ и вообще ведено слѣдствіе, видно изъ слѣдующаго. Докладъ старался доказать, что болѣе ста лѣтъ ясѣ усилия русскаго правительства были направлены къ тому, чтобы истощить и обезспечить Польшу всевозможными бѣдствіями, и что изъ этой же коварной политики исходитъ и коліевщина, о которой говорится слѣдующими словами:

«Бралицкій, гетманъ великий коронный, бывши въ то время ловчимъ короннымъ и генераломъ артиллерійскимъ, усмирилъ сей бунтъ (?) Гонта, Шило, предводители рѣзи (рѣзни) уманской, и прочие ихъ сообщники по разнымъ Україны воеводствамъ,—въ русскомъ, волынскомъ, подольскомъ,— казнены; Запорожцы, участковавшіе въ томъ бунтѣ, охранины Россійскимъ войскомъ отъ наказанія (?), будучи взяты въ Россію. Польша жестокость ихъ понесла, но не видѣла должного на нихъ мщенія; въ глазахъ правительства Россійского больше награжденія, нежели наказанія достойными явились тѣ, которые помогали обагрить кровью польскую землю и устлать ее бездыханными трупами; опека Россійская исхитила ихъ изъ рукъ правосудія того края, въ которомъ происходили тѣ злодѣянія. Сie должно приписать недреманному бдѣнію и осторожности, дабы начальство польское, по признаніи собственныхъ виновниковъ, не уразумѣло первого и существеннаго побужденія въ бунту. т. е. русскаго правительства Но неужели таковая осторожность послужила къ оправданію Россіи? Напротивъ того, больше обвиняетъ ее. Запорожцы Россійскіе суть заводчи бунтовъ, монахи и попы неуніатскіе благословляютъ замыселъ; Россія охраняетъ предводителей отъ наказанія; не токмо защищаетъ, но и чинами награждаетъ (!?) Узнавши сіе, можно ли сомнѣваться, откуда вдохновеніе, помощь и покровительство (нынѣшняго) бунта происходитъ?»

Такъ изображалъ коліевщину докладъ, прочитанный предъ представителями цѣлаго государства, напечатанный по распоряженію польскаго правительства, а между тѣмъ въ немъ ложь на каждой строкѣ. Главное скопище казаковъ и крестьянъ, приводившихъ въ ужасъ Подолію и Україну,

въ 1768 году, находилось подъ Уманью, и оно было обезоружено не Браницкимъ, а русскимъ генераломъ Кречетниковымъ. Запорожцы не «охранены войскомъ российскимъ отъ наказанія», а, какъ русскіе подданные, подвергнуты наказанію въ Россіи, русскимъ судомъ, по русскимъ законамъ, и конечно, съ нихъ не сдирали, какъ съ Гонты, кожи въ продолженіи двухъ недѣль, ихъ не жгли, и не сажали на колъ, и не истязали страшными мученіями, подобно тому какъ дѣлали въ Польшѣ съ нѣсколькоими сотнями тамошнихъ крестьянъ и казаковъ. Какъ ни преступны были Желѣзнякъ, Шило и другіе Запорожцы, но отдавать ихъ на жертву польской расправѣ было бы почти такимъ же безчеловѣчіемъ, какъ и жарить людей, сдирать съ нихъ кожу и т. п. Еслибы польскія войска захватили ихъ, Россія не могла бы ничего возразить, но эта «опека российская» были русскія войска, которая спасли Польшу отъ страшной опасности, и еще подвержено большому сомнѣнію, обязанъ ли былъ Кречетниковъ выдавать своихъ плѣнныхъ Браницкому, пришедшему слишкомъ три мѣсяца послѣ обезоруженія ихъ русскими войсками. Изъ приказовъ и распоряженій графа Румянцева, нынѣ напечатанныхъ, мы видимъ, что поимка гайдамаковъ производилась русскими войсками въ продолженіе слишкомъ года послѣ освобожденія Умани, то-есть когда уже началась у насъ война съ Турцией и когда каждый солдатъ былъ нуженъ для дѣла болѣе важнаго нежели охраненіе чужихъ помѣщиковъ отъ раздраженныхъ ими мужиковъ; это была услуга, отъ которой Россія имѣла полное право уклониться.

Мы не имеемъ такихъ точныхъ свѣдѣній о волненіи 1789 года какъ о мятежѣ 1768 года, или коліевщинѣ; но если первый изъ нихъ извращенъ такъ безсовѣтно, можемъ ли вѣрить и вообще тому, что говорится въ докладѣ 1791 года? Мы знаемъ, что манифестъ, приглашавшій Запорожцевъ истреблять Цоляковъ и Евреевъ, былъ подложный; не могли не знать этого и лица, писавшій докладъ: можно ли имъ вѣрить въ чемъ-нибудь, когда, зная это, они прямо приписываютъ коліевщину внушенію русского правительства? Вѣроятно ли, чтобы они не постарались извратить слова захваченныхъ на Волыни крестьянъ и церковниковъ, когда въ томъ же докладѣ они играютъ словами торжественного трактата, заключенного между Польшей и Россіей въ 1768 году, напечатанного, всѣмъ извѣстнаго? Составитель доклада говоритъ, что послѣ первого раздѣла императрица Екатерина считала Польшу свою собственностью и въ доказательство указываетъ на то, что въ этомъ трактатѣ она называла своими подданными православныхъ, живущихъ въ Польшѣ. Въ этомъ трактатѣ сказано, что назначается особая комиссія для разрѣшенія споровъ между православными и униатами относительно права ихъ на владѣніе нѣкоторыми церквами, для чего «обѣ высокодоговаривающіяся стороны дадутъ обоюднымъ подданнымъ своимъ повелѣнія». Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о церквяхъ, находившихся въ королевствѣ Польскомъ, то слѣдовало сказать, что король даетъ приказаніе своимъ подданнымъ различныхъ исповѣданій; но возможно ли здѣсь пред-

полагать что-нибудь другое, кроме ошибки? Какую цель могли бы иметь русские уполномоченные, заключавшие трактат, называть польскихъ подданныхъ русскими подданными? Чтобы привлечь ихъ къ мысли о русскомъ подданстве? Но та часть трактата, где говорилось объ «обоюдныхъ подданныхъ», была секретною и не могла быть обнародована; по всемъ этимъ причинамъ надо заключать, что составители доклада умышленно писали неправду. Злонамѣренно клеветали, съ цѣллю раздражить сеймъ, цѣльно тому какъ клеветали, распространяя слухъ о намѣрѣ короля отравить князя Чарторыйского, съ цѣллю возбудить раздраженіе противъ короля.

По если средства, которыми господствующая партія надѣялась достигнуть своей цѣли, были предосудительны и постыдны, то эта цѣль, еслибъ она осуществилась, могла бы принести пользу странѣ. Подобно своимъ предшественникамъ, Чарторыйскимъ. Потоцкіе и господствующая партія видѣли необходимость повсемѣстныхъ и глубокихъ преобразованій. Прежде всего казалось нужнымъ увеличить власть короля, которая была совершенно ничтожна, увеличить государственные доходы и, наконецъ, хоть нѣсколько, повысить положеніе крестьянъ, которыхъ правительство не имѣло возможности оградить отъ своею пановъ которые поэтому не имѣли ни малѣйшей привязанности къ своему правительству и оставались совершенно равнодушными къ славѣ, чести и даже цѣлостности государства. Все это были мысли столько же вѣрныя, сколько достойныя уваженія. Но когда представленъ былъ сейму законъ о крестьянахъ,—онъ произвелъ всеобщее негодованіе и былъ отвергнутъ; когда представленъ былъ законъ объ увеличеніи доходовъ казны, то онъ хотя и былъ принятъ, но дѣйствительное исполненіе было слабо; рѣшеніе объ утвержденіи престолонаследія, которое усилило бы королевскую власть, было отклонено и замѣнено лишь избраниемъ наслѣдника Станиславу; вообще преобразованіе было совершилось на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Предположено было, напримѣръ, увеличить армию до 100,000 человѣкъ, но она никогда не достигла этой цифры. Единственное полезное нововведеніе, принятое сеймомъ, состояло въ томъ, что города были допущены присыпать отъ себя пословъ.

Тогда Потоцкіе и король, который мало-по-малу поддался ихъ влиянию, рѣшились совершить преобразованіе неожиданно, пимо сейма, а именно, когда, по случаю праздниковъ Пасхи, большинство сеймовыхъ пословъ находилось въ своихъ мѣстностяхъ.

Въ понедѣльникъ на Фоминой недѣлѣ, 3 мая 1791 года, когда пословъ еще было мало на лицо (а именно, лишь 157, между тѣмъ какъ въ отсутствіи было 327), но за то много постороннихъ приверженцевъ Потоцкихъ, въ засѣданіи, которое происходило въ присутствіи короля и придворныхъ, и которому сообщено было какъ можно болѣе торжественности, внесенъ былъ законъ кореннымъ образомъ преобразовавшій Польское государство и который келейнымъ образомъ составили Потоцкіе и ихъ друзья. Какъ бы зарапортъ отвѣчая на претензіи тѣхъ, которые могли бы замѣтить, что столь важное дѣло не должно решаться иначе, какъ въ присутствіи возможно большаго числа пословъ,

собранію было объявлено, что сосѣдственныя дворы замышляютъ совер-
шить надъ Польшею вторичный раздѣлъ и что есть извѣстія о близкомъ
мирѣ Россіи съ Турціей, изъ чего было вывезено заключеніе, что внес-
енный проектъ одинъ лишь можетъ спасти Польшу и что, следовательно,
истинные сыны ея должны принять его немедленно. Король съ своей
стороны, возвысивъ голосъ, убѣждалъ собраніе утвердить проектъ не-
медленно, — или уже будетъ поздно. Если къ этому присоединить, что
весь городъ былъ въ движениі, что толпы мѣщанъ, весьма расположенныхъ
къ преобразованію, которое уже расширило права городовъ и обѣ-
щало новыя льготы, окружали замокъ, въ которомъ происходило засѣданіе,
проводглаша виваты королю и Потоцкимъ,—то намъ сдѣлается понятнымъ
безпримѣрное дѣло, что законъ о преобразованіи государственного управле-
нія сверху до низу былъ принятъ безъ разсужденій, безъ споровъ, безъ
объясненій, во столько времени, сколько было нужно, чтобъ его прочесть.

Изъ этого не сдѣдуетъ, однакожъ, заключать, чтобы законъ, внесенный
Потоцкими, былъ дуренъ; онъ производилъ не только въ управлениі, но и въ
самомъ устройствѣ Рѣчи Посполитой столько же глубокія, сколько и полез-
ныя преобразованія; открывалъ доступъ въ среду шляхты лицамъ другихъ
сословій за успѣхи въ промышленности или другія заслуги, утверждала
за королемъ наслѣдственную власть, отмѣняла право каждого шляхтича
разрывать сеймъ выраженіемъ единоличнаго своего неодобренія, наконецъ
принимала подъ покровительство закона и крестьянское сословіе. Всѣ
эти мѣры были несомнѣнно полезны,—но тѣмъ удивительнѣе, что ихъ
принесло вырывать у сейма, такъ сказать, обманомъ.

Междудѣмъ новый законъ, или конституція 3 мая, нарушила условія
договора, заключеннаго Польшей въ 1768 году, въ которомъ уста-
новлены были основанія государственного управлениія и отданы подъ
охраненіе русской императрицы. Хуже или лучше прежнихъ были эти
основанія,—дѣло въ томъ, что конституція 3 мая подавала Россіи по-
водъ снова вмѣшаться во внутреннія дѣла Польши, и можно было ожи-
дать, что этимъ поводомъ Россія воспользуется, такъ какъ во время сейма
оскорблениія сынались на ея правительство и на Императрицу.

Затрудненія, въ которыя Россія была поставлена, приближались къ
концу. Лѣтомъ 1790 года заключенъ былъ миръ со Швеціей, а къ
осени 1791 года можно было предвидѣть окончаніе и Турскої войны. Въ продолженіи трехъ лѣтъ политика наша была очень скромна въ Поль-
шѣ; русскій посланикъ оставался почти безмолвнымъ свидѣтелемъ совер-
шившихся событий; но это еще не значило, чтобы съ перемѣною обстоя-
тельствъ не перемѣнился и образъ дѣйствій. Еще до заключенія мира
съ Турціей императрица говорила, что она можетъ сдѣлать въ Польшѣ
все, что захочетъ, что она, впрочемъ, не сдѣлаетъ ни одного шага,
не будучи приглашена самими Поляками, но что если ее пригласятъ дѣй-
ствовать противъ партіи Потоцкихъ и примкнувшаго къ нимъ короля,
она заставитъ заплатить себѣ за это пособіе Волынью и Подоліей.

Въ концѣ 1791 года заключенъ былъ съ Турціей миръ,—и Польша

увидѣла, что партія Потоцкихъ поставила ее въ крайне опасное положеніе. Издавна уже политическое искусство польскихъ министровъ состояло лишь въ томъ, чтобы отражать опасность со стороны одной изъ съсѣднихъ державъ союзомъ съ другою. Партия Потоцкихъ, враждую противъ Россіи, заключила союзъ съ Пруссіей и сильно полагалась на этотъ союзъ. Но цѣль Пруссіи состояла въ томъ, чтобы такъ или иначе, въ уплату ли за услуги, или завоеваніемъ, добыть торговый городъ Гданскъ (Данцигъ). А какъ Поляки не соглашались уступить этотъ городъ, то и дружба къ нимъ Пруссіи охладѣла. Въ Берлинѣ громко заговорили о томъ, чтобы сблизиться съ Россіей и произвести совокупными силами новый раздѣлъ Польши.

Но можетъ-быть вмѣшательства съсѣднихъ дворовъ въ дѣла Польши не послѣдовало бы, еслибы сами Поляки не пригласили ихъ къ тому. Одинъ изъ Потоцкихъ, не раздѣлявшій мнѣнія своихъ однофамильцевъ, графъ Ржевускій и графъ Браницкій прибыли въ Россію, чтобы просить помощи противъ партіи, составившей конституцію 3 мая. Этотъ ихъ поступокъ и благосклонный пріемъ, встрѣченный ими въ Петербургѣ, были сигналомъ для всѣхъ недовольныхъ; засуганные силою партіи Потоцкихъ, иные молчали и скрывали свое неудовольствіе; теперь они стали громко высказываться, и ихъ оказалось много. Король начиналъ колебаться; но Потоцкіе съ жаромъ готовились дать отпоръ съсѣдямъ; взывали ко всенародному вооруженію; требовали людей и денегъ... Увы, ни деньги, ни люди не являлись! Вмѣсто предположенной съ такимъ единодушнымъ восторгомъ !О()-тысячной арміи, едва набрали 45 тысячъ плохо вооруженныхъ и снабженныхъ солдатъ. На улицахъ Варшавы появилось возваніе, приглашавшее умерщвлять какъ измѣнника всякого, кто осмѣлится говорить противъ конституціи 3 мая; другое объявление запрещало подъ страшными угрозами вступать въ какія бы то ни было сношенія съ русскимъ посланникомъ и даже видѣться съ нимъ,—а между тѣмъ въ польской Украинѣ, въ городкѣ Торговицѣ уже составлялась конфедерация подъ покровительствомъ русскихъ войскъ, для ниспроверженія конституціи 3 мая, и множество знатного и не знатного дворянства стекалось подъ знамя этой конфедерациі!...

Какъ вступленіе русскихъ войскъ, такъ и торговицкая конфедерация случились весною 1792 года, черезъ годъ послѣ принятія конституціи 3 мая. Посланникъ нашъ въ Варшавѣ сообщилъ въ то же время польскому правительству, что императрица обязанная охранять форму правлениія, установленную въ 1768 году, не можетъ признать этой конституціи, и согласно приглашенію части польского народа, выслала войска свои для содѣйствія торговицкимъ конфедератамъ. Все это мгновенно перемѣнило настроеніе умовъ и въ самой Варшавѣ. О сопротивленіи рѣдко кто рѣшался говорить. На противъ, громко раздавались жалобы на тѣхъ, кто накликалъ настоящую опасность, и громко требовали мира. Король, котораго сеймъ уполномочилъ сдѣлать императрицѣ мирные предложения, писалъ между прочимъ: «здѣсь теперь произошла такая перемѣна въ

образъ мыслей, что дѣлаемыя вами чрезъ меня предложения прини-
маютъ, можетъ-быть, съ болѣшимъ восторгомъ, чѣмъ все совершенное
на этомъ сеймѣ».

Потоцкіе и ихъ пріятели однако старалась еще возбудить народное чув-
ство и для этого прибѣгли къ средству, къ которому прибѣгали уже
нерѣдко: распустили слухъ, будто Турки и Татары снова начали войну
съ Россіей и одержали нѣсколько побѣдъ.. Но эта жалкая уловка уже
не могла пособить. На варшавскихъ улицахъ появились каррикатуры на
Потоцкихъ и короля, и въ шутовскомъ тонѣ объявлялось о разрушеніи
Польши, и польскія войска почти безъ боя отступали передъ русскими войс-
ками, исключая лишь небольшой отрядъ, бывшій подъ командой храбраго
и искуснаго генерала Косцюшко. Между тѣмъ съ западной границы всту-
пило въ Польшу и прусское войско, съ цѣллю, какъ сказано было въ
prusскомъ манифестѣ, обуздать беспокойную Рѣчь Посполитую.

Польша была низложена, не оказавъ никакого сопротивленія, и надъ нею
былъ совершенъ второй раздѣлъ. Россія предъявила требованія на часть
Бѣлоруссіи, остававшуюся еще за Польшей, Волынь и Подолію; новая гра-
ница, начинаясь у города Друї, на Двинѣ, должна была проходить чрезъ
Молодечно, Несвижъ, Пинскъ и Дубно къ Хотину, гдѣ соприкасалась бы Им-
перія Русская, Австрійская (Германская) и Турецкая. Такимъ образомъ
присоединились бы къ Россіи страны почти исключительно плодородныя
и населенные слишкомъ тремя миллионами, по большей части, Малорос-
совъ. Къ Пруссіи было въ то же время предположено отрѣзать часть
коренной Польши съ торговыми городами Данцигомъ (Гданскомъ) Тору-
немъ и Познанью, такъ что съ этой стороны граница проходила бы уже
недалеко отъ Варшавы. Все Польское королевство ослѣ втораго раздѣла
заключало бы въ себѣ съ небольшимъ 3 миллиона жителей.

Всѣ эти отрѣзки были условлены между русскимъ и прусскимъ правитель-
ствами; со стороны Польши ихъ долженъ былъ утвердить сеймъ, который и
былъ собранъ весною 1793 года въ Гроднѣ. Этотъ сеймъ представлялъ
печальный призракъ прежнихъ сеймовъ. Число пословъ было крайне не-
значительно и сообразовалось съ ничтожнымъ объемомъ королевства
въ его новыхъ границахъ; въ Гроднѣ были расположены русскія войска;
отъ пословъ требовалось не бежать или рѣшать, а исполнить то, что
уже было рѣшено между петербургскимъ и берлинскимъ дворами. Сеймъ
представилъ однакожъ, болѣе сопротивленія, чѣмъ можно было ожидать.
Этому былъ причиной главнѣйше вѣнскій дворъ, который, съ одной
сторопы, добивался въ Петербургѣ уступки ему Кракова, а съ дру-
гой стороны, обнадеживалъ въ Варшавѣ, возможностю помочи госу-
дарствѣ непріязненныхъ къ Россіи и возбуждалъ Поляковъ къ сопро-
тивленію. Король, всегда въ удивительную легкостю переходившій отъ
одного образа дѣйствій къ другому, объявилъ сейму, что когда онъ
вступалъ въ мирныя сношенія съ императрицей, то имѣлъ удостовѣреніе
русскаго посланника въ томъ, что Россія не желаетъ никакихъ пріобрѣ-

тешій отъ Польши, такъ что, когда требованія Россіи были предъявлены, они встрѣтили сильное сопротивленіе. Что было дѣлать русскому посланнику? Послать войскамъ распоряженіе, чтобы они продолжали войну? Но противъ кого же? Никто не сопротивлялся, кроме нѣсколькихъ членовъ сейма. Генераль Сиверсъ, (русскій посланникъ), рѣшился употребить насильственный мѣры противъ однихъ этихъ депутатовъ; они были арестованы, послѣ чего сеймъ утвердилъ уступку вышепечисленныхъ областей, провозгласилъ незаконными всѣ постановленія предшествующаго сейма, отмѣнилъ конституцію 3 мая и назначилъ послать къ императрицѣ депутацію съ просьбою принять на себя, попрежнему, охраненіе уставовъ и самого существованія королевства. За тѣмъ прусскимъ посланникомъ были предъявлены требованія его правительства. Когда это правительство, втянувшее, такъ сказать, Польшу въ настоящее бѣдствіе, возбуждавшее ее противъ Россіи, обнадеживавшее ее своею помощью, явилось теперь, чтобы участвовать въ раздѣлѣ ея посмертныхъ ризъ, негодованіе собранія не могло быть сдержано даже присутствіемъ вооруженной силы. Пруссій посланникъ былъ осыпанъ горькими упреками, проклятіями и ругательствами. Но судьба Польши должна была совершиться. Пруссій посланникъ настаивалъ, чтобы его требованія были безусловно исполнены; Сиверсъ поставилъ передъ окнами замка, гдѣ происходилъ сеймъ, два баталіона съ пушками, и объявивъ посламъ, что ихъ не выпустятъ, пока требованіе Пруссіи не будетъ исполнено. Тогда произошло нѣчто очень странное. Кто-то изъ пословъ шепнулъ своимъ собратамъ, что такъ какъ говорить имъ за-прещаютъ, то они должны молчать, ничего не возражать, но и ни на что не соглашаться. И дѣйствительно, собраніе вдругъ замолкло, будто вымерло. Прошелъ цѣлый—часъ, послы спѣдили не шевелись и не разжимая губъ. Наступила ночь, пробило три часа утра,—прежнее гробовое молчаніе!... Разумѣется, оно не могло продолжаться безконечно время. Одинъ изъ пословъ, находя, что дѣло надо кончить такъ или иначе, рѣшился встать и громко сказалъ, что «молчаніе есть знакъ согласія.» Предѣдатель или маршалъ спросилъ, не имѣется ли возраженія противъ этого заявленія, и какъ никакого отвѣта не послѣдовало, то онъ объявилъ, что сеймъ соглашается на предложенія Пруссіи.

XII.

Принятие уніятами православія. — Приготовленія въ Польшѣ къ новому возстанію.—Косякюшко объявленъ диктаторомъ.—Варшавская рѣзня.—Возстаніе принимаетъ революціонный характеръ.—Сраженіе при Мацбювицахъ.

Finis Poloniae (конецъ Польги).

Болѣе трехъ миллионовъ Русскихъ и старинныя русскія области были, какъ сказано, возвращены въ лоно отечества вторымъ раздѣломъ Польши. Въ томъ стремлѣніи, которое обнаруживало мѣстное народонаселеніе къ этому воссоединенію, главную роль играло единство вѣры. Бѣлоруссы и Малоруссы надѣялись, что подъ державою православныхъ государей

ихъ уже никто не станетъ принуждать принимать унію или католичество. Между уніятами, которые находились въ областяхъ возвращенныхъ какъ въ 1772, такъ и въ 1793 году, было много такихъ, которые лишь не задолго передъ тѣмъ принуждены были принять унію и которые рады были бы возвратиться къ православію. Да и между старинными уніятами и даже между католиками сохранялось воспоминаніе о томъ, что ихъ предки были православными. По понятію простолюдиновъ, католикъ тоже что Полякъ, и потому многимъ должно было казаться страннымъ, сдѣлавшись Русскимъ, оставаться католиками. Стоило только раздаться сильному голосу, и можно было ручаться, что цѣлые массы уніатовъ и даже католиковъ возвратятся къ исповѣданію своей прародительской вѣры.

Этотъ голосъ не замедлилъ раздаться. Епископъ Викторъ, — тотъ самый, который содержался нѣсколько лѣтъ въ заключеніи по случаю волнений на Волыни, но потомъ освобожденный и сдѣланый місскимъ архіереемъ, написалъ въ 1794 году воззваніе, въ которомъ, между прочимъ, выражался такимъ образомъ:

«Ея Священнѣйшее Величество, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Екатерина Вторая, православной церкви покровительница, возвративъ подъ державу свою сей единоплеменный народъ, и промышляя не токмо о временномъ, но и о вѣчномъ его благѣ, соизволила установить для пастыря сего словеснаго стада священноначаліе, и насы избрать къ таковому служенію. Исполняя долгъ пастыря, коему о спасеніи душъ человѣческихъ вѣрено неутомимое попеченіе, и совершая волю помазаницы Господней, приглашаемъ мы гласомъ евангельскимъ всѣхъ и каждого пола и возраста, въ пастѣ нашей обитающихъ, которыхъ праотцы, отцы, или и сами они лестю и страхомъ отъ благочестія совращены въ упію съ латинами, возвратиться безбоязнико въ объятія православной восточной церкви. Никто же да усомнится въ семъ спасительномъ обращеніи страха ради угрозъ, или лживыхъ разглашеній обѣ отторженій ихъ отъ обладанія россійскаго, пребывая въполномъ удостовѣреніи, что власть Все-вышняго не попустить, и никакая рука человѣческая не сильна будетъ отъять ихъ отъ соединенія съ прочими единовѣриими, братію ихъ, вѣрно-подданными Ея Императорскаго Величества. Никто же да убоится властей духовныхъ, или мірскихъ римского закона, вѣдая, что когда всемилостивѣйшая Государыня наша дозволяетъ иновѣриямъ свободно исповѣдывать законъ, отъ предковъ каждымъ наследованиемъ, то отнюдь не попустить, чтобы кто либо обращающійся въ вѣру православную, въ имперіи ея господствующую, колыми же паче тѣ, которыхъ предки, или сами они изъ нѣдръ благочестія коварно и насильственно истогнуты, малѣйшія обиды или угнетенія претерпѣли. Пастырски увѣщаемъ васъ, за-включаль архипастырь, возникните, чада церкви, насладитесь свободою православнаго исповѣданія! Имъ воодушевлены были предки ваши, и сами изъ васъ многие. Гоненіе исчезло, престали обуреванія. Прибѣгните во объятія церкви, матеря вашей, да насладитесь тишиною совѣсти, да шествуете путемъ истины, ведущимъ васъ къ состоянію благодати и славы, и да исполняеть

каждый изъ васъ, при исповѣданіи истинъ православной вѣры, обязательства вѣрности къ Государю и Государству его, тщательно проходя званіе свое.»

Воззваніе минскаго владыки увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: болѣе миллиона уніатовъ возвратилось къ православію. Значительное число такихъ же отщепенцевъ присоединилось въ слѣдующемъ году въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, закрѣпля такимъ образомъ религіозными узами связь свою съ Русскимъ народомъ.

А въ Польшѣ между тѣмъ готовились новыя событія. Униженіе, которому она подвергалась, производило всеобщее неописанное раздраженіе, которое сдерживалось только доказанною на дѣлѣ невозможностію поправить дѣло. Нашлось однакожъ нѣсколько человѣкъ, которые задумали еще разъ поднять страну, въ надеждѣ возстановить ее. Они стали тайно сноситься съ однимъ изъ Потоцкихъ, (графомъ Игнатиемъ) ушедшими за границу, когда Польша положила оружіе, съ Коллонтаемъ и Косцюшкомъ, которые сдѣлались извѣстны въ послѣднее время какъ горячіе патріоты, и также уѣхали за границу. Эти люди, въ то же время, возбуждали варшавское мѣщанство, оказавшее сочувствіе конституції 3 мая, и чернь, которую всегда легко увлечь. Они запасали оружіе и надѣялись, что возстаніе будетъ на этотъ разъ вполнѣ народнымъ и обхватить всѣ части Рѣчи Посполитой, отошедшия къ соѣднимъ державамъ.

Между тѣмъ послѣдовало распоряженіе о распущеніи польской арміи. Одинъ начальникъ небольшаго отряда, расположеннаго въ нынѣшней Плоцкой губерніи, рѣшился не исполнить этого распоряженія; онъ поднялъ свой отрядъ и кинулся къ сторонѣ Кракова, быстро минуя мѣста расположенія русскихъ и прусскихъ войскъ. Это смѣлое движеніе онъ совершилъ благополучно и нашелъ въ Краковѣ людей, которые находились въ сношеніяхъ съ Косцюшкомъ, а между тѣмъ по дорогѣ онъ соединился съ нѣсколькими другими польскими отрядами, такъ что они вмѣстѣ составили порядочную военную силу. Весной 1794 года, въ Краковѣ провозглашено было всеобщее возстаніе, а Косцюшко — диктаторомъ, или правителемъ съ неограниченной властью. Для разсѣянія этого скопища, которое почитали ничтожнымъ, высланъ былъ русскій отрядъ, но онъ встрѣтилъ силу гораздо болѣшую чѣмъ ожидалъ, и былъ разбитъ. Извѣстіе о провозглашенномъ въ Краковѣ возстаніи и объ уситихъ надъ русскими отрядомъ мгновенно подняло на ноги Варшаву, въ которой, какъ оказалось, весьма много и всякаго званія людей принимало участіе въ приготовленіяхъ къ возстанію. Не подозрѣвая этого, кругомъ обманутый, начальникъ расположенныхъ тамъ русскихъ войскъ, генераль Игельшгрѣмъ, очутился, вмѣстѣ съ своими 10,000 солдатъ, въ большой опасности посреди многолюднаго и взрывавшагося города. Не припавъ никакихъ мѣръ, чтобы вѣрно знать, что вокругъ него происходитъ, онъ принужденъ былъ довѣрять людямъ, которые увѣряли его, что спокойствіе не будетъ нарушено, что ему надо только не дѣлать вида, что онъ тревожится, и не раздражать народа движеніями войскъ, — а между тѣмъ те же самые люди, распро-

страняли слухи, будто русскіе солдаты ждутъ только приказанія, чтобы кинуться на безоружныхъ жителей и предать городъ огню и мечу. Въ тоже время въ Варшаву свозилось изъ окрестностей оружіе и приготвлялось въ тайныхъ мастерскихъ. Оставалось назначить лишь день для возстанія.

Выбранный для этого день былъ великий четвергъ. Въ 11 часовъ утра поданъ былъ сигналъ нѣсколькими выстрѣлами. Вооруженные, сильно возбужденные толпы хлынули отовсюду; явились и регулярныя войска, про которыхъ Игельштрёмъ воображалъ, что они распушены по домамъ, какъ было поставлено на гродненскомъ сеймѣ. Домъ генерала Игельштрёма, казармы, где квартировали русскія войска, были окружены массами вооруженной черни; одинъ русскій баталіонъ былъ захваченъ въ церкви, где онъ говѣлъ, и такъ какъ при немъ не было оружія, то онъ принужденъ былъ сдаться. Нѣкоторымъ частямъ русскихъ войскъ удалось, вооружась на скоро, выбраться изъ своихъ помѣщений; но на площадяхъ и улицахъ, вездѣ где Русскіе появлялись, ихъ осыпали выстрѣлами со всѣхъ сторонъ,—съ крышъ, изъ оконъ. Большая часть изъ нихъ однако успѣла пробиться и выйти изъ Варшавы, но понеса при этомъ жестокій уронъ.

Варшава ликовала свое освобожденіе. Но въ ней начиналось опасное господство черни. Король нѣсколько разъ подвергался оскорблениямъ, однажды, когда онъ выѣхалъ было въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ, его попросили возвратиться «чтобы не подавать народу повода думать, будто онъ хочетъ его покинуть». Нѣсколько магнатовъ изъ числа приверженцевъ Россіи были повѣшены разгулявшимся чернью.

Варшавскія смуты нашли отзывъ въ Сандомирѣ, Люблинѣ, Гроднѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ. Тамъ также были издавна люди, которые втайне подготовляли восстаніе и, подобно тому какъ въ Варшавѣ, тамошніе русскіе начальники обѣ этомъ заблаговременно не знали. Въ Вильнѣ, захваченные врасплохъ, они были съ урономъ вытѣснены изъ города, въ которомъ тотчасъ же провозглашена конституція 3 мая и повѣшено нѣсколько русскихъ приверженцевъ, въ томъ числѣ одинъ бискупъ. Войска польскія, еще не распущенные, какъ сказано, подъ разными предлогами, потянулись къ Варшавѣ изъ Литвы, съ границъ Волыни и Галиціи, чтобы стать подъ команду Косцюшка. Прибытія въ Варшаву диктатора все ожидали съ нетерпѣніемъ—одни въ надеждѣ, что его появленія будетъ достаточно, чтобы разсѣять непріятелей Польши, другіе для того, чтобы восстановить порядокъ, потому что предводители уличной черни захватили въ это время всю власть въ свои руки, и ни спокойствіе, ни имущество, ни самая жизнь гражданъ не были ограждены. Въ Варшавѣ, напримѣръ, господствовалъ нѣкоторое время сапожникъ Килинскій, значеніе которого было несравненно больше, чѣмъ значеніе короля, находившагося почти въ заключеніи въ своемъ замкѣ.

Между тѣмъ русскія войска, выступивъ, какъ сказано, изъ Варшавы, соединились съ прусскими, которыхъ спѣшили чтобы подавить восстаніе, Косцюшко

ко кинулся къ нимъ на встречу, но былъ разбитъ. Пруссаки заняли Краковъ. Не надѣясь на успѣхъ въ открытомъ бою, Косцюшко вознамѣрился поднять крестьянъ и сдѣлать войну народною, какою въ послѣдствіи была, напримѣръ, война 1812 года. Это удалось ему, но только отчасти; онъ составилъ нѣсколько баталіоновъ изъ вооруженныхъ крестьянъ, но вообще говоря, крестьяне не принимали участія въ восстаніи, а между тѣмъ рыцарство было оскорблено ласками, которыя диктаторъ оказывалъ хлопамъ, и подозрѣвали, что онъ замышляетъ революцію столько же противъ дворянства, сколько и противъ властей русскихъ и прусскихъ: такимъ образомъ, говорить известный польскій историкъ Лелевель, вмѣсто энтузіазма царствовали раздоръ и вражда.

Извѣстіе о пораженіи Косцюшка, бывъ получено въ Варшавѣ, произвело тамъ величайшее смятеніе. Многими овладѣла робость. За то другіе поспѣшили сдѣлать воззваніе къ самымъ злымъ страстиамъ черни и усилить господство низшихъ классовъ надъ высшими. «Укрѣплять Варшаву и вѣщать измѣнниковъ»—вотъ содержаніе рѣчей, которыя стали обращать къ народу его руководители. И дѣйствительно: у заставы Варшавы стали сооружать укрѣпленія, а на площадяхъ воздвигать виѣлицы. Еще было повышено нѣсколько русскихъ приверженцевъ изъ числа магнатовъ, и между прочими еще одинъ епископъ, князь Масальскій. Съ своей стороны, Косцюшко, чтобы укротить буйство варшавской черни, принужденъ былъ повѣстить нѣсколько человѣкъ изъ ея среды.

Среди всего этого волненія и этой неурядицы получено было иззвѣстіе, что со стороны Вильны и Бреста приближаются русскія войска, и что съ ними слѣдуетъ Суворовъ, памятный своими побѣдами надъ барскими конфедератами. Онъ не замедлилъ заявить о себѣ и теперь пораженіемъ, подъ Брестомъ, одного изъ польскихъ отрядовъ. Косцюшко кинулся было на встречу этому грозному противнику, но на пути своемъ, близъ села Мацкювицы, онъ встрѣтилъ отрядъ генерала Ферзена (заступившаго мѣсто Игельштрѣма), вступилъ съ нимъ въ бой, потерпѣлъ жестокое пораженіе, и раненый самъ, былъ взятъ въ пленъ. Говорять, видя всеобщее бѣгство своего войска и истекая кровью отъ раны, онъ произнесъ съ отчаяніемъ: *finis Poloniæ* (конецъ Польши)!

Но Игнатій Потоцкій, Коллонтай и иѣкоторые другіе не хотѣли еще сознаться, что конецъ Польши настушилъ. Часть Варшавы, находящаяся по сю сторону Вислы, Прага, была вскорѣ укрѣплена, и всѣ войска, которыхъ случились подъ рукой, были стянуты сюда. Во второй половинѣ октября Суворовъ уже былъ недалеко отъ Варшавы, и не имѣя средствъ для осады, да и не любя этотъ продолжительный образъ дѣйствій, онъ вознамѣрился штурмовать ее. Для приготовленій къ этому рѣшительному дѣйствію, Суворову достаточно было трехъ дней. 24 октября онъ повелъ свои колонны на приступъ. Рѣзня была жестокая, но она длилась не болѣе четырехъ часовъ; укрѣпленія были взяты, и дальнѣйшее наступленіе было остановлено лишь пожаромъ Праги, зажженной гранатами.

Тогда лица, начальствовавшія въ Варшавѣ, увидѣли, что Висла не остановить побѣдителей. Они прислали къ Суворову предложеніе сдаться и положить оружіе.

Тяжелые дни переживала теперь Польша. Порядокъ и спокойствіе были возстановлены; но всѣ чувствовали, что за наступившею тишиной грянутъ новые громы. Всѣ были увѣрены въ неизбѣжности новаго раздѣла; иные полагали, что Варшава съ небольшимъ округомъ будетъ обращена въ особое маленькое государство, которое получитъ одинъ изъ Русскихъ вельможъ; другіе не ожидали чтобъ и этотъ призракъ Польши былъ оставленъ.

Дѣйствительно, небольшая страна, остававшаяся послѣ 1793 года подъ именемъ Польши, была раздѣлена между Россіей, Пруссіей, и Австріей. Граница Россіи прошла по Бугу и Нѣману, Пруссія пріобрѣла Варшаву и всѣ западныя воеводства до новой русской границы, Австрія—воеводства южныя, до рѣки Пилицы и Буга, такъ что границы Австріи, Пруссіи и Россіи сходились, послѣ третьаго раздѣла Польши, близъ Бреста-Литовскаго. Условія этого раздѣла были подписаны тремя державами въ декабрѣ 1795 года, и въ нынѣшній разъ не требовалось уже сейма для утвержденія уступокъ. Государство Польское было упразднено, народъ польскій причисленъ къ соѣдственными народамъ. Король польскій за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ выѣхавшій въ Гродно, сложилъ тамъ свою корону.

Большая часть земель, пріобрѣтенныхъ Россіей въ 1795 году, составляли Литовское княжество, нѣкогда поглотившее западную Русь; теперь, вмѣстѣ съ западною Русью, оно присоединилось къ Россіи. Кромѣ того къ Россіи возвращалась часть исконныхъ ея земель съ городами Луцкомъ, Владиміромъ-Волынскимъ, Брестомъ, Гродномъ и др.; только Червонная Русь съ Люблинъмъ, Красноставомъ, Львовомъ, Перемышлемъ и др. еще оставались отчужденными отъ Россіи: они были предоставлены Австріи. Однако часть этихъ земель вошла въ послѣдствіи въ составъ Царства Польскаго, такъ что въ настоящее время только Львовъ, Перемышль и нѣсколько другихъ городовъ восточной Галиціи, бывшія нѣкогда вотчинами Владимира святаго и Ярослава, остаются внѣ черты русскихъ владѣній; только жители этой прекрасной страны, простирающейся до Карпатскихъ горъ и до р. Сана, еще не возсоединились съ братію своей, и австрійское правительство спѣшило обращать ихъ насильственными мѣрами въ Поляковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.	Стран.
Границы древней Руси.—Раздробленіе ея на удѣлы.—Владимиръ Мономахъ.—Вторженіе Татаръ и покореніе ими Россіи—Литва и Литовское княжество.—Завоеваніе литовскими князьями западныхъ русскихъ княжествъ.—Въ Литву проникаютъ русскій языкъ и восточное православіе.—Литовскій князь Ягелло дѣлается польскимъ королемъ (1386 г.).—Обращеніе Литвы въ католичество.	3
II.	
Русь восточная собирается вторично вокругъ Москвы.—Польша старается тѣснѣе присоединить къ себѣ Литовско-русское вед. княжество.—Городельскій съездъ.—Іоаннъ III Московскій.—Наставленіе его своей дочери.—Московская партія въ Литовско-Русскомъ в. княжествѣ.—Люблінскій сеймъ и унія политическая (1569 г.)	13
III.	
Попытки римскихъ папъ ввести латинство въ Россіи.—Церковныя братства въ Западной Руси и Литвѣ.—Іезуиты и ихъ тайный уставъ.—Утѣсненіе православныхъ въ велик. княжествѣ Литовско-русскомъ.—Конфедерация православныхъ и лютеранъ.—Безпорядки въ православной церкви.—Мысли о церковной уції.—Измѣна епископовъ.—Брестский соборъ и провозглашеніе уніи церковной (1596.).	21
IV.	
Казаки Донскіе украинскіе и Запорожскіе.—Утѣсненіе Украины.—Наливайко.—Новая утѣсненія.—Унія распространяется.—Смуты въ Московскому царствѣ.—Самозванецъ.—Запись, которую онъ далъ чтобы получить помощь отъ Польши.—Самозванецъ вступаетъ въ Россію.—Москва его принимаетъ.—Низложеніе и смерть Самозванца.—Покушенія короля Сигизмунда на Московскій престолъ.—Возстаніе противъ Поляковъ.—Освобожденіе Москвы.	28

V.

Стран.

Іосафатъ Кунцевичъ.—Волненія въ Бѣлоруссіи и на Українѣ. Тарасъ Трасило, Павлюкъ, Остраница.—Новыя утѣшненія.—Іовъ Борецкій бьетъ челомъ Малороссій царю Михаилу.—Братства и школы поддерживаютъ чувство народности и преданность православію.—Петръ Могила.—Богданъ Хмельницкій.—Ссора его съ Чайлинскимъ.—Хмельницкій подготавляетъ восстаніе.—Желто-Водское побоище.—Пораженіе гетмана Потоцкаго.—Гайдамаки.—Восстаніе проникаетъ въ Бѣлоруссію и Галицкую Русь.—Хмельницкій входитъ въ сношенія съ союзными государствами.—Посольство А. Киселя.—Поляки подъ Зборажемъ.—Битва подъ Зборовымъ.—Зборовскій договоръ 39

VI.

Украинское казачество начало отдѣляться отъ украинскаго народа.—Сношенія Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ.—Новое восстаніе.—Сраженіе подъ Берестечкомъ.—Успѣхи Потоцкаго и Радзивилла.—Бѣлоцерковскій договоръ.—Переговоръ о принятіи Малороссіи подъ державу московскую.—Рѣшенія московской земской думы и переславской рады (1654).—Война между Россіей и Польшей.—Отчалиное положеніе Польши.—Противники Россіи.—Лукавство Хмельницкаго —Его кончина.—Выговскій.—Партія московская и патрія польская.—Гадячскій договоръ.—Измѣна Выговскаго.—Юрій Хмельницкій.—Брюховецкій.—Дорошенко.—Андрусовскій миръ.—Продолженіе неурядицы.—Вторженія Турокъ.—Дорошенко сдается царскимъ вовоедамъ.—Самойловичъ избранъ гетманомъ.—Турція уступается заднѣпровская Украина 54

VII.

Положеніе Польского государства въ XVII вѣкѣ.—Избрание королемъ Августа Саксонскаго.—Жалкое положеніе православныхъ въ Западной Руси.—Военное управление въ Малороссіи.—Друзья и недруги московские.—Московскій договоръ 1686 года.—Первый крымскій походъ.—Пожаръ въ степи.—Мазепа.—Низложеніе Самойловича и избрание Мазепы.—Второй крымскій походъ.—Сношенія Мазепы съ Польшей.—Виды царя Петра на морскія прибрежья.—Война со Шведами.—Сношеніе Мазепы съ приверженцами Шведскаго короля.—Онъ сносится съ Карломъ XII.—Доносъ Кочубея и его князь.—Интриги Мазепы въ Малороссіи.—Онъ отъѣзжаетъ въ шведскій станъ (1708).—Скоропадскій.—Полтавское сраженіе (1709 г. 27 июня). 71

III

Часть

статьи о поэзии — главы о художестве и музике в эпоху Екатерины II — А. Г. Григорьев

VIII.

Стран.

Ограничение власти гетмановъ вслѣдствіе измѣны Мазепы.—
Учрежденіе малороссійской коллегіи.—Тягости, навѣшавши на Малороссію.—Партія малороссійскихъ патріотовъ.—Политика царя въ отношеніи Малороссіи.—Полуботокъ.—Вакансія гетманского достоинства.—Графъ Разумовскій.—Улучшенія въ устройствѣ края.—Новыя побужденія къ сближенію Малороссіи съ остальную Россіей.—Окончательное уничтоженіе гетманского достоинства (1764).—Введеніе въ Малороссіи крѣпостнаго права и общаго гражданскаго устройства.

87

IX.

Гордѣенко.—Возвращеніе Запорожцевъ.—Отношенія между Россіей и Польшей: условія Московскаго договора 1686 года; гоненія на православіе въ польскихъ владѣніяхъ; жалобы нашихъ единовѣрцевъ; значеніе договора 1711 года; проектъ совершеннаго погребленія православія въ польскихъ владѣніяхъ.—Преображеніе Россіи при возведеніи на престолъ Августа III.—Взятие Гданскага.—Гоненіе противъ лютеранъ.—Феофанъ Леопотовичъ.—Георгій Конисскій.—Партія Браницкаго и партія Чорткійскихъ.—Смерть Августа III.—Междударствіе въ Польшѣ.—Конвокационный сеймъ и конфедерация.—Избраніе Станислава Понятовскаго.

96

X.

Ходатайство Екатерины за диссидентовъ.—Новыя гоненія въ Бѣлоруссіи и въ западноЗапорожской Украинѣ.—Радомская конфедерация.—Сеймъ 1767 года.—Арестованіе вѣсколькихъ сенаторовъ.—Рѣшеніе диссидентскаго дѣла.—Барская конфедерация.—Возненія между крестьянами западноЗапорожской Украины.—Гайдамаки.—Разореніе Балты.—Война съ Турцией.—Пруссія и австрійскія войска вступаютъ въ Польшу.—Похищеніе короля.—Первый раздѣлъ Польши.

109

XI.

Устройство, данное Бѣлоруссіи.—Сестренцевичъ.—Непріязненная Россія партія Потоцкихъ и др.—Народное движение на Волыни.—Партія Потоцкихъ пользуется имъ для возбужденія умовъ.—Сеймъ четырехъ-лѣтній.—Конституція 3 мая (1791 г.).—Затруднительное положеніе Польши.—Торговицкая конфедерация.—

Вступление русскихъ и прусскихъ войскъ. — Второй раздѣлъ
(1793). — Гродненскій сеймъ 124

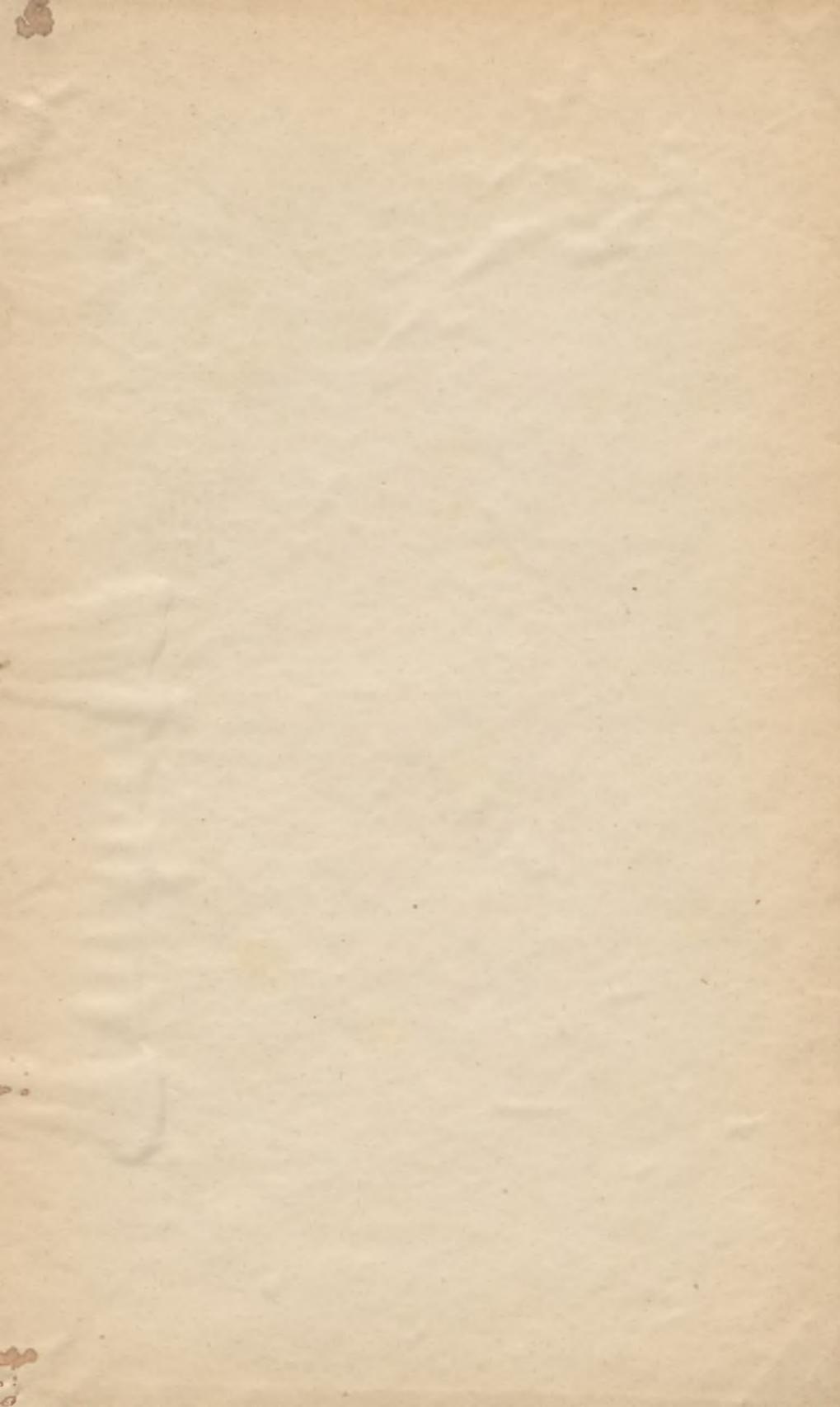
XII.

Обращеніе уніятоў въ православіе. — Приготовленія въ Польшѣ
къ новому возстанію. — Косцюшко объявленъ диктаторомъ. —
Варшавская рѣзня. — Возстаніе принимаетъ революціонный ха-
рактеръ. — Сраженіе при Мацѣювицахъ. Finis Poloniae (ко-
нецъ Польшѣ). 134

Год. 349

Мб

WYŻSZA SZKOŁA PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

162112

Biblioteka WSP Kielce

0126821